А. К. Толстой

БИБЛИОТЕКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КЛАССИКИ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

том 4

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА. 1969

Собрание сочинений выходит
под редакцией
И. Ямпольского.

Драматические произведения

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА

(Посвящается памяти Моцарта и Гофмана.)

Aber das ist die entsetzliche Folge des Sündenfalls, daß der Feind die Macht behielt, dem Menschen aufzulauern, und ihm selbst in dem Streben nach dem Höchsten, worin er seine göttliche Natur ausspricht, böse Fallstricke zu legen. Dieser Conflict der göttlichen und dämonischen Kräfte erzeugt den Begriff des irdischen, so wie der erfochtene Sieg den Begriff des überirdischen Lebens.

Hoffmann [1]

---

[1] Но таково несчастное последствие грехопадения, что враг получил силу подстерегать человека и ставить ему злые ловушки даже в его стремлении к высшему, в котором сказывается его божественная природа. Это столкновение божественных и демонических сил обусловливает понятие земной жизни, точно так же, как одержанная победа — понятие жизни неземной.

Гофман.

ПРОЛОГ

Красивая страна. Весенний вечер. Захождение солнца. Небесные духи спускаются на землю.

Духи

Из иной страны чудесной,
Людям в горести помочь,
Нас на землю царь небесный
Посылает в эту ночь;
Принести живое слово,
Жатвы все благословить,
Человека к жизни новой
Ободрить и укрепить!

Один дух

Жаль мне рода, что для хлеба
Маять век свой осужден;
Мысль его стремится в небо,
Сам над плугом он согбен;
Всем страданьям, без изъятья,
Должен дань он заплатить,
И не лучше ль было б, братья,
Вовсе смертному не жить?

Другой дух

Все явления вселенной,
Все движенья вещества —
Всё лишь отблеск божества,
Отраженьем раздробленный!
Врозь лучи его скользя,
Разделились беспредельно,
Мир земной есть луч отдельный —
Не светить ему нельзя!

Третий дух

Бог один есть свет без тени,
Нераздельно в нем слита
Совокупность всех явлений,
Всех сияний полнота;
Но струящаясь от бога
Сила борется со тьмой;
В нем могущества покой —
Вкруг него времен тревога!

Четвертый дух

Мирозданием раздвинут,
Хаос мстительный не спит:
Искажен и опрокинут,
Божий образ в нем дрожит;
И всегда, обманов полный,
На господню благодать
Мутно плещущие волны
Он старается поднять!

Пятый дух

И усильям духа злого
Вседержитель волю дал,
И свершается всё снова
Спор враждующих начал.
В битве смерти и рожденья
Основало божество
Нескончаемость творенья,
Мирозданья продолженье,
Вечной жизни торжество!

Шестой дух

Вечно вкруг текут созвездья,
Вечно светом мрак сменен;
Нарушенье и возмездье
Есть движения закон.
Чрез всемирное явленье
Бог проводит мысль одну
И, как символ возрожденья,
За зимой ведет весну!

Седьмой дух

Вот она, весна младая,
Свежим трепетом полна,
Благодатная, святая,
Животворная весна!
В неба синие объятья
Поднялась земли краса,—
Тише! Слышите ли, братья,
Все ликуют без изъятья,
Все природы голоса!

Все

На изложинах росистых,
На поверхности озер,
Вдоль ручьев и речек чистых,
И куда ни кинешь взор,
Всюду звонкая тревога,
Всюду в зелень убрана,
Торжествуя, хвалит бога
Жизни полная весна!

Проходят облака

Миновало холодное царство зимы,
И, навстречу движенью живому,
В юных солнца лучах позлатилися мы
И по небу плывем голубому.
Миновало холодное царство снегов,
Не гонимы погодою бурной,
В парчевой мы одетые снова покров,
Хвалим господа в тверди лазурной!

Расцветают цветы

Снова небо с высот улыбается нам,
И, головки подняв понемногу,
Воссылаем из наших мы чаш фимиам,
Как моление господу богу!

Пролетают журавли

По небесным пространствам спеша голубым,
Где нас видеть едва может око,
Ко знакомым местам мы летим и кричим,
Длинной цепью виясь издалека.
Видим сверху мы праздник веселый земли,
Здесь кончается наша дорога,
И мы кружимся вкруг, журавли, журавли,
Хвалим криками господа бога!

Озера и реки

Зашумели ручьи, и расторгнулся лед,
И сквозят темно-синие бездны,
И на глади зеркальной таинственных вод
Возрожденных небес отражается свод
В красоте лучезарной и звездной!
И вверху и внизу всё миры без конца,
И двояко является вечность:
Высота с глубиной хвалят вместе творца,
Славят вместе его бесконечность!

Солнце зашло.

В роще запевает соловей

Нисходит ночь на мир прекрасный,
Кругом всё дышит тишиной;
Любви и грусти полон страстной,
Пою один про край иной!
Весенних листьев трепетанье,
Во мраке веющие сны,
Журчанье вод, цветов дыханье,
Всё мне звучит как обещанье
Другой, неведомой весны!

Духи

Блажен, кто прост и чист душою,
Чей дух молитве не закрыт,
Кто вместе с юною землею
Творца миров благодарит,
Но мыслью вечно восходящей
Не в жизни ищет идеал,
И кто души своей любящей
Упорно к ней не приковал!

Соловей

Весны томительная сладость,
Тоска по дальней стороне,
Любовь и грусть, печаль и радость
Всегда межуются во мне,
Но в их неровном колыханье
Полны надежд мои мечты:
Журчанье вод, цветов дыханье,
Всё мне звучит как обещанье
Другой, далекой красоты!

Духи

Чем тени сумрачней ночные,
Тем звезды ярче и ясней;
Блажен в беде не гнувший выи,
Блажен певец грядущих дней,
Кто среди тьмы денницы новой
Провидит радостный восход
И утешительное слово
Средь общих слез произнесет!
И тьму пусть терпит божья воля,
Явлений двойственность храня,—
Блаженны мы, что наша доля
Быть представителями дня!
Пути творца необъяснимы,
Его судеб таинствен ход,
Блажен, кто всех сомнений мимо
Дорогой светлою идет!

Голос

Прекрасно всё. Я радуюсь сердечно,
Что на земле теперь весна.
Жаль только, что ее краса недолговечна
И декорация уж слишком непрочна!

Духи

Кем здесь нарушена святая тишина?
Чей голос разбудил уснувшие долины?

Голос

Я живописи тень. Я темный фон картины,
Необходимости логическая дань.
Я нечто вроде общей оболочки,
Я черная та ткань,
По коей шьете вы нарядные цветочки.

Духи

Зарницы блещут. Из болот
Седой туман клубится и встает,
Земля под нами задрожала —
О братья, близко здесь недоброе начало!

Голос

Хотя не Слово я, зато я все слова!
Всё двигаю собой, куда лишь сам ни двинусь;
По математике я — минус,
По философии — изнанка божества;
Короче, я ничто; я жизни отрицанье;
А как господь весь мир из ничего создал,
То я тот самый матерьял,
Который послужил для мирозданья.
Клеветникам назло, прогресс во всем любя,
Чтоб было что-нибудь, я в дар принес себя,
Не пожалел отдать часть собственного теста,
Чтоб вылепиться мог вселенной сложный шар;
А так как быть нельзя, не занимая места,
То в остальное он вошел, как в свой футляр.

Когда вы, полные восторженной хвалою,
Поднявши очи к небесам,
Акафисты свои поете фистулою,
Я к звонким вашим дишкантам
Фундаментальный бас.

Духи

По дерзостным речам
Тебя узнать легко. Явись же лучше к нам
И не веди происхожденья
Хвастливо от предвечной тьмы;
Увы, ты был, до дня паденья,
Таким же светлым, как и мы!

Голос

Мне грамоту мою отстаивать — бесплодно;
Во мне так много есть сторон,
Что быть готов я, коль угодно,
Не что иное, как *бурбон.*
Но если с этой точки зренья
Мы будем на мое смотреть происхожденье,
Тогда осмелюся сказать,
Вам не во гнев и не в обиду,
Что я, имев несчастье потерять
Архангельский мой вид, лишился вовсе виду.
Поэтому, коль я вам подлинно собрат,
То одолжите мне, любезные собратья,
Какой-нибудь наряд,
Приличный облик, или платье!

Духи

Бери любой; явися нам
Как змий, как ворон, иль иначе!

Сатана

(является в виде черного ангела)

Вот так известен я певцам,
А живописцам наипаче.

Первый дух

Замолкнул соловей, поблекнули цветы,
Подернулися звезды облаками...
Скажи, погибший брат, чего здесь хочешь ты
И что есть общего меж нами?

Второй дух

Дух отрицания, безверия и тьмы!
Дух возмущенья и гордыни!
Тебя ли снова видим мы,
Врага и правды и святыни?

Третий дух

Ты ль, мной самим, как червь, низверженный
во прах,
Теперь, с насмешкой на устах,
Дерзаешь в сонме сем являться?

Сатана

Превосходительный! не стыдно ль так ругаться?
Припомни: в оный день, когда я вздумал сам
Владыкой сделаться вселенной
И на великий бой поднялся дерзновенно
Из бездны к небесам,
А ты, чтоб замыслам противостать свободным,
С негодованьем благородным,
Как ревностный жандарм, с небес навстречу мне
Пустился и меня шарахнул по спине,
Не я ль в той схватке благотворной
Тебе был точкою опорной?
Ты сверху напирал, я снизу дал отпор;
Потом вернулись мы, я вниз, ты в поднебесье,
И во движенье сил всемирных с этих пор
Установилось равновесье.
Но если б не пришлось тебе меня сшибить
И, прыгнув сгоряча, ты мимо дал бы маху,
Куда, осмелюся спросить,
Ты сам бы полетел с размаху?

Неблагодарны вы, ей-ей,
Но это всё *дела давно минувших дней,*
Преданья старины глубокой —
Кто вспомнит старое, того да лопнет око!

Духи

Какое ж ныне замышленье
Тебя из бездны вызвало опять?

Сатана

Хотелось мне, для развлеченья,
Весной немножко погулять.
Но, впрочем, у меня есть и другое дело.
Коль вам беседовать со мной не надоело,
Охотно сообщу задуманный мной план.

(Садится на обгорелый пень.)

Есть юноша в Севилье, дон Жуан,
А по фамильи — де Маранья.
Ему пятнадцать лет. Счастливые года!
Чуть пухом поросла младая борода,
Почти еще дитя. Но в мыслях колебанье
И беспокойство видны иногда.
Как размышляет он глубоко
И как задумчив он порой!
К какой-то цели всё неясной и высокой
Стремится он неопытной душой;
Но если речь зайдет о воинской отваге
Или любви коснется разговор,
Его рука уже на шпаге,
Огнем горит орлиный взор.
Как он хорош в толпе придворной,
Одетый в бархат и атлас,
Когда он клонит так притворно
Свой взор при встрече женских глаз!
Зато как иногда он смело
На них украдкою глядит!
Сам бредит о любви, а кровь кипит, кипит...
О молодость моя, куда ты улетела!
Вы правы, господа! На утре бытия
Мечтателем когда-то был и я,
Пока не преступил небесного предела!

Духи

О Сатана, кого назвал ты нам!
Сей дон Жуан любимец есть природы,
Он призван к подвигам и благостным делам,
Пред ним преклонятся народы,
Он будет славен до конца,
Он стражей огражден небесной неприступно,
К нему ты не прострешь руки своей преступной—
Познай: сей дон Жуан избранник есть творца!

Сатана

Мой также. Я давно его заметил.
Я знаю, сколь удел его в грядущем светел,
И, юношу всем сердцем возлюбя,
Я сделаю его похожим на себя.

Духи

Но где же власть твоя? Где сила?

Сатана

Оно и не легко. И дорого, да мило!
Послушайте. Во всем я к точности привык.
Ведь каждый данный пункт, характер, или лик,
Мы можем мысленно, по нашему капризу,
И кверху продолжить и книзу.
Я часто сам от скуки наблюдал,
Как иногда моя меняется натура:
Взберусь наверх — я мрачный идеал;
Спущуся вниз — карикатура.
Теперь, как с кафедры адъюнкт,
Я вашего прошу вниманья:
Любую женщину возьмем как данный пункт;
Коль кверху продолжим ее мы очертанье,
То наша линия, как я уже сказал,
Прямехонько в ее упрется идеал,
В тот чистый прототип, в тот образ совершенный,
Для каждой личности заране припасенный.
Я этот прототип, не зримый никому,
Из дружбы покажу любимцу моему.
Пусть в каждом личике, хоть несколько годящем,
Какое бы себе он ни избрал,

Он вместо копии всё зрит оригинал,
Последний вывод наш в порядке восходящем.
Когда ж захочет он, моим огнем палим,
В объятиях любви найти себе блаженство,
Исчезнет для него виденье совершенства,
И женщина, как есть, появится пред ним.
И пусть он бесится. Пусть ловит с вечной
жаждой
Всё новый идеал в объятьях девы каждой!
Так с волей пламенной, с упорством на челе,
С отчаяньем в груди, со страстию во взоре,
Небесное Жуан пусть ищет на земле
И в каждом торжестве себе готовит горе!

Духи

О дух неправды! Тот, кто ищет свет,
Кто жаждет лишь обнять, что вечно
и прекрасно,
Над тем у ада власти нет,
И ты сгубить его надеешься напрасно.
Познает правду он, рассеется твой мрак,
Как ветром на луну навеянная тучка!

Сатана

Вот в этом-то и закорючка.
Уладить дело надо так,
Чтобы, во что бы то ни стало,
Всё по́д носом ловил далекий он призра̀к
И с толку сбился бы искатель идеала.
Ведь черту, говорят, достаточно схватить
Кого-нибудь хоть за единый волос,
Чтоб душу всю его держать за эту нить
И чтобы с ним она уж не боролась;
А дон Жуан душой как ни высок
И как ни велики в нем правила и твердость,
Я у него один подметил волосок,
Которому названье — гордость!

Духи

О братья, окружим незримою толпой
Младое сердце дон Жуана,
С врагом в упорный вступим бой,
Да не свершит над ним обмана!

Туман и мрак разгоним с юных дум,
Да явится им истины дорога!

Сатана

К чему весь этот треск и шум?
Помилуйте, побойтесь бога!
Зачем кричать заране: караул!
Могу сказать вам непритворно,
Мое влиянье благотворно;
Без дела праведник, пожалуй бы, заснул.
Поверьте, для людей толчки полезны эти,
Как галванисм полезен для больных.
И если б черта не было на свете,
То не было бы и святых!

Духи

Довольно. В сумраке земля уже почила,
Безмолвен лес, тиха поверхность вод,
Покой и мир для смертных настает...
Да сгинет Сатаны завистливая сила!

Сатана

Покойной ночи всем! Увидим, чья возьмет!
(Исчезает.)

Духи
(одни)

В тревожном жизни колебанье
Всегда с душой враждует плоть;
Да озарит твое сиянье
Стезю блудящего, господь!
Но если, пламенный и страстный,
Он слепо вступит в мрак и ночь,
В час испытанья, в час опасный,
Дозволь нам слабому помочь!
Твои пути необъяснимы,
Твоих судеб таинствен ход,
Блажен, кто всех соблазнов мимо
Дорогой светлою идет!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

(ДЕСЯТЬ ЛЕТ ПОСЛЕ ПРОЛОГА)

СВЯЩЕННЫЙ ТРИБУНАЛ В СЕВИЛЬЕ

Заседание в Casa santa[1]. Инквизитор, три члена, фискал и секретарь. У дверей стража.

Инквизитор

Предмет, о коем рассуждать мы будем,
Уже известен вам, святые братья:
Над исполнителями Sant' officio[2],
Тому три дня, открыто свершено
Ужасное, неслыханное дело.
Прочтите обвинение, фискал.

Фискал
(читает)

«Три дня тому назад святое братство
Под стражею вело из Антекеры
В тюрьму отпавшего мориско. Вдруг,
Одетый в плащ, черты сокрыты шляпой,
На них напал какой-то кавалер.

---

[1] Святом доме *(исп.)*.— *Ред.*
[2] Священного трибунала *(исп)*.— *Ред.*

С угрозами и шпагою махая,
Он многих ранил, прочих разогнал,
Преступника ж освободил и скрылся».

Инквизитор

Мориско был назначен на костер —
Святая церковь вопиет о мести.

Один член

И не нашли виновного?

Фискал

След найден.
При кавалере был его слуга.
Агент, узнав его по описанью,
Подговорил идти с собой в трактир;
Там схвачен он и ждет теперь допроса.

Другой член

Дозволит ли священный председатель
Нам допросить агента и слугу?

Инквизитор
(к офицеру стражи)

Сеньор Мигель, введите их обоих.

Входят шпион и Лепорелло. Последний с завязанными глазами.

Сними с себя повязку, сын мой. Кто ты?

Лепорелло
(снимая повязку)

Ай-ай! Где я?
(Увидев шпиона.)
А, господин Диего!
Так поступать нечестно. Вы меня
Своим недавно другом называли!

Фискал

Преступник, отвечай, кто ты?

Лепорелло

Позвольте —
Меня вчера на улице он встретил,
Подговорил с ним вместе отобедать
И угостил пуляркой. А теперь...

Фискал

Теперь, когда ты отвечать не станешь,
Ты будешь пыткой угощен. Кто ты?

Лепорелло

Я, господин почтенный? Я не знаю.

Фискал
(к инквизитору)

Позволите ль железные ему
Надеть ботинки?

Лепорелло

Что за вздор? Зачем?
Я сущую вам правду говорю;
Я, господа, подкинутый ребенок.
Коль по моим наклонностям судить,
Я гранда сын, а может быть, прелата!

Фискал

Сеньор Мигель! Железные ботинки!

Инквизитор
(к фискалу)

Не будем торопиться.
(К шпиону.)
Что с тобой
Он говорил, когда вы вместе пили?

Шпион

Он хвастался, что с господином он
Преступника избавил от костра.
Слуга он дон Жуана де Маранья
И соучастник в деле.

Лепорелло
(тихонько, к шпиону)

Фуй, Диего!
Мы говорили вместе как друзья;
Что я тебе за рюмкой сообщил,
Должно остаться было между нами!

Шпион

Его прозванье Лепорелло. Он
Уже лет десять служит дон Жуану.

Лепорелло

Нехорошо, Диего; право, стыдно!
Я вижу, ты болтун. Но, господа,
Когда теперь вы знаете, кто я,
Нельзя ль скорей домой меня отправить?

Инквизитор

Итак, ты, Лепорелло, признаешься,
Что вместе вы с Мараньей, на дороге,
Напали на святую инквизицью?

Лепорелло

Кто? Я? Избави боже! Я был сзади!

Инквизитор

Теперь ты должен всё нам рассказать,
Что о своем ты знаешь господине:
Каких он лет? И кто его друзья?
И часто ль в церковь ходит он? И кто
В интриге с ним? И что он говорит?
И как он судит о священном братстве?
Всё должен откровенно ты поведать
Или мученья пытки испытать.

Лепорелло

Помилуйте, священный председатель!
Вы столько задали вопросов вдруг,
Что с памятью сперва собраться надо,
Чтоб пó ряду на всё вам отвечать.

Каких он лет? Я думаю, ему
Лет двадцать пять, а может быть, и боле.
Какие у него друзья? Их много,
Но, кажется, он им не очень верит.
И хорошо он делает. Что дружба?
Вот этот господин меня сейчас
Пуляркой угостил; теперь же он
Показывает на меня. Диего!
Признайся, брат, что скверно?

Фискал

К делу! к делу!

Лепорелло

Ну, что ж еще? Да! часто ль ходит в церковь?
Коль правду говорить — не слишком часто;
Так, разве для забавы; да и то
Когда в кого влюблен, то встречи ради.

Инквизитор

В интриге с кем он?

Лепорелло

Он-то? Правый боже!
Да с кем в интриге не был дон Жуан?
Подумать страшно! Верите ль, сеньор,
Из сил я выбился носить записки
И на часах стоять то тут, то там.
Мы ездили с ним вместе по Европе;
Не пропустил нигде он никого;
Что город, то интрига; а в иных
По десяти, по двадцати случалось.
Уж я ему, бывало, говорю:
Сеньор, остепенитесь! Так вот нет же!
Вот так и прет его в интриги, право;
И точно будто ищет он чего-то;
Попробует одной, давай другую!
Как будто женщины не все равны.
Ведь, согласитеся, отцы святые,
У курицы один и тот же вкус,
Что с черным ли хохлом она, что с белым!

Инквизитор
(к фискалу)

Немножко дерзок этот Лепорелло,
Но вместе глуп. Из болтовни его
Нам кое-что, быть может, пригодится.

(К Лепорелло.)

Твой господин великий греховодник.
Теперь в кого влюблен он?

Лепорелло

В донну Анну,
В дочь командора дон Альвара. Но
Не слишком-то податлива она;
Уж с месяц мы волочимся напрасно.

Инквизитор

Что говорит он про духовных лиц?
Об инквизиции святой как мыслит?
В его речах, с друзьями, за вином,
Или с любезной в тайных разговорах,
Заметна ль ересь?

Лепорелло

Правду вам сказать,
С любезными своими дон Жуан
Не много говорит о богословье.

Инквизитор

Но быть не может, чтоб в его речах
Ты ереси преступной не подслушал.

Фискал

Подумай, вспомни. Дай нам в руки нить,
Чтоб до его безверия добраться,—
Не то готовься к пытке. Выбирай.

Лепорелло

Помилуйте, ведь я его слуга;
Нечестно доносить на господина!

Фискал

Сеньор Мигель, железные ботинки!

Лепорелло

Сейчас, сейчас! Я вспомнил! Погодите!
Дозвольте только мне один вопрос:
Беды ему от этого не будет?
Ведь это только так? Из любопытства?

Фискал

Из любопытства.

Лепорелло

А когда я вам
Всё расскажу, меня вы отошлете?

Инквизитор

Когда ты всё расскажешь нам, мой сын,
И приведешь точь-в-точь его слова,
Тебе дарует церковь награжденье,
И ты уйдешь свободно. Если ж ты
Хотя одно лишь слово утаишь,
Я должен буду, с сокрушенным сердцем,
На пытку согласиться.

Лепорелло

Понимаю.
Итак, сеньор, я должен вам сказать,
Что дон Жуан говаривал не раз:
«Святые братья глупы. Человек
Молиться волен как ему угодно.
Не влезешь силой в совесть никому
И никого не вгонишь в рай дубиной».
Он говорил, что мавры и мориски
Народ полезный был и работящий;
Что их не следовало гнать, ни жечь;
Что коль они исправно платят подать,
То этого довольно королю;
Что явный мусульманин иль еретик
Не столько вреден, сколь сокрытый враг;
Что если бы сравняли всех правами,
То не было б ни от кого вражды.

«Поэтому,— так говорил мой барин,—
Святые братья глупы». Даже стыдно
Передавать мне вам такие речи,
Но часто слышал я, как дон Жуан
Говаривал: «Святые братья глупы».

Фискал

Когда не замолчишь ты, попугай,
Тебя в железную посадят клетку!

Лепорелло

Вот этого уж я не понимаю:
Молчу — ботинки; рот разину — клетка!

Инквизитор
(к фискалу)

Оставьте, брат фискал. Слова глупца
Святыни нашей оскорбить не могут.
(К Лепорелло.)
Послушай. С господином ты своим,
Вы совершили вместе преступленье,
Которое заслуживает смерть.
Но, ради простоты твоей, тебя
Помиловать верховный суд согласен,
С тем чтобы свято нам ты обещал
Следить и наблюдать за дон Жуаном.
О каждом шаге должен ты его,
О каждом слове доносить — не то —
Увы, мой сын,— смерть и проклятье церкви!

Лепорелло
(в сторону)

Вот этого еще недоставало!
(К инквизитору.)
Извольте, я готов за ним следить
И доносить про всё с благоговеньем.

Инквизитор

Иди же с миром.
(Подавая ему кошелек.)
А червонцы эти
Дарит тебе святая инквизицья.

Лепорелло

(кладя кошелек в карман)

Беру из уваженья. Господина б
Не продал я ни за какие деньги.

Инквизитор

Ступай, мой сын, но помни обещанье!

Фискал

Коль будешь ты болтать — костер и пытка!

Лепорелло

Не беспокойтеся, отцы святые,
Всё можно сделать лаской из меня.
Мое почтение всему собранью!
А вы, сеньор Диего, вы себе
Других друзей ищите; на меня
Вы боле не надейтесь. Ваш слуга!

Лепорелло и шпион уходят в сопровождении стражи.

Инквизитор

Сомненья нет. Преступник был Маранья,
Еретик он, святого братства враг,
И на костре заслуживает смерть.

Фискал

Давно пример остывшей вере нужен.
Везде сильнее ересь возрастает,
И слабые колеблются умы.
Сожженье дон Жуана де Маранья
Спасет от казни тысячу других.

Инквизитор

Так. Но принять в соображенье надо,
Что он испанский гранд, богат связями,
Что явной на него улики нет
И что от слов он может отказаться.

Когда его мы прямо обвиним,
Наделает процесс наш много шума,
А преступленье так невероятно,
Что ропот всех подымется на нас.
Пожалуй, сам король за дон Жуана
Заступится, и этим пошатнется
Религии святой авторитет.

Один член

Процесс начать неловко. Но нельзя ж
Еретика оставить на свободе.

Другой член

Избавиться его есть много средств.

Третий член

Цель освящает средства. Братство наше
Нам дозволяет в случаях подобных
К кинжалу или к яду прибегать.

Фискал

Торжественную казнь в глазах народа,
Великолепное auto da fe [1]
Я предпочел бы этой темной казни;
Но если все согласны, то я также
Даю мое согласье на кинжал.

Инквизитор

Итак, мы в настоящем заседанье
Торжественно, но тайно объявляем
Еретиком Жуана де Маранья,
Ему же ныне смертный приговор
Постановляем все единогласно.
Да будет так. Пишите, секретарь.

---

[1] Дословно: дело веры *(португ.)* — в средневековой Испании — публичное сожжение еретиков или еретических сочинений по приговору инквизиции.— *Ред.*

КОМНАТА ВО ДВОРЦЕ ДОН ЖУАНА

Дон Жуан сидит в задумчивости и держит раскрытое письмо.

Дон Жуан

Опомнись, дон Жуан! Какое чувство
В твоей груди проснулося опять?
Какой, давно забытый, светлый мир
В тебе записка эта пробудила?
Чем донна Анна лучше всех других?
Такой же стан, и гибкий, и прекрасный,
Не раз я обнимал; к устам таким же
Я прижимал горячие уста;
Такой же голос и такой же взгляд
Не раз меня Мадонной заклинали...
И этот взгляд, и голос, и моленья,
И мой восторг, и жизни полнота —
Всё было ложь. Я обнимал лишь призрак.
От женщины, которую любил я,
Которую так ставил высоко
И на земле небесным исключеньем
Считал,— не оставалось ничего —
Она была такая ж, как другие!
А кажется, я понимал любовь!
Я в ней искал не узкое то чувство,
Которое, два сердца съединив,
Стеною их от мира отделяет.
Она меня роднила со вселенной,
Всех истин я источник видел в ней,
Всех дел великих первую причину.
Через нее я понимал уж смутно
Чудесный строй законов бытия,
Явлений всех сокрытое начало.
Я понимал, что все ее лучи,
Раскинутые врозь по мирозданью,
В другом я сердце вместе б съединил,
Сосредоточил бы их блеск блудящий
И сжатым светом ярко б озарил
Моей души неясные стремленья!
И, если бы то сердце я нашел!

Я с чим одно бы целое составил,
Одно звено той бесконечной цепи,
Которая, в связи со всей вселенной,
Восходит вечно выше к божеству
И оттого лишь слиться с ним не может,
Что путь к нему, как вечность, без конца!
О, если бы из тех, кого любил я,
Хотя б одна сдержала обещанье!
Я им не изменял — нет, нет.— они,
Они меня бесстыдно обманули,
Мой идеал они мне подменили,
Подставили чужую личность мне,
И их любить, на место совершенства —
Вот где б измена низкая была!
Нет, сам себе я оставался верен:
Я продолжал носить в себе ту мысль,
Которая являлась в них сначала;
Но вскоре я подлог их узнавал,
Одну покинув, я искал другую,
И, каждый раз всё сызнова обманут,
С ожесточенным стал я любопытством
В них струны сердца все перебирать,
Когда ж они рвалися, равнодушно
Изломанный бросал я инструмент
И дале шел и всюду находил
Одни и те же пошлые явленья!
И в ярости тогда я поклялся
Любви не верить, ничему не верить.
Искал я в ней одно лишь обладанье,
Лишь чувственность одну в ней находил.
Да, я искал ее лишь для того,
Чтобы насмешкой мстить ее насмешкам...
А ныне? Что со мной? Что эти строки?
Зачем они надежду оживили?
Уж в третий раз прочитываю их,
И в сердце тот же непонятный трепет.

(Читает.)

«Я к вам писать решаюсь, дон Жуан,
Решаюсь я исполнить вашу просьбу,
Но объясниться с вами я должна.

Успехи ваши, нрав непостоянный,
Отчаянье и слезы стольких жертв,
К несчастью, мне давно уже известны.
Для вас легко любить и разлюблять...
Ужель вы также и меня хотели б
Игрушкой сделать прихоти своей?
Нет, вопреки тяжелым обвиненьям,
Которых много так на вас лежит,
Мне говорит какой-то тайный голос,
Что уважать вас можно, дон Жуан!
Скажите ж, как должна я оправдать
Преследованья ваши? Может быть,
Вам самолюбье не дает покоя,
И требуете вы, чтобы я вам
Сама в любви призналась? Если так —
Я притворяться доле не умею,—
Я вас люблю — да — высказано слово,
Но заклинаю вас святой Мадонной
И честью вашей заклинаю вас,
Меня увидеть боле не ищите;
Отныне я почла бы оскорбленьем
Старанье ваше сблизиться со мной.
Я вам призналась — вы достигли цели,—
Теперь не трудно вам меня забыть».

(После некоторого молчанья.)

Как эти мне знакомы выраженья!
Такие ж строки часто я читал.
Все заклинают честью, долгом, верой,
Потом свиданье робко назначают,
Потом придет развязка, а потом...
Исчезнет сон, и правды час наступит!
Всё это я уж знаю наперед.
Но отчего ж записка донны Анны
Мне душу так волнует глубоко?
Встают опять чудесные виденья,
И манят снова призраки любви!
Так марево в пустыне аравийской
Пред путником рисует вдалеке
Озер и рек желанных очертанья;
Когда же он, собрав остаток сил,
Дотащится до них, изнеможенный,—

Исчезло всё. Пред ним одна лишь степь,
Песков сыпучих пламенное море!

(Смотрит на письмо.)

Слова всё те же, но как будто смысл
Другой, и будто между этих строк
Читаю я невидимые строки.
А вот и слез следы. Как будто дождь
Кропил руки неверной начертанья.
И это мне знакомо. Часто я
Такие пятнышки видал на письмах.
Нет, это не любовь. То кровь играет,
Желанья дразнит ненасытный бес!
Так что же? Где ж преграда? Или вкралось
Мне в душу состраданье? Или совесть
Меня тревожит? Что такое совесть?
Пойми себя, Жуан! Когда любовь
Есть ложь, то все понятия и чувства,
Которые она в себе вмещает:
Честь, совесть, состраданье, дружба, верность,
Религия, законов уваженье,
Привязанность к отечеству — всё ложь!
Религия! Не на любви ль ее
Основано высокое начало?
Но если основанье есть ничто —
Тогда и самое ничтожно зданье!
Двоякая в нем ложь заключена:
По мысли ложь, и ложь по примененью.
Вы, райского вербовщики спасенья,
Во имя ли любви вы громоздите
Для ваших жертв священные костры?
А вы, которых жгут благочестиво,
Вы, проповедники свободной мысли,
Вы для кого себя даете жечь?
Коль нет любви, то нет и убеждений;
Коль нет любви, то знайте: нет и бога!
Вы ж, за отечество в кровавых битвах
Бессмысленно губящие друг друга,
Вы можете ль сказать, кто приковал
К известному пространству человека?
Кто ограничил ваш свободный дух
Стеной, горами, морем, иль заставой?

Когда б любовь оправдывалась в мире,
Отечеством была бы вся земля,
И человек тогда душою вольной
Равно любил бы весь широкий мир,
Отечеством бы звал не только землю,
Он звал бы им и звезды и планеты!
А совесть? Справедливость? Честь? Законы?
Всё громкие и пошлые слова,
Всё той же лжи лишь разные названья!
Что ж остается в жизни? Слава? Власть?
Но где венец, где светлая тиара,
Которые бы стоили труда
К ним руку протянуть? Какая власть
Того насытит, кто искал блаженства?
И если б все живущие народы
И всех грядущих поколений тьмы,
Все пали ниц передо мной — ужели б
Я хоть на миг ту жажду позабыл,
Которой нет на свете утоленья?
Всё в мире ложь! Вся жизнь есть злая шутка,
И, если все явленья перебрать
И призраки пустые все откинуть,
Останется лишь чувственность одна,
Любви ничтожный, искаженный снимок,
Который иногда, зажмуря очи,
Еще принять мы можем за любовь.
К чему же нам зазреньями стесняться?
Нет! Я мириться не могу с судьбой
И рабски покоряться тени. Нет!
Не веря ничему, ничем не сдержан,
Моим страстям я отпущу бразды;
Не разбирая средств, я каждой цели
Достигну скоро, всё попру ногами,
Унижу всё и жизни отомщу!
Я не хочу искать, какое чувство
Меня теперь приводит к донне Анне!
Я к ней влеком — она моею будет!
Не нужно мне лукавить, ни хитрить;
Я и доселе в любовных приключеньях
Не обольщал с холодностью бесстрастной
И никогда рассчитывать не мог.

Воображенью дать лишь стоит волю,
Оно меня на крыльях унесет,
Минутной верой мне наполнит душу,
Искусственной любовью опьянит;
Красноречиво жгучие слова
Из уст польются; как актер на сцене,
Я непритворно в роль мою войду
И до развязки сам себе поверю.
Так. Решено Восстань же, дон Жуан!
Иди вперед как ангел истребленья!
Брось снова вызов призраку любви,
Условий пошлых мелкие сплетенья
Вокруг себя, как паутину, рви —
Живи один, для мщенья и для страсти!
Назло судьбе иль той враждебной власти,
Чьей силой ты на бытие призва̀н,
Плати насмешкой вечным их обманам
И, как корабль над бурным океаном,
Над жизнью так господствуй, дон Жуан!

Лепорелло, вбегает запыхавшись.

Лепорелло

Ай-ай, сеньор! О, о! Ай-ай! О, о!

Дон Жуан

Откуда ты? И чем ты так встревожен?

Лепорелло

Откуда я? Сейчас всё по порядку,
Сеньор любезный, всё вам расскажу.
По вашему когда я приказанью
Отнес вчера записку к донне Анне,
Дорогой я немного на мосту
Остановился посмотреть, всё так же ль,
По-прежнему ль бежит Гвадалквивир?
Облокотяся на перилы, там
С час места я, не боле, оставался,
Как вдруг ко мне подходит господин
И в разговор со мной вступает; он
Наружности был самой благородной.

Поговорив со мной о том о сем,
Он предложил мне вместе отобедать
И угостил пуляркой...

Дон Жуан

Что за вздор!

Лепорелло

И угостил пуляркой. Вдруг меня
Схватили, завязали мне глаза
И повели — куда? Ей-ей, не знаю,
Но где б вы думали я очутился?

Дон Жуан

Ну, где же?

Лепорелло

В Casa santa, ей-же-ей!

Дон Жуан

Ого! И что же там тебе сказали?

Лепорелло

Расспрашивали вежливо меня
О нашем нападении на стражу,
Когда мориско мы освободили.

Дон Жуан

И, вероятно, ты во всем признался?

Лепорелло

Во всем упорно заперся, сеньор.

Дон Жуан

Навряд ли. Но потом? Что было после?

Лепорелло

Потом, сеньор? Потом мы говорили
О важных государственных делах;
Они со мной советовались, как
Искоренить еретиков в Испаньи.

Дон Жуан

Скажи, болтун, без лжи и отступлений,
О чем тебя расспрашивали там?

Лепорелло

Сеньор любезный, будьте осторожны,
Поверьте мне: святая инквизицья
Участье в вас большое принимает.

Дон Жуан

Я по твоим глазам, мошенник, вижу,
Что ты болтал; но мне то всё равно.
Чем кончился допрос твой?

Лепорелло

О сеньор,
Они меня настойчиво просили
О каждом вашем слове, каждом шаге
Им доносить.

Дон Жуан

Ты принял порученье?

Лепорелло

Что было делать? Там у них лежат
Какие-то железные ботинки.

Дон Жуан

Когда они хотят за мной следить,
Дела мои еще не слишком плохи.
Я к сведенью участье их приму;
Ты ж, Лепорелло, будешь к ним являться
И доносить им, слово в слово, то,
Что каждый раз тебе я продиктую.

Лепорелло

Душевно рад, сеньор. Но хорошо б
На время вам Испанию оставить.

Дон Жуан

Теперь оставить? Ни за что на свете!
А донна Анна?

Лепорелло

То-то донна Анна!
Из-за нее бы не нажить беды!
Ей-ей, поверьте мне, остепенитесь,
В опасную играем мы игру.
(Уходит и тотчас возвращается.)
Сеньор, что я сейчас вам сообщил,
Не правда ли, останется меж нами?
Ведь это государственная тайна,
Я им честнóе слово дал.

Дон Жуан

Ступай.

Лепорелло уходит.

(Один.)

Итак, я нахожусь под наблюденьем
Святых отцов. Мне пó сердцу борьба!
Я обществу, и церкви, и закону
Перчатку бросил. Кровная вражда
Уж началась открыто между нами.
Взойди ж, моя зловещая звезда!
Развейся, моего восстанья знамя!

ДОМ КОМАНДОРА

Командор и дон Октавио.

Командор

Сеньор, мне тяжело, мне очень больно
Нежданным вас отказом огорчить,
Но дочери я не могу неволить.
Ее уж выбор сделан. Дон Жуан
Из уст ее уж получил согласье.
Я ваши чувства знаю и ценю;
Поверьте, я люблю вас, дон Октавьо,
Я сам, как вы, глубоко огорчен.
Ведь этот брак моею был мечтою,
Я вас давно хотел усыновить.

Но вы, не правда ль, будете нам другом
И братом донне Анне. Видит бог,
Я вам хотел отдать ее. Что ж делать?
Судьба не так решила. Дайте руку!

Дон Октавио

О мой отец! Могу ли я еще
Назвать вас этим именем священным?
Прощайте, дон Альвар. Скажите ей,
Что я иду — куда? И сам не знаю!
Иду я дале, дале от нее.
Забыть ее я не могу, но смерти
Могу искать Прощайте, дон Альвар!

Командор

Постой, Октавио. Скажи, ты вправду,
Ты искренно, ты свято любишь Анну?

Дон Октавио

Что значат эти речи, дон Альвар?

Командор

Октавио, послушай. Если вправду
Ты любишь дочь мою — не уходи.
Я всё скажу тебе. Недаром сердце
Предчувствует беду. Ты знаешь Анну.
Ее душа пылка; воображенье,
Восторженность всегда ее влекли.
Напрасно я просил ее; напрасно
Молил отсрочить горькую помолвку —
Не помогли мольбы, ни увещанья.
Она бы помешалась иль зачахла,
Когда б я власть мою употребил.
Ее умом теперь Жуан владеет,
В ее душе лишь он один царит.
Быть может, я несправедлив. Быть может,
Он искренно отрекся для нее
От прежних заблуждений. Он святыней
Клялся мне отказаться навсегда
От бурной жизни юношеских лет.
Дай бог! Но сердце чует, дон Октавьо,
Что дочь не будет счастлива за ним.

Я стар, уже давно гляжу в могилу.
Случиться может, я умру сегодня ж
И дочь мою оставлю сиротой.
Будь другом ей, Октавио, будь братом,
А если он свою забудет клятву
И если оскорбит мое дитя —
Будь мстителем ее! Клянись мне, сын мой,
Своей сестры в беде не покидать!

Дон Октавио

Тяжелый долг, отец, на сердце мне
Ты просьбою своею возлагаешь.
Их счастья быть свидетелем я должен!
О, лучше б тысяча смертей! Но если
Она еще нуждается во мне,
Я принимаю это униженье,
Я остаюсь. Во всем, о дон Альвар,
Клянусь тебе, и честь моя порукой.

КОМНАТА ДОННЫ АННЫ

Донна Анна. У ног ее сидит дон Жуан.

Донна Анна

Так это правда? Это не обман?
Меня ты любишь искренно, сердечно?
Других ты женщин для меня забыл?
Меня одну всегда любить ты будешь
И не раскаешься?

Дон Жуан

О донна Анна!
Тебя одну и вижу я и помню.
Всю жизнь мою до этого мгновенья,
Всё, что я прожил, всё, что ощущал,
Я всё забыл! И как впадают в море,
В бездонное, все реки и ручьи,
Так, без следа, мои воспоминанья
В твоей любви теперь поглощены!

Донна Анна

Я часто так во сне тебя видала,
Как ты теперь у ног моих сидишь;
Во сне я так в глаза тебе глядела,
И было в них темно и глубоко;
И мне хотелось глубже в них вглядеться,
И я в них дна не находила; мне
Казалося, что в пропасть я гляжу;
И страшно было, и так сладко вместе!
Что, если и теперь я вижу сон?

Дон Жуан

Нет, жизнь моя! Всё призрак и мечта,
Всё дым и сон — одна любовь есть правда!

Донна Анна

И любишь ты давно меня, Жуан?

Дон Жуан

Давно? Всегда! Твой образ, донна Анна,
Всегда носился смутно предо мной!
Когда один, в крушительной тревоге,
Я с жизнию боролся как пловец,
Тебя мой взор отыскивал вдали,
Тебя увидев, берег я увидел.

Донна Анна

О мой Жуан! И я была одна,
И мне тебя всегда недоставало!
Зачем отцу ты прежде не открылся?

Дон Жуан

Меня пугал его суровый нрав.
Боялся я отказа. И теперь
Я б не решился говорить, когда бы
Он не застал меня у ног твоих.

Донна Анна

То, видно, нас соединило небо!
Но, милый друг, теперь, когда нашли
Мы оба в жизни твердую опору,

Скажи, куда направишь ты свой бег?
Какую цель своим поставишь силам?
Душе высокой, светлому уму
Какую ты задашь теперь задачу?

Дон Жуан

Весь мир открыт пред нами, донна Анна;
Моя душа свободна и ясна.
К чему бы мыслью я ни обратился,
Я до всего достигну. Но оставим
Мы этот разговор. Теперь любовь,
Одна любовь моею будет целью!

Донна Анна

Ты сам себя не знаешь, дон Жуан,
Но сердцем я давно тебя постигла.
Я буду помогать тебе. Когда
Любовь твои стремленья заградит,
Я, я, Жуан, тебе о них напомню.
Я не хочу тебе преградой быть,
И твоему орлиному полету
Мешать я не должна. Но что с тобой?
Какая мысль твой омрачила взор?

Дон Жуан

Я вспомнил... да, прости мне...

Донна Анна

Что ты вспомнил?

Дон Жуан

Что ты меня не первого уж любишь.

Донна Анна

Как? Ты ревнуешь?

Дон Жуан

Дон Октавьо был
Тобой любим.

Донна Анна

И ты ревнуешь? О,
Скажи мне всё, расспрашивай меня —
Я отвечать на всё тебе готова!

Дон Жуан

Чистосердечью твоему я верю.

Донна Анна

Но ты, не правда ль, часто был обманут,
И оттого ты стал ревнив?

Дон Жуан

Напротив,
Когда меня любить переставали,
Сопернику счастливому охотно
Я место уступал; когда ж соперник
Мне докучал без повода и права,
Меж нами спор моя кончала шпага
И не давала времени созреть
Ревнивости. Я чужд ее остался.

Донна Анна

Что ж значили сейчас твои слова?

Дон Жуан

Вот видишь ли: любовь я в мысли ставлю
Так высоко, так свято понимаю
И для меня ее так нежен цвет,
Что от малейшего прикосновенья
Легко мрачится он и увядает.
Когда любил я и когда во мне
Другой, неясный образ зарождался,
Я, чтоб любви священное начало
Борьбою двух явлений не нарушить,
Спешил расстаться с той, кого любил...

Донна Анна

Расстаться, дон Жуан? Но отчего же
В тебе тот чуждый образ зарождался?

Дон Жуан

Не знаю сам. Но я с собой был честен
И двум идеям вместе не служил.
Просторно сердце женщины, напротив;
В нем резкие противоречья могут
Ужиться рядом. В нем бывает слышен,
Среди любви живой и настоящей,
Нередко запоздалый отголосок
Другой, отжившей, конченной любви.
Вины тут нет; подобные явленья
В природе женской. Но делиться я
И с тенью даже не могу тем сердцем,
Которое мне отдалося. В нем
Я должен быть один.

Донна Анна

Ты в нем один.
То чувство, что тебя смущает, было
Одно ребячество, и я тогда
Сама себя еще не понимала.

Дон Жуан

Но, может быть, ты и теперь вполне
Себя не понимаешь?

Донна Анна

Дон Жуан,
Не оскорбляй меня таким сомненьем.
Когда б я не уверена была
В себе самой, когда б я колебалась,
Я бы твоей любви не приняла,
Мне собственная гордость помешала б
Собой располагать. Нет, я твоя!
С сознанием твоя и без раздела!

Дон Жуан

О ангел мой, клянись мне в том скорей,
Клянися всем, что для тебя священно!

Донна Анна

Клянусь тебе пречистою Мадонной,
Клянусь тебе Спасителя крестом,
Клянусь отца священной сединою,
Клянуся прахом матери моей —
Вся жизнь моя и все мои мышленья
Навек, Жуан, тебе принадлежат!

Дон Жуан

А если бы тебе я изменил?

Донна Анна

В тебя я верю; мне того довольно —
Не требую я клятвы от тебя!

Дон Жуан

Однако если б?

Донна Анна

Если бы в тебя
Я верить перестала, о, тогда ..

Дон Жуан

Что б сделала тогда ты?

Донна Анна

Дон Жуан,
Не спрашивай меня, мне страшно думать,
Я думать не хочу о невозможном!

Дон Жуан

И не тревожишься ты тем, что я
Уж изменил столь многим?

Донна Анна

Сознаюсь,
Мне эта мысль не раз уж приходила.
Но для меня скрывается тут тайна;
Сейчас ты что-то намекнул об этом,
Но я тебя, Жуан, не поняла.
Не может быть, чтобы с подобным взглядом,
С улыбкой этой, с голосом твоим
Была совместна ложь. Не может быть,

Чтобы когда-нибудь ты притворялся
И мог смеяться над любя́щим сердцем!
Нет, не таким является обман!
В его очах заметно беспокойство,
Изысканна его бывает речь,
И самое старание казаться
Прямым, и откровенным, и правдивым
Его всегда невольно выдает.
Ты не таков. Не хочешь ты казаться,
Нет ничего поддельного в тебе;
Ты не старался предо мною скрыть
Своих ошибок или недостатков.
Когда тебя еще я не видала,
А знала только по одной молве,
Глубоко я была возмущена
И сильно на тебя негодовала;
Когда же я увидела тебя,
Невольное сомнение во мне
Насчет худой твоей возникло славы;
Я начала отыскивать тогда,
Придумывать старалась оправданья
Твоей преступной жизни. Ты в то время
Сближаться с нами понемногу стал,
И чем с тобою чаще я встречалась,
Тем каждый раз мне делалось яснее
Противоречье меж твоей душой
И жизнию твоей. Я поняла,
Что есть в тебе какая-то загадка.
Да, дон Жуан, загадка есть в тебе.
Твоих бровей грозящая дуга
Являет самолюбие и гордость,
В твоих очах видна бывает грусть —
Но непритворен лик твой благородный,
И в этом сердце места нет для лжи!

Дон Жуан

О, проницательность души любящей!
Так. Для обмана не был я рожден.
Когда б из тех, кого я в жизни встретил,
Хотя б одна с тобой могла сравниться,
Я не был бы теперь у ног твоих!

Донна Анна

Мне говорили также про тебя,
Что ты не уважаешь ни законов,
Ни церкви, ни святыни; но я знаю,
Твои ошибочно толкуют мысли
Не правда ли, со временем, когда
Увидишь ты, что я тебя достойна,
Ты всё мне скажешь?

Дон Жуан

Жизнь моя! Зачем,
Чего мне ждать? Теперь, не отлагая,
Я все тебе скажу. Ты не похожа
На прочих женщин; всё тебе доступно.
Суди меня — и если я виновен,
Я пред твоим склонюся приговором.
Тебя не обманули. Да, я враг
Всего, что люди чтут и уважают.
Но ты пойми меня; взгляни вокруг:
Достойны ль их кумиры поклоненья?
Как отвечает их поддельный мир
Той жажде правды, чувству красоты,
Которые живут в нас от рожденья?
Везде условья, ханжество, привычка,
Общественная ложь и раболепство!
Весь этот мир нечистый я отверг.
Но я другой хотел соорудить,
Светлей и краше видимого мира,
Им внешность я хотел облагородить;
Мне говорило внутреннее чувство,
Что в женском сердце я его найду,—
И я искал. Зачем тебя смущать
Рассказом долгих, горьких заблуждений?
Довольно. Жизнь мою ты поняла.

Донна Анна

О, не страшися своего доверья!
Да, всё я понимаю. Но скажи мне,
Чего ты ждал от тех, кого любил?

Чем был ты оскорблен иль чем обманут?
Чего ты требовал? Скажи мне всё!

Дон Жуан

Чего я ждал от них, чего искал,
Определить уже не в силах я.
Теперь я всё нашел, теперь я счастлив!
Неполно было б это чувство, если б
Его словами выразить я мог!

Донна Анна

А я, Жуан, когда б мою любовь
Могла измерить или обозреть,
Мне было б страшно; я боялась бы,
Что до тебя она не досягнет.
Но меры нет в ней! Нет во мне боязни!
Сомнений нет! Я в будущее верю,
Как верю в бога и в тебя, Жуан!

Дон Жуан

Да! Верь, о ангел! Верь! Нам надо верить!
Лишь в вере счастье! Миг единый веры
Есть вечность. Пусть он нашу жизнь поглотит!
Прочь думы! Прочь сомненья хладный червь!
Забудем всё! Весь мир! Себя самих!
В одном восторге и в одном блаженстве
Смешаем жизнь и смерть!

Входит командор.

Командор

Сеньор, простите.
Вам долго вместе быть еще нельзя.
Никто еще не извещен в Севилье
О вашем сватовстве. Но я сегодня
Пошлю к родным и к близким приглашенье,
Чтоб съехались на сговор; до того ж
Вам видеться лишь можно на гулянье.
Обычай так велит. Коль вам угодно,
Вы встретите нас завтра у фонтана
В тот час, когда взойдет луна.

Дон Жуан
(в сторону)

Проклятье!
Холодною водой меня он óбдал,
Он мне напомнил, что любовь есть призрак,
Что я сюда пришел лишь роль играть.
Перехитрил старик, поторопился
Накидывать аркан свой на меня!

(К командору.)

Сеньор, тяжел ваш строгий приговор,
Но я во всем вам покоряться должен;
До завтра я изгнанью обречен.

Командор

Простите, дон Жуан. Мы у фонтана
Вас встретим завтра.

Дон Жуан

Я не опоздаю!

(Уходит.)

Командор
(про себя, следя за ним глазами)

Как омрачилось вдруг его лицо!
Не в первый раз уже я замечаю,
Что выраженье ясное внезапно
В нем исчезает, и вокруг бровей
И возле уст играет и змеится
Насмешливо-суровая черта.
Не нравятся мне эти перемены!

Донна Анна
(ласкаясь к отцу)

Ты всё еще не примирился с ним?
Не бросил ты своих предубеждений?

Командор

Его любить готов я горячо,
Когда твою любовь он оправдает.

Донна Анна

Но ты ему не веришь. Для меня
Свое ты пересилил отвращенье,
Свой нрав крутой с трудом переломил ты,
К улыбке принужденной приневолил
При встрече с ним ты свой враждебный лик;
О мой отец, не сожалей о том,
Что дал ты нам согласие. Ты знаешь,
Тебе во всем покорна я была;
Но сердцу я приказывать не в силах,
Любить я вполовину не могу.
Вот видишь ли, во мне частица есть
Твоей решимости. Когда бы ты
Нас разлучил, о, что б со мною было!
Тебя любить, отец, я перестала б,
С тобой остаться я бы не могла!

Командор

Ты никогда ни в чем не знала меры.
Бывало, до его знакомства с нами,
Когда о нем лишь заводили речь,
Ты слов не находила порицать
Его двуличный и коварный нрав;
Когда о нем упоминали только,
Ты изменялась вся в лице; тебе
Чудовищем казался он; а ныне...
Но я не упрекать тебя пришел.
Он твой жених; любить его ты вправе;
Но ты теперь в другую впала крайность:
Все совершенства ты находишь в нем,
На всё ты смотришь лишь его очами,
От собственных суждений отреклась.
Дитя, поверь мне, крайности опасны,
Их избегать должно благоразумье
И среднею дорогою идти.

Донна Анна

О, не брани меня! Я сознаюся,
Что не всегда так думала, как ныне;
Но я не вдруг переменила мысли,
Не ветрено ему я отдалась.

Нет, кровь твоя течет во мне недаром,
Моей любви, отец, я знаю цену
И важность всю поступка моего.
О нем, отец, я долго размышляла
И долго, перед тем чтобы решиться,
Испытывала я сама себя.
Припомни, как ты нынешней весною
Со мной садился ночью у окна
Дышать прохладой и внимать гитарам,
Которые вблизи, вдали, кругом
До самого рассвета раздавались.
Он часто мимо проходил тогда,
И останавливался у решетки,
И зачинал с тобою разговор.
Не много на меня вниманья он
В то время обращал; но я, напротив,
Уже тогда, молве не доверяя,
Его старалась втайне изучить.
Для вас обоих часто неприметно
И будто ненарочным словом я
Давала направление беседе
И вызывала вас на мирный спор;
Сама ж над ним я молча наблюдала,
Не пропускала ничего, и после,
Одна, в моем покое запершись,
Я проходила весь ваш разговор,
И каждое им сказанное слово,
И ударенье каждое его,
И каждый взгляд его припоминала
И долго, долго взвешивала их.
Так этот нрав, не понятый никем,
Себе я понемногу объяснила.
Но вспомни, мой отец, ты сам его
Не безусловно осуждал. Ты часто
Его благоразумию дивился
И говорил, шутя, ему не раз:
«Вы, дон Жуан, боюся, повредите
Себе во мненье дам: в тот час, когда
Другие им приносят серенады,
Теряете вы золотое время
Со мною, стариком!» Потом, когда
Ко сну я отходила, часто ты,

Со мной прощаясь, говорил: «Однако
Мне нравится довольно дон Жуан;
Гораздо он скромнее, чем я думал,
И старость он умеет уважать.
Его мне слишком черным описали».
Не так ли было, мой отец?

Командор

Всё правда,
Обворожить умел он и меня;
Я был неосторожен. Но в то время
Не думал я, что ты его полюбишь...
Иные были у меня надежды.

Донна Анна

Да, мой отец, его я полюбила,
Когда узнала сердце я его.
Сперва во мне проснулось любопытство,
Потом участье; а потом, лишь только
Я поняла значенье дон Жуана,
Участье обратилось в удивленье,
И волю я любви тогда дала —
Тогда лишь, но не прежде. И теперь,
Ты прав, отец мой, я его люблю
Без памяти, без воли, без сознанья!

Командор

Храни господь тебя, мое дитя,
От позднего раскаянья!

Донна Анна

Я знаю,
Тебя страшит прошедшее его.
Но верь, отец, минувшие те бури
Порукой нам грядущих ясных дней!
Я не хочу оправдывать Жуана;
Он был преступен, но порочен не был.
Его дела нельзя равнять с другими,
И общей мерой мерить их нельзя.
Кто над другими так стоит высоко,
Чья мысль проникнуть алчет в недра жизни,

Кто в ней, как средь египетского храма,
Гиероглифы видит и загадки,
И объяснить себе их вечно хочет,
И вечно неудачей раздражен —
Тому невыносим условий гнет,
И тот не мог законам подчиниться,
Дорогою избитою идти!
Иных путей душа его искала,
Неясная звезда его вела,
Ему другой души недоставало,
Которая б понять его могла!
Из женщин не одна его любила,
Но их союз был слишком боязлив;
Пугала их его стремлений сила,
Его ума несдержанный порыв!
И робко все остались у преддверья,
Когда он смело шел во храма тьму,—
Жуана сердце требует доверья,—
И я, отец, поверила ему!
Я отдалась ему душою вольной,
И к правде путь мы вместе совершим;
Ему помочь есть сил во мне довольно —
Моя любовь меня сравняла с ним!

Командор

Мой милый друг, к чему нам снова спорить
И рассуждать о том, что решено!

Донна Анна
(обнимая отца)

Будь добр к нему! Оставь свои сомненья!

Командор

Дитя мое, я вас благословил,
И с той поры он сделался мне дорог.

Донна Анна

О мой отец, поверь ему, как я!
Тот дон Жуан, который бурной жизнью
Негодованье наше возбуждал,
Не есть Жуан счастливый, возрожденный,
Который ныне любит дочь твою!

Будь добр к нему! Когда мы завтра ночью
С ним на условленном сойдемся месте,
Не оскорбляй холодностью его!

Командор

Я оскорблять Жуана не намерен.
Но... я сейчас с Октавьо говорил.
Узнав из уст моих, что для него
Надежды нет, хотел он удалиться,
Искать хотел он смерти где-нибудь.
Я удержал его — он был нам другом,—
Я упросил его остаться с нами,—
Он здесь. Судьбе тяжелой он покорен.
Но рана сердца глубока. Ты, Анна,
Была к нему не без участья прежде.
Он в горести, и много облегчило б
Его твое приветливое слово...
Скажи, согласна ль ты его принять?

Донна Анна

К чему, отец мой? Что ему сказать?
Оставь свиданье до другого раза!

Командор
(про себя)

Любовь жестока и себялюбива;
Она собою только занята.
Ее, как сон, приятно опьяненье —
Но горестно бывает пробужденье!

ДВОРЕЦ ДОН ЖУАНА

Дон Жуан в богатой одежде. Лепорелло надевает на него кружевной воротник.

Лепорелло

Вот так. Лишь дайте эту цепь поправить,
И настоящий вы теперь жених!
Ну, слава богу! Мы остепенились,
И жизни безалаберной конец!

А знаете ль, сеньор, что вся Севилья
Завидует вам?

Дон Жуан

Право? Но откуда
Ты взял, что я хочу жениться?

Лепорелло

Как?
Да разве не объявлена уж свадьба?
Нет, вы теперь жених, и, слава богу,
Вам на попятный двор уже нельзя!

Дон Жуан

Жениться не намерен я.

Лепорелло

Позвольте,
Позвольте, что это такое? Как?
Досель вы изменяли, это правда,
Но не были ничьим вы женихом
И слова никому вы не давали;
А слово вещь святая. Быть не может,
Чтоб вы хотели взять его назад!

Дон Жуан

Его возьмет назад сама невеста.

Лепорелло

Как? Донна Анна вас чтоб разлюбила?
Коль на нее рассчитывали вы,
То я совсем на этот счет спокоен;
Она вас любит, как досель никто.
Нет, вы теперь уже не отвертитесь,
Уж дело в шляпе. И позвольте мне
Вам принести покорнейшую просьбу:
Вы знаете, как честно я всегда
И бескорыстно вам служил, как ваши
Любовные я часто порученья
С опасностью здоровья исполнял.
Теперь за все заслуги я прошу,
Чтобы, когда у вас родятся дети,

Вы мне их воспитанье поручили
И жалованье положили б мне,
Приличное наставнику. Сеньор,
Я хвастать не хочу, я не ученый;
О нет! Но что касается до чести,
Поспорить я могу с великим Сидом,
Дурному я детей не научу!

Дон Жуан
(смотрит в окно)

Луна взошла. Дай плащ мне и гитару.
(В сторону.)
Решительным ударом кончить надо!
Старик откажет мне и нашумит;
А перед ней найду я оправданье
И без отца сойдуся с ней опять!

Лепорелло
(подавая гитару и плащ)

Задайте ж ей скорее серенаду.
Они ведь это любят. В женихе
Предупредительность всегда похвальна!

Дон Жуан уходит.

(Один, потирая руки.)

Ну, слава богу! Скоро отдохнем!
Его понудить к браку было надо,
Как робкого купальщика, который
Воды холодной до тех пор боится,
Пока его насильно не толкнут.

НОЧЬ. ГУЛЯНЬЕ У ФОНТАНА

Два кавалера встречаются.

Первый кавалер

Вы слышали ли новость? Дон Жуан
Посватан с донной Анной.

Второй кавалер

Быть не может!

Первый кавалер

Увидите; они сегодня вместе
Здесь будут на гулянье. Кто б подумал,
Что кончит так похвально дон Жуан?

Двое других в разговоре.

Первый

Я этому поверю лишь тогда,
Когда увижу сам. Пусть кто другой —
Но дон Жуан — продать свою свободу!

Второй

Сеньор, напрасно так вы говорите,
Дочь командора хороша, как день,
Охотно был бы на его я месте!

Пожилая дама с супругом и дочерью.

Дама

И что они нашли в нем? Как отец
На то мог согласиться? Ни за что б
Не отдала ему я Инесильи!

Супруг

Гм, гм!

Дочь

За что его так все бранят?
Что в нем дурного, маменька?

Дама

Молчи,
Тебе рассказывать про это рано.

Две молодые дамы.

Первая

Как мог в нее влюбиться он? Скажи,
Что в ней хорошего?

Вторая

Одно кокетство!
Она его кокетством завлекла!

Несколько кавалеров и дам.

Первый кавалер

Здесь подождем. Они сюда придут.

Первая дама

Но донне Кларе, может быть, теперь
Не хочется увидеть дон Жуана?

Вторая дама

Зачем же, если донне Консепсьоне
Приятно будет встретить вместе с ним
Счастливую соперницу свою!

Первая дама

Когда бы мне он сделал предложенье,
Я молча дверь ему бы указала.

Вторая дама

Как жаль, что он не сделал вам его!

Второй кавалер

Вот он идет! Смотрите! И гитара
В его руке. Зачем теперь гитара?
То прежде кстати было бы, когда,
Вздыхая, он у дома командора
Простаивал до самого утра.

Третья дама

Как он глядит на эти окна. Кто
Живет над тем балконом?

Третий кавалер

Как, над тем?
Не смею вам сказать, сеньора, там...
Живет одна... одна... не смею, право!

Третья дама

Смотрите, он остановился. Он
Гитару строит. Кто же там живет?

Третий кавалер

Глазам своим не верю! Там живет
Потерянная женщина одна
По имени Нисета. Целый город
Нисету знает, но никто б не смел
На улице ей поклониться. Право,
Я ничего не понимаю. Как?
Он сбросил плащ, он шляпу загибает,
Его лицо освещено луной,
Как будто хочет он, чтоб вся Севилья
Его узнать могла. О, это слишком!
Возможно ль! Он поет!

Третья дама

Какая наглость!

Дон Жуан
(поет под балконом)

Гаснут дальней Альпухарры
Золотистые края,
На призывный звон гитары
Выйди, милая моя!
Всех, кто скажет, что другая
Здесь равняется с тобой,
Всех, любовию сгорая,
Всех зову на смертный бой!
От лунного света
Зардел небосклон,
О, выйди, Нисета,
Скорей на балкон!

Нисета
(показываясь у окна)

О дон Жуан, уйдите, ради бога!
Вы губите меня. Скорей уйдите!
Когда о том узнает командор,
Он заколоть меня велит. Молю вас...

Д о н Ж у а н
(продолжает)

От Севильи до Гренады,
В тихом сумраке ночей,
Раздаются серенады,
Раздается стук мечей;
Много крови, много песней
Для прелестных льется дам,—
Я же той, кто всех прелестней,
Песнь и кровь мою отдам!
От лунного света
Горит небосклон,
О, выйди, Нисета,
Скорей на балкон!

В продолжение серенады подходит к о м а н д о р, под руку с д о н н о й А н н о й, и останавливается в некотором расстоянии.

К о м а н д о р

Как? Что? Не может быть! Не верю! Нет!

Дон Жуан оборачивается к нему, продолжая перебирать струны.

Так! Это он! Злодей! Бездельник! Изверг!
(К тем, которые хотят удержать его.)
Прочь от меня!
(К дон Жуану, обнажая шпагу.)
Бездельник! Шпагу вон!

Д о н Ж у а н
(насмешливо)

Сеньор, умерьте гнев ваш. Это шутка.

К о м а н д о р

Вон шпагу, иль убью тебя!

Д о н н а А н н а

О боже!

Д о н Ж у а н

Сеньор, не горячитесь. Это шутка.
Я забавлялся.

Командор
(выпадая)

Так умри ж теперь!

Дон Жуан
(отскакивает и вынимает шпагу)

О, если так, извольте, я готов!

Дерутся. Командор роняет шпагу. Дон Жуан скрывается.

Командор

Я ранен! Дочь! Ко мне... я умираю!

Донна Анна

Отец, отец! О боже! Помогите!
Врача! Скорей врача!

Командор
(падая)

Не надо, Анна.
Сюда, мое дитя... нагнись поближе...
Ко мне поближе, Анна. Милый друг,
Дитя мое, прости! Я умираю...
Одна теперь осталась ты на свете...
Ты сирота... но друг есть у тебя...
Октавио... не отвергай его...
Быть может, после... через год... о Анна,
Нет сил... я умираю...

(Умирает.)

Донна Анна
(бросаясь на труп отца)

Боже, боже!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОКРЕСТНОСТИ КАДИКСА

Дон Жуан и Лепорелло, в разговоре.

Лепорелло

Охота, право, вам была, сеньор,
Связаться с этим стариком. Извольте
С его семейством справиться теперь!

Дон Жуан

Я знать не мог, что он остервенится
И бросится со шпагой на меня.
Покойник бешен был не по летам.
А я хотел его лишь подразнить
И отучить настаивать на свадьбе.

Лепорелло

Так только в том была его вина,
Что сделаться хотел он вашим тестем?
Ну, что ж? И слава богу! В добрый час!
Давно бы вам пора остепениться.
Что мы за жизнь ведем? Скажите сами.
А донна Анна чем была не пара?

Вы были бы теперь отцом семейства,
И жили б смирно, тихо, хорошо,
Как бог велит, и прыгали б вкруг вас
Без счету и числа мал мала меньше.
Всё маленькие дон Жуаны. Да.

Дон Жуан

Приятная картина в самом деле,
Но забываешь ты, что года нет
С тех пор, как я был женихом.

Лепорелло

Так что же?
Вы в полгода успели б сделать то,
На что другим бывает жизни мало;
Вы время не теряете.

Дон Жуан

Глупец.

Лепорелло

И кажется, ведь вы ее любили,
По крайней мере, больше, чем других.
Когда вы вашу выкинули штуку,
Вы были пасмурны дня три потом.

Дон Жуан

Я и теперь люблю ее.

Лепорелло

Быть может,
Да проку-то от этого нам мало.
Теперь небось не сунетесь вы к ней.

Дон Жуан

Она моею будет. Так хочу я.
Я до моей достигну цели.

Лепорелло

Ой ли?
Спровадивши отца, за дочкой вы
Уж не хотите ль снова волочиться?

Дон Жуан

Я никому ее не уступлю.

Лепорелло

Ха-ха! го-го! А дон Октавьо? А?
Я чай, уже теперь их свадьба близко;
Пожалуй, донна Анна уж за ним.

Дон Жуан

За ним иль нет, она моею будет.

Лепорелло

Забавная была бы то исторья!
Ха-ха! Как, донна Анна?

Дон Жуан

Полно врать.
Смотри. Ты видишь этого гидальго,
В плаще и маске, что минут уж с пять
Взад и вперед всё ходит перед нами?
Спроси его, чего он хочет.

Лепорелло

Как?
Вон этого? Не лучше ль нам, сеньор,
Убраться от него подале?

Дон Жуан

Трус!
Спроси его сейчас, чего он хочет.

Лепорелло

Поверьте мне, уйдемте лучше прочь,
Не нравятся мне новые знакомства.

Дон Жуан

Так оставайся. Я его спрошу.
(Идет навстречу незнакомцу.)
Кого вам надобно, сеньор?

Незнакомец

Сеньор,
Ищу я дон Жуана де Маранья,
К нему есть у меня письмо.

Дон Жуан

Подайте,
Я дон Жуан.

Незнакомец, подавая письмо, хочет ударить дон Жуана кинжалом
Дон Жуан хватает его за руку и сжимает ему горло.

В другой раз будь ловчее!
Мне голос твой знаком. Эй, Лепорелло!

Лепорелло
(издали)

Я говорил, сеньор, уйдем! Ну, что же?
Вы ль держите его иль он вас держит?

Незнакомец

Простите, я ошибся.

Дон Жуан

Вижу, друг.
Эй, Лепорелло! Подойди сюда!

Лепорелло
(издали)

Сейчас, сеньор! Башмак мой развязался!

Дон Жуан

Трус! Я держу разбойника. Иди!

Лепорелло
(издали)

Держите же покрепче. Да кольните
Его сперва немножко под ребро.
(Подходит с осторожностью)

Дон Жуан

Сними с него скорее маску.

Лепорелло снимает с незнакомца маску

Как?
То наш приятель Боабдил? Мориско,
Которого спасли мы от костра?

Скажи, за что хотел меня убить ты?
Что сделал я тебе?

Боабдил

Сеньор, простите,
Я силою был вынужден к тому.
Освобожденный вами так чудесно,
Я пойман был опять. Святое братство
Мне обещало полное прощенье,
Когда я вас убью в известный срок;
Не то — я должен быть сожжен. Сегодня
Срок кончился.

Дон Жуан

Итак, любезный друг,
Тебя сожгут. Но кто ж тебе мешал
Уйти и скрыться где-нибудь?

Боабдил

Нельзя!
За мной следят. Меня б опять поймали.

Дон Жуан

Ты, видно, снова принял христианство?

Боабдил

Вторично; вам к услугам.

Дон Жуан

Но зачем
Ты в первый раз отрекся от Христа?

Боабдил

Торговлю я веду с тунисским деем,
В Берберию невольниц поставляю.

Дон Жуан

Причина недурна. Ты веришь в бога?

Боабдил

Смотря по обстоятельствам, сеньор.

Дон Жуан

А в совесть веришь?

Боабдил

В совесть? Как придется.

Дон Жуан

Я вижу, ты мошенник откровенный.
Философ ты, не зная сам того.
Без размышлений дальних и глубоких,
Ты до того же вывода дошел,
К которому меня приводит опыт
И логики неумолимой нить.
Куда ж ты денешься теперь?

Боабдил

Теперь?
Когда бы были у меня цехины,
Я где-нибудь фелуку бы достал
И сделался б пиратом.

Дон Жуан

Лепорелло!
Сейчас его в дворец мой проводи.
Пусть спрячется он. Там его не будет
Искать теперь святая инквизицья.
Да угости его как можно лучше,
Он мой приятель. В бога он не верит.
Я этаких людей люблю. Ступайте.

Лепорелло
(снимая шляпу и низко кланяясь Боабдилу)

Дон Боабдил, слуга я ваш покорный!
Рекомендуюсь вам. Я в бога верю;
Но, может быть, я ошибаюсь. Если
Один лишь черт вселенной господин,
На том свету прошу вас мне у черта
В протекции своей не отказать.

Уходят вместе.

КОМНАТА ДОННЫ АННЫ

Донна Анна
(вся в черной одежде сидит у окна)

Как в ясный день крушительная буря,
Так на меня обрушилась судьба.
О мой отец! Услышь меня из гроба!
Перед тобой его я обвиняю!
Да, он тебя не одного убил.
Он, он убил души моей святыню;
Надежды все и чистые мечты,
Заветные убил он убежденья,
Он всё убил! В отчаянье он ввергнул,
В безверие низринул дочь твою!
То был дух тьмы, вид ангела принявший,
Но в нем не я ошиблась — нет, не я!
Отец мой, не вини меня! Предвидеть
Никто не мог сего, ни угадать.
Здесь выводы нарушены событий,
Насилован предвечный ход судьбы;
То истин всех закон непогрешимый
Разбился о двуличие его!
Нет, не меня ты обманул, Жуан,—
Ты обманул и бога и природу!

Входит дон Октавио. Она его не замечает.

Дон Октавио
(после долгого молчания)

Уж год к концу приходит, донна Анна,
С тех пор, как страшный вас постиг удар.
Ужели нет вам в горе облегченья?
Отчаянью ужели нет конца?
Все так же вы бледны и молчаливы,
Все так же смотрит ваш недвижный взор;
О, если бы на миг я вас увидел,
Какою я когда-то вас знавал!

Донна Анна

Прошло то время, дон Октавьо. Ныне
Пора другая настает. Я стала,
Вы видите, спокойнее теперь.
Я в монастырь решилась удалиться.

Дон Октавио

Что слышу я? Возможно ль, донна Анна?

Донна Анна

Я так решилась, дон Октавьо.

Дон Октавио

Нет!
Я не могу молчать пред вами доле!
Я дал себе святое обещанье
Не говорить вам о любви, но нет,
Молчать нет силы доле. Донна Анна!
Я вас люблю, как никогда никто
Доселе не любил еще на свете!
Я вас люблю не для себя. Бог видит,
Нет жертвы, нет такого униженья,
Которого б не принял я для вас.
Мученья ада были бы ничто
В сравнении с ревнивостью моей!
Но я ее насильно заглушил,
Обезоруженную подал руку
Сопернику. Я знал, о донна Анна,
Что он вас недостоин; но его
Любили вы — и он мне стал священен!
И самое мне ваше заблужденье
Священно было; и чтобы для вас
Спасти того, кто жизнь мою похитил,
Я, не колеблясь, кинулся бы в пламя!
Забыв, кто он, забыв себя, весь мир,
Я вас лишь видел, вас одних лишь помнил;
Когда меня отвергли вы, когда,
Злодейства став неслыханного жертвой,
Вы на мое безмолвное участье
Холодностью одною отвечали,
Я вас любил, любил вас безнадежно!

Все действия мои и все мышленья
К одной я только цели направлял,
В себе самом давно уж не живу я,
Мою всю душу в вашу перелил!
Я вами лишь дышу, я вами мыслю,
Я всё отринул, всё в себе убил;
Все, что не вы,— мне все невыносимо!

Донна Анна
(рассеянно)

Мне кажется, дня три уж, дон Октавьо,
Я не видала вас.

Дон Октавио

Дня три? Без чувств
Лежал я с месяц. Я был ранен.

Донна Анна

Право?
Кем ранены вы были?

Дон Октавио

Тем, кого
Назвать при вас я не хочу.

Донна Анна

И что же?
Вы ранены... а он?.. убит?

Дон Октавио

Два раза
Мы с ним сходились. Первый раз он шпагу
Из рук мне вышиб и хотел мириться.
Второй, лишь только мы скрестили шпаги,
Он выпал и насквозь мне проколол
Плечо. Нас разлучили.

Донна Анна
(после некоторого молчания)

Дон Октавьо,
Вы о любви сейчас мне говорили;
Как думаете вы, могу ли я
Спокойно вас и хладнокровно слушать?

Могу ли жить, смотреть на это небо,
На эту зелень, на природу всю,
Пока он жив? Как? он, мой враг смертельный,
Убийца моего отца, губитель
Всего, что было свято для меня,
Он жив, он также видит это небо,
Он воздухом одним со мною дышит,
Он на одной живет со мной земле,
Своим присутствием он заражает
Тот мир, где жить я с ним осуждена,
А вы, вы о любви мне говорите!

(Презрительно.)

Вы с ним дрались! Он вышиб вашу шпагу!
Он ранил вас! И думаете вы,
Что долг вы свой исполнили, что можно
Вам о любви теперь мне говорить!
Да разве всё вы совершили? Разве
К нему законы чести применимы?
Дрались вы разве с человеком? Как?
Когда б с цепей сорвался хищный зверь
И в бешенстве весь край опустошал бы,
Ему бы также вызов вы послали?

Дон Октавио

О донна Анна, верьте, вам не нужно
Мою вражду насмешкой разжигать!
Меж им и мной не кончен спор кровавый,
Но те слова, что вырвались у вас,
Они не ваши были, донна Анна,
Отчаяние их произнесло!

Донна Анна

Нет, он не так бы поступил, как вы!
Когда бы он любил меня, когда бы
Он был на вашем месте — о, давно
Сумел бы он от вас меня избавить!
Любить он мог бы, если б захотел!

Дон Октавио

Опомнитесь! В себя придите! Вам ли
Меня язвить так горько, донна Анна?

Донна Анна

Какие только знаю я проклятья,
Я все зову на голову его!
Быть может, смертный грех я совершаю,
Но нам обоим места в свете нет!
Душою всей и каждым помышленьем,
Дыханьем каждым я его кляну,
Биеньем сердца каждым ненавижу,
Но ваше малодушье, дон Октавьо,
Я презираю. Слышите ли? Вас
Я презираю.

(Уходит.)

Дон Октавио

Да простит ей бог!

ДВОРЕЦ ДОН ЖУАНА БЛИЗЬ КАДИКСА

Дон Жуан с приятелями за столом.

Первый

Ха-ха-ха-ха! Забавное, дон Цезарь,
Вы рассказали похожденье нам!

Второй

И что ж? Чем кончилось оно?

Дон Цезарь

Инеса
В тот самый год от горя умерла.

Первый

И совесть вас не мучила?

Дон Цезарь

Нисколько.

Второй

Ее вы разве не любили?

Дон Цезарь

Нет.

Первый

А долго ли вы были женихом?

Дон Цезарь

Пока моя к ней прихоть продолжалась.

Второй

Что скажет нам на это дон Жуан,
Учитель наш и мастер в волокитстве?

Дон Жуан
(к дон Цезарю)

Святая церковь вас осудит.

Дон Цезарь

Нет,
Мой дядя кардинал, и мне из Рима
Прислал он отпущений про запас.

Дон Жуан

Вы цените, как должно, отпущенья?

Дон Цезарь

Я не язычник, и моей души
Я погубить нисколько не намерен!

Дон Жуан

Вас жизнь не тяготит? Вы ей довольны?
В явлениях ее вы ничего
Не ищете душою беспокойной?

Дон Цезарь

Чего ж искать в ней, если не веселья?
Я жизнь люблю за то, что веселюсь.

Дон Жуан

Когда паспо́ртом в рай вы запаслися,
А жизнию довольны, то с Инесой
Вы поступили как подлец.

Дон Цезарь
(вскакивая)

Как? Что?
Что вы сказали?

Дон Жуан

Я сказал, что вы
Подлец.

Дон Цезарь
(хватая бутылку)

Я проучу вас!

Дон Жуан
(хладнокровно)

Берегитесь,
Я вас убью.

Гости
(бросаясь между них)

Стыдитесь, господа!

Входит дон Карлос.

Дон Карлос

Я, дон Жуан, принес вам новый вызов
От дон Октавьо. Исцелясь от раны,
Он бой вам нà смерть предлагает.

Дон Цезарь

Стойте!
Я первый должен биться с дон Жуаном!

Дон Карлос

Сеньор, за дон Октавьо первенство —
Он первый оскорблен.

Дон Цезарь

Я не согласен!

Дон Жуан

Я весь к услугам вашим, господа;
Решите это дело между вами.

Расходятся.

ОКРЕСТНОСТИ КАДИКСА. ДВОР ПЕРЕД ДВОРЦОМ ДОН ЖУАНА

Дон Жуан, Лепорелло в длинных сапогах, с плетью в руке.

Дон Жуан

Что нового?

Лепорелло

Сеньор, я из Севильи
Скакал всю ночь. Я думаю, ваш конь
Поездку эту долго не забудет.

Дон Жуан

Фискала видел ты? Донес ему
О новых преступленьях дон Жуана?

Лепорелло

Исполнил, слово в слово, все, что вы
Мне приказать изволили намедни.

Дон Жуан

И что же?

Лепорелло

О сеньор, нам очень плохо!
Случайно я проведал стороною,
Что к ним из Рима будет новый член,
Какой-то дон Йерóнимо. Он в Кадикс
На корабле на днях приехать должен.
Святых он братий хочет подтянуть;
Они его со страхом ожидают;
Чтоб избежать в бездействии упрека,
Формальный вам готовится процесс;
Арестовать должны вас очень скоро.

Меж тем разосланы во все концы
Глашатаи, чтоб ваше отлученье
От церкви и закона объявить.
Пропали мы совсем!

Дон Жуан

Где Боабдил?

Лепорелло

Насчет его позвольте мне, сеньор,
Вам сообщить богатую идею.
Она пришла мне в голову, когда
Я к вам скакал с известьем из Севильи.
Кто этот Боабдил? И как ему
Вы можете так безусловно верить?
За то ль, что он хотел вас ткнуть кинжалом,
Ему от вас все милости идут
И наравне вы ставите его
Со мной, и даже выше, чем меня,
Который столько лет вам служит честно?
Ведь это вас к добру не поведет;
Увидите, еще бродяга этот,
Отступник, шельма, висельник и вор,
На вас беду накличет. Средство ж есть
Не только избежать беды, но пользу
Из шельмы этого извлечь, когда вы
Послушаетесь моего совета
И в рассужденье вникнете мое.
Мой взгляд на это дело очень прост:
Ведь Боабдил, не правда ль, осужден
Был инквизицьей на сожженье? Так ли?
Его мы свободили. Но потом
На нашу жизнь он покусился. Так ли?
Теперь спрошу вас: если бы мы знали,
Что он покусится на нашу жизнь,
Спасли ли б мы тогда его от смерти?
Нет, мы тогда его бы не спасли,
И был бы он теперь сожжен. Не правда ль?
Итак, коль мы сожжем его теперь,
Мы этим не возьмем греха на совесть,
Понеже всё останется, как было.

А мой совет: схватить его сейчас
И на дворе публично сжечь. Мы этим
Докажем всем, в ком есть на нас сомненье,
Что добрые мы християне. Ну,
Что скажете, сеньор, на эту мысль?

Дон Жуан

Что ты дурак, и сверх того завистлив.

Лепорелло

Прикажете ли разложить костер?

Дон Жуан

Поди и позови мне Боабдила.

Лепорелло

Сейчас, сеньор. Я очень вас прошу
Мое серьезно взвесить предложенье.
У вас на шее новых два убийства:
Октавьо и дон Цезарь.

Дон Жуан

Первый мне
Своими вызовами надоел;
Второго же не жаль; он был подлец.
Но ты наскучил мне. Поди сейчас
И Боабдила позови.

Лепорелло

Извольте.

(Уходит.)

Дон Жуан
(один)

Мне оставаться доле невозможно,
Испанию покинуть должен я.
Но мысль о донне Анне не дает
Покоя мне. Я не был никогда
Особенно к чувствительности склонен;

Не помню даже, чтобы мне ребенком
Когда-нибудь случалось плакать. Ныне ж,
В мучительных и сладких сновиденьях,
Когда ее я вижу пред собой,
Я делаюся слаб, и, пробуждаясь,
Я ощущаю слезы на лице.
Я сам себя не узнаю. Когда бы
Не горький мой и многократный опыт,
Я б это чувство принял за любовь.
Но я не верю ей. Одно желанье,
Одна лишь страсть во мне; и, может быть,
Я трудностью победы подстрекаем!
Чего же ждать? Не буду малодушен,
Чувствительность рассудком изгоню,
Без нежных вздохов и без колебаний
Пойду я прямо к цели и сомненьям
Развязкой скорой положу конец!

(Задумавшись.)

Тогда и этот новый призрак счастья
Исчезнет, как все прежние. Да, да,
Я излечусь; но это излеченье
Тяжеле будет самого недуга,
И я куплю спокойствие мое
Еще одной потерей идеала!
Не лучше ли оставить этот цвет
Несорванным, но издали дышать
Его томительным благоуханьем
И каждый день, и каждое мгновенье
Воздушною идеей упиваться?
Безумный бред! То было бы возможно
Другому, но не мне. Мечтатель я —
Но я хочу мечты осуществленья,
Неясных положений не терплю.
Я не могу туманным обещаньем
Довольствоваться в жизни. От нее
Я исполненья требую. Я знаю,
Что и теперь она не сдержит слова,
Но чем скорее выйдет ложь наружу,
Тем лучше для меня. Я не хочу
Быть убаюкан этим заблужденьем.
В Испании да будет донна Анна

Моим последним, горьким торжеством!
С чего ж начну? Еще не знаю сам,
Но чувствую, что уж готов мой демон
Мне снова помогать: в моей груди
Уж раздувает он губящий пламень,
К безумной страсти примешал вражду...
В моем желанье тайный гнев я чую,
Мой замысел безжалостен и зол,
На власть ее теперь я негодую,
Как негодует раненый орел,
Когда полет влачить он должен низко,
И не решу, что́ мне волнует кровь:
Любовь ли здесь так к ненависти близко
Иль ненависть похожа на любовь?

Приходит Боабдил.

Ты все ли сделал, как я приказал?

Боабдил

Надежных удальцов до полусотни
На ваши деньги нанял я, сеньор.
Фелука также уж совсем готова:
Ходок отличный. Щегольски загнута,
Лихая мачта в воздухе дрожит;
Прилажен к ней косой латинский парус;
Мадонна шелком вышита на нем;
На флаге герб Тенорьо де Маранья —
И провианту вдоволь. По волнам,
Как ласточка, скользя на них без звука,
Запрыгает разбойничья фелука!

Дон Жуан

Где вы на якоре стоите?

Боабдил

Близко
От вашего дворца. Скалистый мыс
От крейсеров пока нас закрывает.

Дон Жуан

По первому готовы будьте знаку
К дворца ступеням подойти. На пир
Я моряков удалых приглашаю.
Сегодня или завтра я намерен
Испанию оставить навсегда.

Боабдил уходит, входит Лепорелло.

Лепорелло

Ну что ж, сеньор? Обдумали вы план мой?

Дон Жуан

Седлай сейчас мне лучшего коня,
С тобою вместе я скачу в Севилью.

Лепорелло

В Севилью? Боже мой!
(В сторону.)
Мой господин,
Мне кажется, немного помешался!

Дон Жуан

В Севилью скачем мы с тобой сейчас,
И прежде, чем настанет новый день,
В моих объятьях будет донна Анна.

СУМЕРКИ. КЛАДБИЩЕ

Дон Жуан и Лепорелло слезают с лошадей.

Дон Жуан

Здесь жди меня.

Лепорелло

Помилуйте, сеньор,
Нельзя ли выбрать вам другое место?
Ведь это есть то самое кладбище,
Где погребен убитый командор!

Смотрите — вон и памятник его!
Весь мраморный, на мраморном коне;
У, как на нас он сверху смотрит строго!

Дон Жуан

Ее отсюда вилла недалёко,
Сюда же ночью не придет никто.
Здесь жди меня, я до зари вернуся.
(Уходит.)

Лепорелло
(один)

Брр! Дрожь меня по жилам пробирает!
Ведь, право, ничему не верит он,
Всё для него лишь трын-трава да дудки,
А на меня могильный холод веет,
И чудится мне, будто меж гробниц
Уже какой-то странный ходит шепот.
Ух, страшно здесь! Уйду я за ограду!

Сатана
(является между могил)

Люблю меж этих старых плит
Прогуливаться в час вечерний.
Довольно смешанно здесь общество лежит,
Между вельмож есть много черни;
Но это не беда, а жаль, что посещать
Иные мне нельзя гробницы:
Здесь есть две-три отроковицы,
Пять-шесть еретиков, младенцев дюжин с пять,
К которым мне нельзя и носу показать.
Под веденьем небесной силы
Их состоят могилы;
Мне портят ангелы житье.
Не нужно напрягать им слуха,
Сейчас проведают по духу,
Такое тонкое чутье!
Уж я их слышу приближенье...
Ну, так и есть, явилися сюда...
Мое нижайшее почтенье,
Слуга покорный, господа!

Небесные духи

Оставь усопшим их забвенье,
Оставь гробы до Страшного суда,
Не преступай священного предела!

Сатана

На этот раз до мертвых нет мне дела.
Иной заботой занят я.
Вы помните, друзья,
Наш давний спор про дон Жуана?
Я говорил, что поздно или рано
Он будет мой. И что ж? Свет победила мгла.
Не понял той любви святого он значенья,
Которая б теперь спасти его могла,
И слепо он свершит над нею преступленье.

Духи

В безмолвии ночи
Мы с ним говорили,
Мы спящие очи
Его прояснили,
Из тверди небесной
К нему мы вещали
И мир бестелесный
Ему показали.
Он зрел, обновленный,
В чем сердца задача,
И рвался к нам, сонный,
Рыдая и плача;
В дневной же тревоге
Земное начало
Опять от дороги
Его отвращало;
Он помнил виденье,
Но требовал снова
Ему примененья
Средь мира земного,
Пока его очи
Опять не смежались
И мы, среди ночи,
Ему не являлись;

И вновь он преступный
Гнал замысл обратно,
И мысли доступна,
И сердцу понятна
Стремленья земного
Была неудача,
И наш он был снова,
Рыдая и плача!

Сатана

Я вижу из сего, что путь его двойной,
И сам он, кажется, двоится:
Во сне он ваш, но наяву он мой —
На этом я согласен помириться!

Духи

Высокой он душой на ложь ожесточен,
Неверие его есть только плод обмана,
Сгубить лишь на земле ты можешь дон Жуана,
Но в небе будет он прощен!

Сатана

Тогда бы в небе толку было мало!
Он сердится на ложь,— сердиться волен всяк.
Но с правдой ложь срослась и к правде так пристала,
Что отскоблить ее нельзя никак!
А он скоблит сплеча, да уж едва ли
Насквозь не проскоблил все истины скрижали.
Не верит нà слово он никому ни в чем;
Веков работу предприняв сначала,
Он хочет всё, что нам преданье завещало,
Своим исследовать умом.
Немножко щекотливо это!
Я сам ведь враг авторитета,
Но пообтерся меж людьми;
Беда все отрицать! В иное надо верить,
Не то пришлось бы, черт возьми,
Мне самого себя похерить!

Духи

Лукаво ты его смущал,
Ты истощил его терпенье,
И гнаться он устал за тою беглой тенью,
Что лживо на земле ему ты показал.

Сатана

Прошу покорно извиненья!
Конечно, я его морочил много лет,
Но нынешний его предмет
Есть между всеми исключенье.
Могу вам доложить, без лести и похвал,
Она точь-в-точь на свой походит идеал,
И даже самому мне странно,
Что в форму вылилась так чисто донна Анна.
Когда б ее сумел он оценить,
Свершилось бы неслыханное чудо,
Моих сетей разорвалась бы нить
И со стыдом бы мне пришлось бежать отсюда.
Но слеп он, словно крот. К чему ж еще обман?
Уж нечего мне боле добиваться;
Могу я руки положить в карман
И зрителем в комедии остаться.
Без цели за него идет у нас борьба,
Теперь бы отдохнуть могли мы;
Влияний наших нет — влечет его судьба
И неизбежности закон неумолимый!

Духи

Вкруг дел людских загадочной чертой
Свободы грань очерчена от века;
Но без насилья может в грани той
Вращаться вольный выбор человека.
Лишь если он пределы перейдет,
В чужую область вступит святотатно,
Впадает он в судьбы водоворот
И увлечен теченьем невозвратно.
В тревоге дум, в разгаре мощных сил,
Жуан блуждает, дерзостен и страстен,

Но за черту еще он не ступил
И к правде он еще вернуться властен.
Лукавый дух, бежишь ты со стыдом!
Святой любви таящееся чувство
Сознàет он.

Сатана

Я сомневаюсь в том.
Я отказался здесь от всякого искусства,
На гвоздик я свою повесил сеть;
Но к милой он пошел, совсем уж сбитый с толку,
И вам, я думаю, пришлось бы покраснеть,
Когда б на них теперь вы поглядели в щелку!

Духи

Он к истине придет! Его туманный взор
Уже провидел луч божественного света!

Сатана

А что есть истина? Вы знаете ли это?
Пилат на свой вопрос остался без ответа,
А разрешить загадку — сущий вздор:
Представьте выпуклый узор
На бляхе жестяной. Со стороны обратной
Он в глубину изображен;
Двояким способом выходит с двух сторон
Одно и то же аккуратно.
Узор есть истина. Господь же бог и я —
Мы обе стороны ея;
Мы выражаем тайну бытия —
Он верхней частью, я исподней,
И вот вся разница, друзья,
Между моей сноровкой и господней.

Духи

Когда, как хор одушевленный,
Земля, и звезды, и луна
Гремят хвалой творцу вселенной,
Себя со злобою надменной
Ему равняет Сатана!

Но беса умствованья ложны,
Тождествен с истиною тот,
Кого законы непреложны,
Пред чьим величием ничтожны
Равно кто любит иль клянет!
Как звездный блеск в небесном поле
Ясней выказывает мгла,
Так на твою досталось долю
Противуречить божьей воле,
Чтоб тем светлей она была!

Сатана

Известно, что от всякого контроля
Должны выигрывать дела.

Духи

Два разнородные начала,
Тому равно подвластны мы,
Кого премудрость указала
Нам быть глаголом идеала,
Тебе же быть глаголом тьмы!

Сатана

Согласен и на то. Без комплимента,
Мы, значит, вроде парламе́нта;
Мы, так сказать, правления весы.
Сознайтесь, что господь здесь только для красы;
Он символ лишь замысловатый;
Делами ж правим мы, две равные палаты;
Точней: коль на него посмотришь с двух сторон,
Выходит, вы да я, мы совокупно — он.
Разрыв наш — только умозренье,
Но в самом деле мы одно;
А для пустого развлеченья
Дробиться целому смешно.
Пора двух половин устроить сочетанье:
Химически смешав со злобою любовь,
В итог бесстрастия сольемся вновь
И погрузимся в самосозерцанье!
А мир советую предать его судьбе,
Как заведенную раз навсегда машину.

Когда же внешности с себя мы смоем тину
И будем сами по себе —
Какое дело нам, каким путем к сознанью,
С какого именно конца,
С парадного иль с черного крыльца,
Придет какой-нибудь маркезе де Маранья?

Духи

Едино, цельно, неделимо,
Полно созданья своего,
Над ним и в нем, невозмутимо,
Царит от века божество.
Осуществилося в нем ясно,
Чего постичь не мог никто:
Несогласимое согласно,
С грядущим прошлое слито,
Совместно творчество с покоем,
С невозмутимостью любовь,
И возникают вечным строем
Ее созданья вновь и вновь.
Всемирным полная движеньем,
Она светилам кажет путь,
Она нисходит вдохновеньем
В певца восторженную грудь;
Цветами рдея полевыми,
Звуча в паденье светлых вод,
Она законами живыми
Во всем, что движется, живет.
Всегда различна от вселенной,
Но вечно с ней съединена,
Она для сердца несомненна,
Она для разума темна.
Замолкни, жалкий сын паденья,
И слов язвительных не трать —
Тебе святого провиденья
Душой холодной не понять!

Сатана

Я только пошутил. Хотел вам доказать я,
Что всем системам, без изъятья,
Есть в беспредельности простор

И что, куда мы наш ни кинем взор,
Мы, метя в круг неизмеримый,
Никак попасть не можем мимо.
В той области, где центра нет,
Где центром служит каждый пункт случайный,
Где вместе явно все и тайно,
И где условны мрак и свет,—
Там все воззрения возможны,
Все равно верны или равно ложны.
Поэтому и ваш я допускаю взгляд,
И если на явлений ряд
С известной точки посмотрю я,
Готов, как вы, кричать я: Аллилуйя!
Ура! Осанна! Свят, свят, свят!
Усердья моего ничье не перевысит;
Досадно то, что результат
От точки зрения зависит.

Духи

Царь тьмы, к чему двусмысленная речь?

Сатана

К тому, чтоб вас предостеречь
От бесполезного старанья
Спасти Жуана де Маранья.
Какую б нам систему ни принять:
Систему веры иль рацьонализма,
Деисма или пантеисма,
Хоть все до одного оттенки перебрать,
Которыми привыкла щеголять
Философическая присма,—
Того, кто промысла отвергнул благодать,
Но сесть не хочет в кресла фатализма,
А прет себе вперед, и в сторону, и вспять,
Как по́ льду гладкому скользя,—
Спасти нельзя!

Духи

Господь! Постигнуть дай Жуану,
Что́ смутно видел он вдали!
Души мучительную рану
Сознаньем правды исцели!

Но если, тщетно званный нами,
Он не поймет твоей любви,
Тогда сверкающий громами
Свой гневный лик ему яви,
Да потрясет твой зов могучий
Его как голос судных труб!

Сатана

На эти чудеса господь довольно скуп
И скромно прячется за тучей,
Когда гремит. На всякий случай
Позвольте мне сюда ту силу пригласить,
Которая, без воли и сознанья,
Привыкла первому служить,
Кто только даст ей приказанье.
Кто б ей ни овладел, порок иль благодать,
Слепа, могуча, равнодушна,
Готова сила та крушить иль созидать,
Добру и злу равно послушна.
Ты, что философы зовут душой земли,
Ты, что магнитный ток сквозь мир всегда струила,
Услышь теперь мой зов, словам моим внемли,
Явись, таинственная сила!
Ты, жизненный агент, алхимиков азот,
Незримое астральное теченье,
Твой господин тебя зовет,
Явись принять его веленья!
Ты, что людской всегда питаешь пот и труд,
Ты, что так много душ сгубила,
Усердье, преданность, иль как тебя зовут,
Явись, бессмысленная сила.

Является туманная фигура.

Смотрите, вот она, покрыта пеленой,
Еще не знает, чем ей выйти из тумана.
Готовься ж петлю, спутанную мной,
Рассечь иль затянуть, по выбору Жуана!
Отныне будь ему во всем подчинена:
Что б ни задумал он от прихоти иль скуки,—
Всё слепо исполняй. Теперь я сторона,
Я совершил свое и умываю руки!

Смотрите: ревности полна,
Уже дрожит и зыблется она,
Все виды принимать и образы готова.
Терпенье, бабушка! Жди знака или слова,
Потом уже не знай ни страха, ни любви,
Свершай, что он велит, без мысли, ни пощады,
И, воплотившись раз, топчи, круши преграды —
И самого его в усердье раздави!

Духи

Постой, внемли и нам! В то страшное мгновенье,
Когда на бездны край уж ступит дон Жуан,
Последнее ему неси остереженье
И духа тьмы пред ним разоблачи обман.
Тогда лишь, если он от правды отвратится,—
Его судьба да совершится!

Фигура исчезает.

МЕСТО ПЕРЕД ВИЛЛОЙ ДОННЫ АННЫ

Офицер с патрулью.

Первый солдат

Сейчас он промелькнул передо мною.

Офицер

Уверен ты, что это точно он?

Первый солдат

Я видел белое перо на шляпе.

Офицер

Довольно белых перьев без него.

Второй солдат

Мне кажется, он в этот двор вошел.

Офицер

Не может быть. То вилла донны Анны;
Сюда войти не смел бы дон Жуан.

Второй солдат

Я точно видел.

Третий солдат

Мне так показалось,
Что за̀ угол он повернул.

Офицер

Пойдем
Сперва по этой улице, когда же
Там никого не встретим, то вернемся.

Уходят.

ВИЛЛА ДОННЫ АННЫ

Сначала сумерки. Потом луна освещает часть комнаты. Другая остается в тени.

Донна Анна
(одна)

Всё та же неотвязчивая мысль
Вокруг меня как черный ворон вьется...
Так поступить! Зачем он не сказал мне,
Что он во мне ошибся? Что не та я,
Которую искал он? Не сказал мне,
Что, полюбив, он разлюбил меня?
Я поняла б его, я извинила б,
Я оправдала бы его! Ужели
Моих упреков, слез или молений
Боялся он? Я не давала права
Ему так низко думать обо мне!
Всё мог он сделать, всё — но это — это,—
О боже, боже, пожалей меня!

(Подходит к окну.)

Октавио нейдет. Я знаю, где он.
Но мысль о нем мне не тревожит сердца —
Я не страшуся друга потерять,—
Страшуся только, чтоб его противник
Из боя вновь не вышел невредим.

Уже во мне иссякли без возврата
И жалость и участие. Меня
Он как поток схватил неумолимый
И от всего родного оторвал.
С боязнию теперь в себя гляжу я:
Там прошлого не видно и следа,
И чуждые мне чувства поселились
В опустошенном сердце. Страшно, страшно!
Лишь смерть его, лишь только смерть одна
Покой душевный возвратить мне может!
Пока он жив, ни здесь, ни на могиле
Отцовской, ни в стенах монастыря
Не в силах я ни плакать, ни молиться.
Но, кажется, послышались шаги...
Звенят по мраморным ступеням шпоры...
Идут сюда... Октавио вернулся!

Дон Жуан показывается, в плаще, с надвинутой на глаза шляпой. Донна Анна бросается к нему навстречу.

Октавио!.. ну, что же?

Дон Жуан
(сбрасывая плащ)

Это я.

Донна Анна, в ужасе, отступает.

Я знаю, донна Анна, что мой вид
Вселяет в вас и ненависть и ужас.
Вы правы. Для меня прощенья нет,—
Нет никаких пред вами оправданий.
Я был для вас орудием судьбы
И не могу исправить, что случилось.
Но я пришел сказать вам, что навек
Я покидаю этот край, что вы
От близости избавитесь несносной
И можете свободнее дышать.

Донна Анна
(в сторону)

Что мне мешает в грудь ему сейчас
Вонзить кинжал? Какое колебанье
Мою бессилит руку?

Дон Жуан

Донна Анна,
Когда до вас известие дойдет
О смерти ненавистного Маранья,
Могу ли ожидать, что это имя
Не будете вы боле проклинать?

Донна Анна

Он говорит о смерти! Боже правый!
О смерти он дерзает говорить,
Тот, кто всегда кровавой смертью дышит,
Кому она послушна, как раба!
Где дон Октавьо? Отвечайте, где он?

Дон Жуан

Октавио убит.

Донна Анна хочет говорить, он ее предупреждает.

Я не искал
Его погибели. Он сам хотел
Со мною биться. Я не мог ему
Подставить горла, как овца; но я
Завидую теперь его судьбе.

Донна Анна

Обрызган кровью моего отца,
Он моего еще зарезал брата
И хвалится убийством предо мной!
И не расступится под ним земля?
И пламя не пожрет его? Гром божий.
Ударь в него! Испепели его!

Дон Жуан

Увы, никто не слышит, донна Анна,
Проклятий ваших. Ясен свод небес,
Мерцают звезды, лавр благоухает,
Торжественно на землю сходит ночь,
Но в небесах всё пусто, донна Анна.

В них бога нет. Когда б внезапно гром
Теперь ударил, я б поверил в бога,
Но гром молчит — я верить не могу.

Донна Анна

Он богохульствует! Доколь, о боже,
Терпение твое не истощится?

Дон Жуан

О, если бы я мог в него поверить —
С каким бы я раскаяньем пал ниц,
Какие б лил горячие я слезы,
Какие бы молитвы я нашел!
О, как тогда его я умолял бы,
Чтобы еще он жизнь мою продлил,
И мог бы я, босой и в власянице,
Простертый в прах, и с пеплом на главе,
Хоть долю искупить тех преступлений,
Которые безверьем рождены!
Каких бы я искал себе мучений,
Каким бы истязаньям предал плоть,
Как жадно б я страданьем упивался,
Когда бы мог поверить в божество!
О, горе мне, что не могу я верить!

Донна Анна

Что слышу я? Тот самый, кто в других,
С рассчитанным, холодным наслажденьем,
Всегда святыню сердца убивал —
Тот сожалеет о своем безверье!

Дон Жуан

Я разрушал, в моем ожесточенье,
Обман и ложь везде, где находил.
За жизнь мою и самое рожденье
Слепой судьбе без отдыха я мстил.
Себя, других, весь мир я ненавидел,
Я всё губил. Один лишь только раз,
В тот светлый день, когда я вас увидел,
В моей душе надежда родилась.
Но я уж был испорчен. Я не мог
Моей любви поверить. Слишком часто

Я был обманут. Я боялся вновь
Попасться в сеть; я гордо захотел
Убить в себе мучительное чувство,
И святотатно я его попрал.
Я сам себе безумно посмеялся,
И моего упорного безверья,
Моей насмешки горькой над собой
Вы сделалися жертвой. Не глядите
Так гневно на меня — увы, я знаю,
Что я преступник, но уж я наказан.
Не удалося мне торжествовать.
Я победить себя не мог. Ваш образ
Не в силах я изгладить, ни забыть.
Да! В бога я давно уже не верю,
Но верить в вас еще не перестал!
Когда б я мог, хоть изредка, вас видеть —
Не здесь — о нет, но в церкви где-нибудь;
Незримый вами, в темном углубленье,
Меж нищими, колонною сокрыт,
Когда б я мог, хоть издали, украдкой,
Ваш иногда услышать голос — о!
Тогда, быть может, был бы я спасен
И верить вновь тогда бы научился!

Донна Анна

Уж слишком долго слушала я вас —
Меж нами разговоров быть не может.
Раскаялись когда вы непритворно,
Ищите утешенье в лоне церкви,
Меня ж оставьте — вам не место здесь.

Дон Жуан

Я церковью отринут. В этот миг,
Пока я с вами говорю, убийцы
Везде уж рыщут по моим следам,
И голова оценена моя.
От церкви не могу я ждать пощады!

Донна Анна

Идите в Рим. К ногам падите папы.
Петра наместник может вас простить.

Дон Жуан

Когда не верю в самого я бога,
Чего у папы мне еще искать!
Не папа может воскресить надежду,
Не папа с жизнью может помирить!
Простите,' донна Анна. Я безумец.
Увлекся я несбыточной мечтой.
Нет, для меня не может быть спасенья!
Идти я должен до конца. Нельзя
Остановиться мне на полдороге.
В отчаянье я брошуся опять!
Пусть опьянят мой разум преступленья,
В страстей тревоге пусть забуду я
Блеснувший мне отрадный луч надежды!
Как бешеный, неукротимый конь,
Я к пропасти направлю бег безумный
И, как шумящий водопад, с высот
Низринусь в бездну. Мне одна дорога:
Ничтожества спасающая ночь!

Донна Анна

Слова безумья или ослепленья!
Я ненавижу вас... но долг велит
Вам указать убежище молитвы...

Барабанный бой.

Голос под окнами

«Во имя короля и Sant' officio!
Сим объявляется всем христианам,
Что дон Жуан, маркезе де Маранья,
От церкви отлучается Христовой
И вне законов ныне состоит.
Все для него убежища закрыты,
Не исключая божьих храмов. Всем,
Кому его известно пребыванье,
Вменяется в священный долг о нем
Немедленно начальству донести.
К кому ж он обратится, тот его
Обязан выдать в руки местной власти,

Под опасеньем вечного проклятья.—
Таков над ним церковный приговор».

Барабанный бой.

Дон Жуан

Вы слышали? Могу ли я еще
Мириться с церковью или с законом?
Простите! Кончено! Моя судьба
Да совершится!

Донна Анна
(которая между тем подошла к двери и прислушивалась)

Стойте, дон Жуан!

Входит слуга. Донна Анна становится перед дон Жуаном, который остается в тени.

Слуга

Сеньора, офицер священной стражи
Желает вас увидеть.

Донна Анна

Пусть войдет.

Офицер

Прошу меня простить, сеньора. Я
С патрулью наряжен от Sant' officio
Арестовать преступника.

Донна Анна

Кто он?

Офицер

Нам показалось, что он в эту виллу
Вошел недавно.

Донна Анна

Как его зовут?

Офицер

К несчастью, вам его известно имя:
То дон Жуан, маркезе де Маранья.

Донна Анна

Как можете вы полагать, чтоб он
Осмелился сюда прийти? Вы, верно,
Заметили кого-нибудь другого.
Но я велю везде вас проводить
И позволяю осмотреть всю виллу.

Офицер
(поднимая плащ дон Жуана, с замешательством)

Сеньора... этот плащ?..

Донна Анна

Какую связь
Имеет с порученьем вашим чей-то
Оставленный здесь плащ? Надеюсь, вы
Не думаете, чтобы я скрывала
Убийцу моего отца?

Офицер

Сеньора,
Я виноват, простите, мы ошиблись.
(Уходит.)

Донна Анна следит за ним глазами, потом смотрит на дон Жуана, шатается и готова упасть. Дон Жуан ее поддерживает.

КЛАДБИЩЕ, ОСВЕЩЕННОЕ ЛУНОЮ

Лепорелло
(вбегая в ограду)

Нет, страшно мне и там! кругом везде
Всё движется и шепчет! Рвутся кони
И фыркают, покрыты белой пеной...
Где господин мой? Уж пора б давно
Ему сюда вернуться!

Дон Жуан
(уходя)

Свершено!
Полуобман и полуоткровенность,
Обратное движенье бурной страсти,
Которому так сладко уступать,
Мне предали в объятья донну Анну.
Я победил! Не будет боле мучить
Меня любви обманчивая тень!

Лепорелло

Скорей, сеньор! Ускачемте отсюда!

Дон Жуан

Как вновь во мне кипит и жизнь и сила!
Весь мир теперь я вызвал бы на бой!

Лепорелло

Прочь, прочь отсель! Ускачем, ради бога!
Нечисто здесь, любезный мой сеньор!

Дон Жуан

Всё тот же ты! Всегда труслив как заяц!

Лепорелло

Поверьте мне, ускачем! Командор...

Дон Жуан

Что командор?

Лепорелло
(показывая на статую)

Глядите, как он смотрит!

Дон Жуан

Зови его ко мне на ужин завтра!

Лепорелло

Ай, ради бога, не шутите так!

Дон Жуан

Я не шучу. Зови его на ужин!

Лепорелло

Уйдем, уйдем!

Дон Жуан

Нет, надо проучить
Твою мне трусость. Подойди сейчас
И пригласи на ужин командора!

Лепорелло

О, не могу!

Дон Жуан

Я заколю тебя!

Лепорелло

Сейчас, сейчас! Исполню вашу волю!
(Подходит к памятнику.)
Великая статýя командора!
Мой господин — не я, ей-ей, не я —
Вас приглашает... нет, я не могу!

Дон Жуан

Кончай сейчас!

Лепорелло

Вас приглашает завтра
Пожаловать к нему на ужин... Ай!

Дон Жуан

Ну что?

Лепорелло

Она... ей-ей, она кивнула!

Дон Жуан

Постой же, трус, я научу тебя
Бесстыдно лгать. Сюда! Смотри наверх!
(Берет Лепорелло за ворот и обращается к статуе.)

Статýя командора! Я даю
Прощальный ужин завтра и желал бы,
Чтоб на него пожаловала ты.
Скажи, придешь на ужин?

Статуя кивает.

Что за черт!
Я, кажется, не пьян, а вижу мутно.
Должно быть, я устал. То к голове
Кровь приливает и туманит зренье.
Эй, Лепорелло! лошадей!

Лепорелло

Бегу!

ДВОРЕЦ ДОН ЖУАНА

Зала окнами к морю.

Дон Жуан
(один, пасмурный и недовольный)

Я победил. Но удовлетворенья
Ожиданного я не нахожу.
Она мне отдалася без сознанья;
Мне помогли внезапность и расплох;
Победу я украл, как вор. Не так
Мне овладеть хотелось этим сердцем!
Нет: шаг за шагом, медленно вперед
Все далее и дале подвигаться,
Вражду, и стыд, и совести боренье
В последние убежища теснить,
И гордую противницу мою,
Самой ей к изумлению, заставить
Мне сделаться послушною рабой,—
Вот где была бы ценность обладанья,
Вот что победой полной я б назвал!
Нет, недоволен я собою. Много
Нетронутых я в ней оставил струн,

И много темных сердца тайников
Я не изведал. Но теперь уж поздно!
Над головой моей сверкает меч,
И должен я Испанию покинуть!
Утешусь тем, что я б и в этом сердце
Открытья сделать нового не мог.
Жалеть о неисчерпанной интриге
Не все ль теперь равно, что сожалеть
О кой-каких местах моей отчизны,
Которых я не посетил? Отчизна,
И женщины, и целый род людской
Известны мне. Зачем же не могу я
Воспоминание о донне Анне
На дне души моей похоронить,
Как и другие все воспоминанья?

Входит Боабдил в вооружении пирата.

Но вот моей фелуки капитан.
Послушаем, что он принес.

Боабдил

Сеньор,
Исправно все! К отплытью мы готовы!

Дон Жуан
(осматривая его наряд)

Вот так люблю тебя. Колпак, и куртка,
И абордажный на цепи топор,
Узорные морские шаровары
И туфли на босую ногу. Браво!
Ты молодец, разбойник хоть куда!

Боабдил

И хоть куда готов я вас доставить,
Лишь поскорей бы в море нам уйти!

Дон Жуан
(про себя)

Вот этого сомнения не мучат,
И нет разлада в нем с самим собой.
Мне любопытно знать, как на моем

Он поступил бы месте.

Постараюсь
Вопрос мой применить к его понятьям.

(К Боабдилу.)

Скажи мне, Боабдил, тебе не жаль
Расстаться навсегда с твоей отчизной?

Боабдил

Сеньор, весь этот андалузский край
Был наш когда-то. Нам принадлежал
Весь кругозор, что обнимает око
С зубчатых башен царственной Альгамбры.
В ту пору я, быть может, пожалел бы
О родине, как о своем добре;
Но ныне проку мало в ней, и я
Давно пустые бросил предрассудки;
Я родиной считаю всякий край,
Где золото мне сыплется в карманы.

Дон Жуан

Ты судишь здраво. С этой точки зренья
Твой образ мыслей можно похвалить.
Но если бы внезапно ты нашел
Несметный клад, таких сокровищ груду,
Какие, по преданию, лежат
В заваленных подвалах под Альгамброй,
Что б сделал ты тогда?

Боабдил

Сказать вам правду,
Нашедши клад, я рассудил бы тотчас,
Что бо́льший клад еще найти возможно,
И бо́льший бы отыскивать я начал.

Дон Жуан
(про себя)

Я к этому мошеннику недаром
Сочувствие имел. Мы схожи нравом,
Но в клады я не верю уж давно!

А странно, что досель я не могу
О ней не думать! В память глубоко
Слова и голос врезались ее,
И этот взгляд испуганный, когда
Опомнилась она в моих объятьях.
Безумный дон Жуан! До коих пор
Играть тобой воображенье будет!
Стыдись хоть Боабдила. Этот ищет,
Что́ находить и добывать возможно,—
А ты? Стыдись! тебя смущает сон!

(К Боабдилу.)

Ты не забыл различною одеждой,
На всякий случай, запастися? Нам,
Я думаю, придется в Барселоне
Дня два иль три инкогнито прожить.

Боабдил

От капуцина и до пикадора
Припасены наряды всех сортов;
Лишь сто́ит их доставить на фелуку.

Дон Жуан

Я ночью сняться с якоря намерен,
Теперь же всех зову ко мне на пир.

Лепорелло
(вбегая в испуге)

Сеньор! Сеньор! Дворец ваш окружают
Со всех сторон святые familiares! [1]
Весь двор уж полон стражи; все ворота,
Все двери ими заняты! Сейчас
Арестовать придет вас их начальник!

Дон Жуан

Ого! Должно быть, дон Иеронѝмо,
Тот новый член, которого из Рима
Они в Севилью ждут, шутить не любит!
Мы их принять готовы. Боабдил,
Твои одежды нам пришлися кстати:
Забавный мы затеем маскарад.

---

[1] Друзья, приятели *(лат.)*.— *Ред.*

Ты будешь капитан, который в Кадикс
Иеро́нимо привез; ты ж, Лепорелло,
Ты — сам Иеро́нимо. Смотрите ж оба,
Я каждому его назначу роль.

ГАЛЕРЕЯ ВО ДВОРЦЕ

Боабдил и офицер стражи.

Боабдил

С утра они в молельне заперлись.
Я подходил на цыпочках ко двери:
Там тихо все; порой лишь слышны вздохи,
А иногда невнятное рыданье,
Да увещанья честного отца.
Должно быть, дон Жуан великий грешник!
Во время рейса дон Иеронимо
Мне говорил, что у него от папы
Инструкция особенная есть
Насчет сего еретика, Жуана.

Офицер

Я наряжен его арестовать;
Из уст дон Иеро́нимо я должен
О том услышать, как мне поступить.

Боабдил

Вы подождать должны, пока они,
Свою беседу кончив, из молельни
К нам выйдут.

Офицер

Извините, капитан,
Ответственность и служба мне велят
Немедленно войти в молельню. Мне
Не можно ждать!

Боабдил

Я умываю руки.

Офицер входит в боковую дверь.

КОМНАТА ВО ДВОРЦЕ

Лепорелло в креслах, одетый доминиканцем Перед ним на коленях Дон Жуан. Входит офицер стражи.

Офицер

Отец, простите...

Лепорелло

Это что такое?
Кто смеет нас в молитве прерывать?

Офицер

Я наряжен от Sant' officio
Арестовать Жуана де Маранья.

Лепорелло

Как? Что? Теперь? При мне? Ты знаешь ли,
Мошенник... я хотел сказать: мой сын —
Что я с инструкцией от папы прислан
И сам могу тебя арестовать?

Офицер

Простите. Вот мандат мой! Я обязан
Вам предъявить комиссию мою.

Лепорелло

Где твой мандат? Давай его сюда!

Офицер подает бумагу. Лепорелло ее раздирает.

Вот твой мандат. И знай, что булла папы
Дает мне власть Жуана де Маранья,
Заблудшую, но кроткую овцу,
Благословить и от грехов очистить;
Знай, что сей самый грешник, дон Жуан,
Которого арестовать пришел ты,
Моих словес проникнулся елеем,
Отверг душой мирскую суету
И поступает кающимся братом
В Севилию, в картозский монастырь!
Не так ли, сын мой?

Дон Жуан

Так, отец мой, так!
Мне мир постыл, я быть хочу монахом;
Моей беспутной, невоздержной жизни
Познал я скверны, и алчет беспредельно
Душа молитв, а тело власяницы!

Лепорелло

Ее ты примешь, сын мой, скоро примешь;
Тебе лишь испытанье предстоит —
И ты монахом будешь. Pax vobiscum! [1]

(К офицеру.)

Ну что! Чего стоишь, разиня рот?
Ты этого не ожидал, безбожник?

Офицер

Отец...

Лепорелло

Отец, отец! Скажи мне лучше,
Как исповедь ты нашу смел прервать?
Ты должен быть отъявленный еретик!
Распущенны вы все, я это вижу;
Но я вас подтяну. Ты знаешь ли
Железные ботинки? Пытку? Цепи?
Тюрьму? Костер? Проклятье церкви и...
И прочее, и прочее? А? Знаешь?

Офицер

Я виноват, что вас прервал, но служба...

Лепорелло

Нет, ты скажи мне, как ты не размыслил,
Что прерывать меня есть преступленье?

Офицер

Отец мой, как я смею размышлять?
Начальству должен я повиноваться.

Лепорелло

Начальству? Да. Но кто твое начальство?

---

[1] Мир вам! *(лат.)* — *Ред.*

Офицер

Священный трибунал.

Лепорелло

Так было прежде.
Но с той поры, как я ступил на берег,
Твое начальство я. Смотри мне в грудь
И выражай лицом подобострастье,
Доверье, благодарность и любовь
Что есть повиновенье? Отвечай!

Офицер

Повиновение, отец мой?

Лепорелло

Да!

Офицер

Повиновенье есть...

Лепорелло

Неправда! Врешь!
Повиновение есть то, что если
Я прикажу тебе плясать качучу,
То должен ты ее плясать, пока...
Пока я не скажу: довольно! Если ж
Не хватит сил твоих и ты умрешь,
Ты должен умереть, а всё плясать!
Вот что повиновенье. Понимаешь?

Офицер

Отец мой...

Лепорелло

Как? Ты смеешь отвечать?
Эпитимью тебе! Эпитимью!
Бей каждый день сто пятьдесят поклонов,
И на коленях тридцать патерностров
И пятьдесят читай Ave Maria! [1]
Ну что? Чего стоишь? Беги в Севилью
И объяви, что видел!

---

[1] Радуйся, Мария! *(лат.)* — *Ред.*

Офицер

Мой отец,
Мне письменное нужно приказанье.

Лепорелло

Ну да, конечно. Я бы посмотрел,
Как ты посмел бы убежать отсюда
Без письменного приказанья!

(К дон Жуану.)

Сын мой,
Встань, напиши сейчас к святым отцам
Цедулу. Я под ней поставлю крест.
Его в Севилье знают, слава богу!

Дон Жуан пишет и подает бумагу Лепорелло, который ставит крест и передает офицеру.

Вот приказанье. На, ступай, да помни:
Двести поклонов! Сорок патерностров!
И семьдесят Ave Maria в день!

Офицер кланяется и уходит.

Дон Жуан
(смотря ему вслед)

Ушел глупец. Счастливого пути!
И все они такого же покроя!
Он так привык все слушаться начальства,
Что размышлять совсем уже отвык.
Играть таким отродием нетрудно,
Лишь сто́ит подменить начальство. Право,
Как вспомню я, что целый род людской
Привычке служит, под привычкой гнется,
То стыд берет, на эту сволочь глядя,
Что к ней и я принадлежу!

Лепорелло

Мороз
Меня теперь по коже подирает,
Когда я вспомню, чем я рисковал.

А славную мы выкинули штуку!
Ха-ха! Монахом будет дон Жуан!
Пожалуй, из монахов можно в папы!
Сеньор, когда вы сделаетесь папой,
Прошу и мне пожаловать местечко!

Дон Жуан

Ты был бы инквизитором в Севилье.

Лепорелло

И строгим инквизитором, сеньор!
Иль думаете вы, я б не сумел
Безнравственность преследовать и ересь?
Пусть кто-нибудь осмелился б при мне
Жену чужую соблазнить! Пусть слово
Не в пользу б инквизиции сказал!
Будь он хоть шепетун, будь он заика,
Мне первого довольно было б слога,
Чтоб остальные отгадать. Да что тут!
Я мысль его узнал бы по глазам,
По шапке, по походке. Стой, брат, шутишь —
И тотчас на костер! Мне не учиться,
Уловки все я знаю наизусть,
На всё я в вашей школе насмотрелся,
Меня б не провели. А с новым платьем
И правила б я новые надел,
Вы не узнали бы меня!

Дон Жуан

Не первым
И не последним был бы ты. Однако
Меня проделка эта развлекла,
А то с утра еще мне было как-то
Особенно и скучно и досадно.
Скорей, скорей прожить мне эту жизнь
И весело пробиться до конца!
Эй, Лепорелло! Весь чтобы дворец
Был освещен, чтоб музыка гремела
И чтоб вино всю ночь лилось рекой!
Мы на рассвете подымаем якорь!

НОЧЬ. ОТКРЫТАЯ ГАЛЕРЕЯ У МОРЯ

В глубине видны мачты фелуки. Великолепное освещение и музыка. За убранными столами сидят пираты. Гости сходятся со всех сторон.

Дон Жуан

Всех звать ко мне! Все дорогие гости!
Прошу моих соседей веселиться
И быть как дома!

(К музыкантам.)

Эй, играть фанданго!

Музыка и танцы.

(К Боабдилу.)

Никто из крейсеров вас не заметил?

Боабдил

Никто, сеньор. Мы подошли к дворцу,
Когда уж все стемнело. Эти псы
Подозревать не могут ничего.
Им виден с моря блеск дворцовых окон
И музыка веселая слышна;
А убежать готовится не так,
Чья голова обречена на плаху!

Дон Жуан

Чтоб праздник наш и наше освещенье
Казались им еще великолепней,
Перед отплытьем я зажгу дворец.
Пусть это будет также утешеньем
Соотчичам моим, что не могли
Они Жуана сжечь. Но время терпит,
Я вдаль плыву, и требует учтивость
Спеть что-нибудь в честь родины моей!

(Берет гитару, строит ее и поет, глядя на море.)

Мирно ночь благовонная
Опустилась окрест,
На излучины сонные
Смотрят тысячи звезд;

Волн влюбленных лобзания
Раздаются кругом,
Тихо дремлет Испания
Упоительным сном.
Но нередко, прелестницу
Покидая средь сна,
Я изменою лестницу
Укреплял у окна.
Так и наш, о Испания,
Я кончаю союз
И с тобой, без прощания,
Навсегда расстаюсь!

Лепорелло
(таинственно к дон Жуану)

Сеньор, два слова! Слова два, не боле!

Дон Жуан
*(не обращая на него внимания,
переходит в другой тон и продолжает)*

То, что снилося мне, того нет наяву!
Кто мне скажет, зачем, для чего я живу?
Кто мне смысл разгадает загадки?
Смысла в ней беспокойной душой не ищи,
Но как камень, сорвавшись с свистящей пращи,
Так лети всё вперед, без оглядки!
Невозможен мне отдых! Несносен покой!
Уж я цели нигде не ищу никакой,
Жизнь надеждой мою не украшу!
Не упился я ею, как крепким вином,
Но зато я, смеясь, опрокинул вверх дном
Бесполезно шипящую чашу!

Лепорелло
(на ухо дон Жуану)

Сеньор, здесь маскированная дама
Желает с вами говорить!

Дон Жуан

Проси!
Люблю всегда я новые знакомства.
Не много времени осталось мне,
Но приключенье кстати на отъезде!

Лепорелло

Пожалуйста, сеньор, поосторожней!
Не забывайте, что у жен мужья;
Хотя, признаться, было бы недурно,
Чтоб женщины замужние все были,
А все б мужчины были холостые!

Дон Жуан

Иди, болтун, проси ее сюда!

Донна Анна подходит, в маске.

Дон Жуан
(идет к ней навстречу)

Сеньора, как я счастлив...

Донна Анна
(снимая маску)

Дон Жуан...

Дон Жуан
(отступая)

Вы? Вы? Возможно ль?
(В сторону.)
Как она бледна!

Донна Анна

Я навсегда пришла проститься с вами...
Услышьте умирающей слова...
В моей душе нет более упреков,
Я вас пришла предостеречь.

Дон Жуан

Сеньора...

Донна Анна

Мой срок короток... я должна спешить..
Послушайте внимательно меня:
Спасенья дверь для вас еще открыта,
Но скоро будет поздно, дон Жуан...
Я, перед смертью, вижу вашу участь!

Дон Жуан

Сеньора, что за речи? И зачем
Вам без нужды о смерти помышлять?

Донна Анна

Надеюсь, вы не думали, что я
Жива останусь, дон Жуан?

Дон Жуан

Сеньора,
Быть может, вас тревожат опасенья...
Но будьте без боязни. Честь моя
Мне обо всем велит хранить молчанье,
А если б кто дерзнул подозревать —
Его молчать заставит эта шпага!

Донна Анна

Оставьте, дон Жуан. Такие речи
Теперь уж неуместны. Боже мой,
Как все мне стало ясно и понятно!
С моих очей как будто спал туман,
И без труда я различаю нить
Запутанных событий и дорогу,
Которой вы к погибели пришли.
То, что случилось и что скоро будет,
Теперь я разом обнимаю. Время,
Мне кажется, исчезло для меня
И вечность началась. Я ошибалась,
Когда вас обвиняла беспощадно;
Преступной жизни вашей, дон Жуан,
Найдутся, я надеюсь, объясненья,
Которые смягчат господень суд,
Но вы спасетесь только покаяньем!

Дон Жуан
(про себя)

Она теперь вступила в перио́д
Раскаянья и мыслей религьозных!
Но как идут к ней эти угрызенья!

Исчезла гордость с бледного чела,
И грусть на нем явилась неземная...
Вся набожно отдавшися Мадонне,
Она теперь не знает и сама,
Как живописно с гребня кружевное
Ей падает на плечи покрывало...
Нет, право, никогда еще досель
Я не видал ее такой прекрасной!

Донна Анна

Покайтесь, дон Жуан! Еще не поздно!
Я знаю, чтó в вас веру погубило:
Искали вы блаженства — есть оно!
Но на земле гнáлися вы напрасно
За тем, что только в небе суждено.

Дон Жуан
(про себя)

Несчастная вдалася в мистицизм!
Но взгляд ее и голос музыкальный
Предательски меня обворожают...
Не думал я вчера, как мы расстались,
Что продолжи́тся чувств моих обман!

Донна Анна

О, если в вашей жизни, дон Жуан,
Хоть что-нибудь вам было свято — если
Кого-нибудь хоть раз любили вы,—
О дон Жуан, воспоминаньем этим
Я вас молю!

Дон Жуан
(про себя)

Еще единый миг —
И я паду к ее ногам. Рассудок
Уж начинаю я терять. Нет, нет!
Прочь глупый бред! Опомнись, дон Жуан!
(К донне Анне.)
Осмелюсь ли вам предложить, сеньора,
Участье в нашем празднике принять?

Донна Анна

Несчастный! Ослепленный! Боже, боже!
Прости ему! Услышь молитву той,
Которая свою сгубила душу!
Я ухожу... пора... я умираю...

Уходит. Боабдил подходит к дон Жуану.

Боабдил

Уже светлеет небо на востоке,
Нам время плыть. Мы ждем!

Дон Жуан
(в раздумье)

Она сказала:
«Я умираю...» Вздор! Не может быть!
Однако, если... если в самом деле
Она решилась на самоубийство?
(К прислуге.)
Бежать за ней! Догнать ее сейчас!
Следить за ней! Не выпускать из вида!

Лепорелло убегает.

Боабдил

Пора, пора! Когда мы опоздаем,
Галеры все погонятся за нами!

Дон Жуан

Зачем мое так больно сжалось сердце?
Ужели вправду я ее люблю?

Боабдил
(топая ногой)

Скорей, сеньор! Мои матросы ропщут!

Дон Жуан
(опомнясь)

Ступайте к черту. Подымайте якорь.
Я остаюсь. Дарю тебе фелуку.

Боабдил

В уме ли вы, сеньор? А инквизицья?

Дон Жуан

Что мне до инквизиции, до смерти,
Когда, быть может, вправду я люблю!

Боабдил
(в сторону)

Нет, он с ума сошел. С ним погибать
Нам не приходится.
(К пиратам.)
Эй, на фелуку!

Суматоха между пиратами. Гости расходятся, зала пустеет.

Дон Жуан
(в сильном волнении)

О, если я не брежу! Если вправду
Люблю ее любовью настоящей!
Как будто от ее последних слов
Отдернулася предо мной завеса,
И всё иначе вижу я теперь...
Когда она так ясно повторила,
Что хочет умереть, во мне как будто
Оборвало́ся что-то; словно я
Удар кинжалом в сердце получил —
Еще доселе длится это чувство...
Что ж это, если не любовь? Каким
Моя душа исполнилась волненьем?
Сомнения исчезли без следа...
Я снова верю, как в былые дни...
О, я с ума сойду от счастья! Я...
О боже, боже! Я люблю ее!
Люблю тебя! Я твой, о донна Анна!
Ко мне! Я твой! Ко мне! Люблю, люблю!

Бежит и вдруг останавливается как вкопанный. Лампы гаснут.
Входит статуя командора.

Статуя

Ты звал меня на ужин, дон Жуан,—
Я здесь.

Дон Жуан

Во сне ли я иль наяву?

Статуя

Молись.

Дон Жуан

Не может быть! Неправда! Сон!
Не он стоит из камня предо мной —
Воображенье мне на ум приводит
Убитого отца! Прочь, призрак! Прочь!

Статуя стоит неподвижно. Молчание.

Спирается дыханье... бьются жилы...
Рассудок мой туманится...

Статуя

Молись.

Дон Жуан

В ушах шумит... темнеет зренье... Прочь!
Прочь! Пропусти меня! Где донна Анна?

Статуя

Молись.

Дон Жуан

Где донна Анна?

Статуя

Отравилась.

Дон Жуан
(хватаясь за сердце)

О, что со мною?

Статуя

Ты любил ее.

Дон Жуан

Остыла кровь, и сердце холодеет!

Статуя

Подумай о душе.

Дон Жуан
(воспрянув от цепенения)

Смерть и проклятье!
К чему душа, когда любовь погибла!
Теперь мне боле нечего терять —
И смерть и ад на бой я вызываю!

Бросается со шпагой на статую. Шпага ломается. Молчание.

Статуя

Твой час пробил.

Дон Жуан
(в отчаянии)

Любил я! Горе, горе!
В нее поверив, я поверил в бога —
Но поздно! Все погибло с нею — все —
И злее прежних эта злая шутка!

Статуя

В последний раз, молися.

Дон Жуан
(в бешенстве)

Не хочу!
Кляну молитву, рай, блаженство, душу —
И как в безверье я не покорялся,
Так, верящий, теперь не покорюсь!

Статуя
(касаясь рукою дон Жуана)

Погибни ж, червь.

Дон Жуан падает мертвый; статуя исчезает.

1859—1860

ДРАМА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Боярин Глеб Мироныч, степенный посадник новгородский.
Посадница, жена его.
Вера, дочь их.
Боярыня Мамелфа Дмитровна, вдова прежнего посадника.

Вышата Рогович Жирох Кривцевич	новгородские бояре.

Василько, жених Веры, дочери посадника.

Ставр Головня Радько	товарищи его.

Боярин Фома Григорьич, бывший новгородский воевода.
Боярин Андрей Юрьевич Чермный, новый новгородский воевода.
Наталья, полюбовница Чермного.
Рагуйло, брат ее, из неприятельского стана.
Кондратьевна, няня ее.
Девушка, прислужница ее.
Мечник.
Гридень.
Подвойский.
Один из бояр.
Другой »
Третий »
Четвертый »

Один из народа
Другой »
Третий »
Четвертый »
Пятый »
Шестой »
Седьмой »
Восьмой »
Граждане. Бояре. Гридни. Огнищане.

Действие в Великом Новгороде, в XIII столетии.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

УЛИЦА

Толпа народа возвращается с площади.

ЯВЛЕНИЕ I

Первый из народа. Конец вечу! Договорились до дела!

Второй из народа. По шеям боярина Фому!

Третий из народа. Давно бы так! Что он был за воевода! Суздальцам хотел ворота отпереть! Не можем-де доле держаться!

Четвертый из народа. К черту его! Боярин Чермный не отопрет!

Третий из народа. Не таковский!

Первый из народа. А и у Фомы сильна сторона! Я как увидел, что плотницкие один за другим в доспехах подседают, ну, думаю, в топоры пойдут!

Второй из народа. И пошли бы в топоры, когда б не посадник! Дай бог ему здоровья, Глебу Мироны-чу! Не речист, да метко его слово: «Не о том, говорит, спор, кому воеводой быть, а о том, вольным ли нам городом оставаться! Хотите ли послушаться Фомы? Хо-

тите ли суздальским пригородком учиниться?» — Тут мы первые закричали: «Не хотим! Долой Фому!»

Первый из народа. А плотницкие-то свое несут, как Фома их учил, так и долбят: «Не можем держаться! Приступом нас возьмут!»

Второй из народа. А как осерчал это на них Глеб Мироныч! «Неправда! — говорит,— три дня еще продержимся, пока псковичи на выручку подойдут! Кто смелует мне, посаднику Глебу, не верить?» — Так и сказал: «Кто смелует мне, Глебу, не верить?»

Третий из народа. Велик его почет в Новегороде! Как сказал: кто смелует мне не верить? — так вся Добрынина улица в один голос: «Верим тебе, верим! Долой Фому! Тебе, Глебу, воеводой быть!»

Четвертый из народа. Нет, то не Добрынина, а наша Люгоша-улица напред всех закричала: «Тебе воеводой быть!»

Второй из народа. Обе улицы закричали. Да спасиба-то он никому не сказал. «Не мне, говорит, а Чермному быть воеводой! Чермный лучше всех дело знает, нет супротив Чермного во всем в Новегороде!»

Четвертый из народа. А молодые, молодые-то и обрадовались. Во всех концах заголосили: «Чермного! Чермного!» Они-то и перекричали плотницких!

Первый из народа. Не они одни, все мы их перекричали. Заставили язык прикусить!

Третий из народа. Куда одному концу против всех!

Первый из народа. А в кольчугах было подсели! Думали Новгород надвое разделить. Тут бы они и ударили за Фому, да не удалось, когда посадник сказал: «Кто смелует мне, Глебу, не верить?»

Второй из народа. Даром их, значит, Фома угощал!

Четвертый из народа. Ни про что исхарчился!

Первый из народа. Ну, не простит же он посаднику!

Четвертый из народа. Не простит!

Первый из народа. А тому — какое горе? Когда Глеб смотрел на кого?

Второй из народа. Тем-то себе и недругов нажил!

Третий из народа. Правда, шеи гнуть не умеет! А уж что до порядков, не приведи бог!

Первый из народа. Спуску никому не даст. Говорит: «Я не просился в посадники, а выбрали меня, так уж знайте, кого выбрали!»

Четвертый из народа. За то ему, видно, и Чермный по нраву. Этот также не гнется.

Первый из народа. Ну, Чермный посаднику рознь. В ратном-то деле нет супротив его, а дома уж больно до женского пола охоч; от своей от Натальи души не чает!

Четвертый из народа. Кому до того нужда, коли он в строю не бабится!

ЯВЛЕНИЕ II

Другая толпа — иные в кольчугах.

Пятый *(в кольчуге)*. Что за оторопь на вас нашла? Дали сменить Фому Григорьича, теперь напляшемся с Чермным! До осени миру не будет, до весны кораблей своих не увидим!

Шестой из народа. Чего ж вы, кольчужники, сложа руки сидели?

Пятый. Какой сложа руки! Мы, кричамши, животы надсадили! А как побожился тот чертов посадник, что Чермный город отстоит, тут все как шальные пошли реветь: Чермного! Чермного! Не со всем же Новым-городом на драку лезть!

Седьмой. И подлинно шальные. Эка беда, что Фома за князя говорил! Не все ли равно торговать, что на своей ли, что на княжой ли воле? Без торгу-то небось лучше?

Восьмой. А стал бы князь опять власть забирать, опять бы ему путь указали! Важно было время выиграть.

Пятый. Разорит нас этот Чермный!.. Не отстоим города. Суздальцы на щит возьмут!

Первая толпа.

Первый. Как города не отстоим?

Второй. Да разве нам впервой низовых бить?

Вторая толпа.

Седьмой. Вам-то, чай, от войны не накладно, так вы и горланили за Чермного!

Первая толпа.

Второй А вам бы мошну набивать, а Новгород пропадай!

Вторая толпа.

Пятый. Глеб-то вам перед вечем, чай, из своего погреба по стопе поднес?

Первая толпа.

Третий. А много вам князь заплатил за Фому стоять?

Вторая толпа.

Шестой. Крысы подпольные!

Первая толпа.

Второй. Суздальские собаки!

Обе толпы бросаются одна на другую. Является Чермный в сопровождении бояр.

ЯВЛЕНИЕ III

Чермный, Василько, бояре, Ставр, Головня, Радько и воины, потом посадник.

Чермный

Что тут за шум? Кто смел затеять ссору?
Забыли вы, что Новгород мне дал
На время облежания расправу
На жизнь и смерть?

Говор в народе.

Второй. Вишь, этот не Фоме чета!

Третий. С ним несдобровать!

Первый *(увидев посадника)*. А вот и посадник идет.

Второй. От этого еще хуже будет.

П о с а д н и к
(к Чермному)

Что тут опять горланили они?

Ч е р м н ы й

Повздорили маленько, Глеб Мироныч,
Да ничего, уж я им погрозил;
Сам ведаешь, народ ведь вольный!

П о с а д н и к

Вольный!
Они вольны на вече говорить,
А приговор когда постановили,
Он должен быть, как божье слово, свят!
Ты не грози тому, кто спорить станет,
А с жерновом на шее кинуть в Волхов
Его вели!

Ч е р м н ы й

Так им и будет, если
Опять начнут!

Народ расходится по сцене.

(К боярам.)

Великую от вас
Я честь приял сегодня, государи,
А с ней ответ великий. Не должны
Мы забывать, какая угрожает
Опасность нам. Князь не с одной своей
Дружиною для мщенья к нам вернулся;
Его дядьев дружины с ним пришли,
Не пошлиной, на древлих Ярославлих
На грамотах, обратно стол княжой
Он требует, но вотчиной своею
Уж нас зовет. Все пригородки взял,
Посады сжег. Уж турами бьет стены.
От приступов его все боле наша
Редеет рать — и если псковичи
На помощь к нам не подойдут, придется
И впрямь княжой нам вотчиною стать
Или за вольность нашу без остатка
Всем лечь костьми!

Крики

Все, все за вольность ляжем!

Чермный

Но если мы дня три лишь иль четыре
Продержимся, то Псков им в тыл ударит,
Мы ж вылезем — и правому тогда
Поможет бог!

Из толпы.

Третий

С тобой нам бог поможет!

Второй

Ты наша бронь!

Все

Живет боярин Чермный!

Чермный

А чтобы дать их множеству отпор,
Все за один теперь стоять должны мы.
Не для того вы сами воеводой
Поставили меня, чтобы сиденье
Держали мы, как было при Фоме!
На сонных мух под ним мы походили!
Теперь не так! Теперь не оставайся
Никто в дому! На стены стар и млад!
Кто годен в строй, тот надевай кольчугу,
Кто нет, таскай тот землю и песок
На новый вал! Передние ли люди
Иль младшие — бояре или чадь —
Всяк топором, мечом, или лопатой
Теперь служи — и если б даже кто
И дьяком был, и было б уж гуменце
Пострижено, все винны за святую
Софию стать!

Все

Все станем за Софию!

Второй

Измрем с тобой!

Первый

За Новгород Великий!

Четвертый

За грамоты!

Третий

За волю!

Все

Станем все
Живой стеной!

Чермный

Ступайте ж, государи,
К своим местам — вам ведомы они.
Всяк знай свое, в чужое не мешайся,
Перебегать не смей от места к месту,
Как при Фоме. Не ваша то печаль,
Коль на какой облом иль вежу приступ
Услышите. Ответ за все на мне.
Простите же; сейчас приду на вал
Осматривать работы.

Бояре уходят, народ расходится также.

ЯВЛЕНИЕ IV

Чермный и посадник.

Чермный
(к посаднику)

Глеб Мироныч!

Посадник

Что, государь?

Чермный

Сей ночью из тюрьмы
Один из пленных суздальцев ушел.
Вели его сыскать во что б ни стало,
Теперь опасность велика. Нельзя
Врага оставить в городе. Поджог
Он учинит или маяк, пожалуй,
Своим подаст. Сыскать его вели.

Посадник

Велю сыскать. Еще что мне прикажешь?

Чермный

Ни в ворота, ни из ворот чтоб стража
Не пропускала никого. Объезды
По улицам чините день и ночь.
Неслушливых хватайте. Только, Глеб
Миронович, тебе не в укоризну:
Пожалуй, ты уж через меру крут.
Остерегись, теперь такое время,
Друг за́ друга держаться все должны.
Не возбудил бы строгостью излишней
Ты ропота. Ино — кто делом вор,
Ино — кто только словом провинился:
Не всяко лыко в строку!

Посадник

Всяко в строку!
Когда наш враг под городом стоит,
Когда его прихлебники бесстыдно
Мутят народ, когда Фома чуть-чуть
Уже ворот ему не растворил —
От слова тут до дела недалёко,
И никому мирволить нам нельзя!

Чермный

Чини ж, как знаешь; вечером тебя
Прошу к совету; вместе потолкуем
И подкрепим себя чем бог послал.
Три дня с тобой очей мы не смыкали,
И голова кружиться начала́.

Пусть также зять придет твой нареченный,
Ему работу на́ ночь я задам.

Посадник

Придем.

Чермный

Постой, я было позабыл!
В монастыре во Спасском со двора
Есть тайный ход, ведет он под землею
За городскую стену и выводит
В Свенельдов враг. Ключ от дверцы железной
Там в ризнице. Пожалуй, у игумна
Его возьми и принеси ко мне.

Посадник

Не слыхивал про этот ход.

Чермный

Да вряд ли
Кто и слыхал. Случайно прошлым летом,
Охотясь, я на устие набрел.
Игумен говорит, что при варягах
Он вырыт был.

Посадник

Засыпать бы его.

Чермный

Напротив, он теперь нам пригодится:
Через него лазутчика пошлю
Иль сам пойду, переодетый, ночью
Во вражий стан.

Посадник

Как знаешь. Принесу
Тебе тот ключ. Еще чего сказать,
Не вспомнишь ли?

Чермный

Одно сказать осталось:
Поклон тебе, боярин Глеб Мироныч.

Что воеводство мне ты уступил,
Что, о себе не мысля, за меня
Стоял на вече!

Посадник

Не на чем поклон.
Не за тебя, за Новгород стоял я.
Будь кто тебя получше, за того бы
Я и стоял.

Чермный

Не в гнев тебе я молвил,
Но от души. В твоих руках, боярин,
Пусть будет город. Ты ж его блюди
По своему по разуменью.

Посадник

Буду
Блюсти, как знаю, государь.

Чермный

Прости ж.
К вечéри до свиданья!

Посадник

До свиданья.

Посадник уходит. Чермный хочет идти, Наталья бросается ему навстречу.

ЯВЛЕНИЕ V

Чермный и Наталья.

Наталья. Золотой ты мой! Ненаглядный мой! Насилу-то времечко вылучила!

Чермный. Наташа! Ты зачем здесь, сумасшедшая!

Наталья. Невтерпеж стало, свет Андрей Юрьич! Двое суток домой не приходишь! Как ударили к вечу, я выбежала на площадь; все время позади народу с бабами стояла. Слышала, как тебя в воеводы поставили. Ду-

маю: господи! Теперь и того меньше придется видеть его! Хоть на улице на света моего посмотрю!

Чермный (*ласково*). Сумасшедшая, право сумасшедшая!

Наталья. Издали все шла за тобой, а тут к воротам прижалась, покуда ты с посадником говорил. Насилу-то он ушел! И что это ты затеял! Один во вражий стан идти! Я все слышала!

Чермный. А тебе нужно знать! Ступай домой, я о вечерни приду. Приготовь ужинать, Наташа, гости будут.

Наталья. Да не гони же меня, успею приготовить!

Чермный. Непригоже нам на улице вместе быть.

Наталья. Иду, иду. Да ведь уже и нет никого, все разошлись; а мне бы только еще посмотреть на тебя: ведь двое суток не видела!

Чермный. Увидимся вечером, а теперь ступай; мне самому идти надо.

Наталья. Да скажи мне хоть словечко-то ласковое!

Чермный. Ведь знаешь, что люблю тебя. Чего ж тебе еще?

Наталья. Тяжело уходить-то мне ноне, ведь ты целый день все под стрелами! Долго ли до беды, до вечной разлуки с тобой. Ох ты, болезный мой! Дай же мне хоть обнять тебя, ведь кто знает? Может быть, в последний раз! Свет ты мой! Голубчик ты мой! *(Бросается ему на шею и уходит.)*

Чермный идет в другую сторону. Является боярин Фома с Кривцевичем и Жирохом.

ЯВЛЕНИЕ VI

Фома, Жирох и Кривцевич.

Фома

Вы видели?

Жирох

Как не видать!

Кривцевич

Каков!

Жирох

Ай да боярин! Ай да воевода!

Кривцевич

Знай, времени не тратит!

Жирох

Целоваться
Нашел с своей Наталкой место!

Фома

Что ж?
Такого, видно, надо воеводу!
Чай, государь-то Новгород Великий
На то его и выбрал. Исполать!
Мы с бабами не зналися; о том лишь
Заботились, как город бы сберечь,
До грабежа б не довести; хотели,
Чем суздальцам на щит себя отдать,
Добром отдаться князю; так вот нет!
Посаднику, вишь, стали неугодны!
А что велит посадник, то у нас
И деется и свято!

Жирох

Эх, Фома
Григорьевич! Эх, если бы тебя
Послушались! Смотри, коль не возьмут
Нас приступом. Ведь силы-то такой
Не видано доселе.

Фома

Ничего!
Боярин Чермный справится.

Кривцевич

Хорош!
Еще принять и гридьбы не успел,
А с ним уж и Наталка!

Фома

Человек,
Вишь, молодой. Оттоль и порубиться,
И показать хотелось бы себя.
Мы на своем рубилися веку,
За новыми не гонимся рубцами;
Ну, а ему в диковинку.

Жирох

Уж будут
Ему рубцы! И Новгороду будут!
Не скоро мы залечим их.

Фома

Поди ты!
А вот посадник говорит, что Чермный
Все отстоит; Фома-де не умел,
А мы сумеем с Чермным; ото Пскова,
Вишь, рать придет, осаду сымет! Знаем
Мы псковичей. Чай, пьяны напилися
От радости, что плохо нам пришлось.
Ну, да посадник обещает — значит,
Оно и так. И Новгород за ним
Твердит: побьем, побьем низóвых! Ну-тка!
Посмотрим, как побьете их!

Кривцевич

Хорош
И Новгород! Баранье стадо, право!
Давно ли был им хуже горькой редьки
Посадник Глеб? Боярам не давал
Созванивать народ, помимо веча;
А безземельных с площади гонял:
«Не вечники вы, дескать!» И стоял
Всем поперек. А стоило сказать,
Что грамоты похерят,— и пошли
Кричать за ним. Вот приступом возьмут,
Тогда увидят грамоты!

Жирох

Смотри,
Когда и тут не выйдет прав он!

Фома

Выйдет,
Коли молчать мы будем. Смирны очень
Уж стали мы.

Кривцевич

Да мы, Фома Григорьич,
На вече не молчали-то!

Фома

Эх вы!
Богатыри! Да разве в крике дело?
Иное так словечко, мимоходом,
Как невзначай, проронишь, а оно
И во́ сто крат сильней, чем если б горло
Ватага целая драла. А вы
Наладили себе одно: Не можно
Держаться нам! Не можно да не можно!

Жирох

А что ж нам было говорить?

Фома

Про Глеба
Про самого сказать вам было, вот что!
Свою-де он, Глеб, выгоду блюдет!
Догадлив, чай; он знает, что не правят
Долгов в войну. Ведь от войны кому
Живет наклад? Тем, у кого в подвалах
Товар лежит! А много у него
Товару есть? А? много ли товару?

Жирох

Так, так, Фома Григорьич, все его
Разбило в море корабли!

Фома

Вот то-то!
Одной святой Софии тысяч тридцать
Стоит должо́н. А с любскими купцами
И до́ ста наберется.

Кривцевич

Будет до́ ста.

Фома

Так мира-то зачем ему хотеть?
Он не дурак. Теперь небось не правят
С него долгов; а Новгород возьмут —
Так что ему? С него-то взятки гладки!

Кривцевич

Вестимо так.

Фома

Вот мы — другое дело.
Что́ день, то нам убыток от войны.
Ты, например: на сколько у тебя
Лежит парчи?

Кривцевич

На сорок будет тысяч.

Фома
(к Жироху)

А у тебя скатного жемчугу?

Жирох

На столько же, пожалуй.

Фома

Так смотрите ж:
По малому вам счету, по сту в месяц
На каждого червонцев из мошны!
А приступом коль Новгород возьмут,
Так ты и вовсе без парчи, а ты
Без жемчугу! В Софийские подвалы,
Чай, суздальцы найдут дорогу! Как,
По-вашему?

Кривцевич

Что тут и говорить?
По-нашему, так поскорей бы дело
Помимо тех двоих поладить. Князь бы
За то спасибо нам сказал.

Фома

Смекнули?

Жирох

Оно бы можно, если б этот Чермный
Тут был один, да старого-то пса
Не проведешь, глазаст уж больно!

Фома

Гм!

Большой тебе приятель он?

Жирох

Приятель?
Кто? Глеб? Да я б туда его послал,
Куда крятун костей не заносил!

Фома

Ах да, бишь, помню! То, никак, ведь он
В голодный год тебе нажиться не́ дал,
Скупил весь хлеб?

Жирох

Когда б одно лишь это?
Уж перехват ему бы я простил;
Бери себе да подавися — дело
Торговое. Но он не для себя,
А на́зло мне! Скупил запас да тотчас
За полцены спустил его в народ.
Смотрите, мол: Жирох хотел нажиться,
А я, мол, вам задаром отдаю!

Фома

Вишь, старый черт!

Жирох

И вече созвонил:
Тяжелый-де настал для смердов год,
От глада мрут. Велите, государь
Великий Новгород, чтобы по прошлым
У нас запас по ценам продавался,

А то уж вот хотел было Жирох
Повысить хлеб!

Фома

Эх, удружил тебе!

Жирох

Проклятый ворон! Так меня ославил,
Хоть выходи из сотни. Уж ему бы
Припомнил я!

Кривцевич

Да что, не одного
Тебя он, чай, ославил. Уж кому
Досадчиком он не был!

Фома

Так зачем же
Его жалеть?

Жирох

Да кто ж его жалеет?

Фома

А коли так, то слушайте вы оба:
Покуда Глеб посадником, а Чермный
Детинец держит, нечего о сдаче
И думать нам. А можно это дело
Так повести, что Новгород и сам
Их отрешит. Ведь если правду молвить,
Не сразу князь нас приступом возъмет;
А до того могли бы мы проруху
На них найти. Старик уж больно крут,
Он и своих не милует; как раз
Обидит город; ну, а молодой —
Вы видели каков: опричь сиденья,
Бабьё на мысли у него; так вот
Подвесть бы их, когда ж один слетит,
Так и другой удержится не долго.

Жирох

Пусть только Глеб слетит, а с Чермным нам
Полегче сладить будет!

Кривцевич

Всё едино:
Пусть только промах Чермный даст, сейчас
Начнем кричать: кто посадил его?
Никто как Глеб! Тащить к ответу Глеба!
На вече-то расправа недолга —
Не усидит!

Жирох

А коль обоих ссадим,
Кому ж тогда и воеводой быть,
Коль не тебе ж опять, Фома Григорьич!

Фома

Ты думаешь? Гм! Дай хоть на часок
Детинец мне, теперь уж не на вече
Я толковать о мире буду. Настежь
Все ворота! Князь-батюшка, пожалуй!
Челом тебе на вотчине твоей!

Кривцевич

Держись тогда и Глеб и Чермный! Праздник
На нашей будет улице! Услуг
Князь не забудет наших!

Жирох

И тогда
С тобою, Глеб Мироныч, мы свои
Покончим счеты!

Фома

Так-то, государи.
Ну, а теперь поклонную пока
Нам голову приходится держать.
Пойдем приказ принять от воеводы
От нового; авось еще удастся
И на его Наталку поглядеть!

Уходят.

ДОМ ПОСАДНИКА

Посадница и боярыня Мамелфа Дмитровна.

Боярыня

Что ж это значит, матушка? Чай, вече
Уж отошло, а Глеба твоего
Мироныча доселе нету? Полно,
Уж ведомо ль ему, что у тебя
Сижу я?

Посадница

Как же, матушка Мамелфа
Димитровна! Перед его уходом
Твой посланный нам повестил, что ты
Пожаловать изволишь.

Боярыня

Дивно мне,
Что он не поторопится; чай, знает —
О вечевом услышать приговоре
И мы хотим! Ну, а невеста где ж?

Посадница

Вишь, у ее кормилицы вчера
Убили мужа; утешать вдову
Она пошла, сударыня.

Боярыня

Да; много
Теперя есть в Новегороде вдов,
Да и сирот не мало. И затем-то
Советовал Фома Григорьич мир
Нам учинить. Он дело говорил.
Его же вздумали сменять. Пустое
Затеяли!

Посадница

Да, говорят, он город
Сбирался сдать?

Боярыня

Кто это говорит?
Не верь тому! На всей новогородской
На воле он хотел мириться с князем!
От самого слыхала.

Посадница

Статься может.
Его-то, чай, ты лучше знаешь.

Боярыня

Знаю,
Сударыня: благочестив и вежлив;
Почтителен и скромен; вхож ко мне
Не первый год; а я ведь не со всяким
Вожу хлеб-соль.

Посадница

Кто ж этого не знает!
Кого к себе примаешь ты, того
Весь город чтит.

Боярыня

Да, матушка; на деньги
Да на породу не смотрю. Кто прям,
Боится бога да живет по правде,
Хоть черный будь он — милости прошу!
Кто ж в чем не чист, так будь он хоть сам
князь —
Не прогневись, ворота на запоре!
Боярину намедни Аввакуму
Дверь указала.

Посадница

Право? А за что?

Боярыня

Проведал, вишь, что корабли разбило
Путятины, да с долговым листом
Пристал к нему; притиснул так Путяту,

Что тот ему за полцены товары
Свои отдал; а Аввакум возьми их,
Перепродай, да ссуду ровно вдвое
И выручи!

П о с а д н и ц а

Ах, стыд какой!

Б о я р ы н я

И после
Бессовестного дела своего
Он, скаредник, еще не побоялся
Ко мне прийти; да я ему при всех:
Пей, батюшка, свою сегодня чару
И помни вкус — вперед не поднесут!

П о с а д н и ц а

Что ж? И ушел?

Б о я р ы н я

Небось не засиделся.

П о с а д н и ц а

Жена-то, бедная!

Б о я р ы н я

Та ни при чем;
Я в тот же день сказать велела ей:
По-прежнему ко мне пускай-де ходит,
Ей рада-де!

П о с а д н и ц а

Да как же ей теперь-то
Ходить к тебе?

Б о я р ы н я

А держится за мужа,
Ино вольна и не ходить. Одно
Могу сказать: Варуху моему
Буслаичу покойному жена
Покорная и добрая была я;
Но если б он, господь меня прости,
Что̀ студное бы учинил, я с ним бы
Не стала жить, пошла бы в монастырь!

Посадница

Так, матушка; но ведь сама же ты
Пускать к себе, кажися, перестала,
Как бишь ее?.. Что с мужем-то не ходит?

Боярыня

Якуниху? Я выгнала ее
За то, что стыд и обык позабыла:
Пока Якун в Новегороде был,
Они ни разу с Чермным не видались,
А только лишь уехал муж в Торжок,
Что̀ день, то к ней таскаться начал Чермный!
По моему жена по разуменью,
Должна пред мужем голову держать
Поклонную; хранить не только верность,
Но так вести себя, чтоб про нее
Никто не смел худого и подумать.
Но если муж бесчестный — брось его,
Вернись к родным, не то — вселися в пу́стынь
Иль постригись!

Посадница

Так, матушка, вестимо...

Боярыня

И матерям твержу, для дочерей
Чтоб женихов богатых не искали;
Напред всего, чтоб зять боялся бога
И правду блюл!

Посадница

Вестимо...

Боярыня

А не то,
Пусть лучше в девках дочери сидят!

Посадница

Вестимо так; да где ж найти такого,
Чтоб не было на нем укору?

Боярыня

Значит,
Есть и на вашем?

Посадница

Грех его винить,
А посмирней, конечно бы, хотелось
Для нашей Веры.

Боярыня

Значит, сорванец?
Зачем же ты дала согласье?

Посадница

Я-то?
И, матушка! Да мне ль со Глебом спорить
С Миронычем? Согласья моего
Не спросит он. К тому ж и полюбились
Друг другу молодые...

Боярыня

Не причина!
Опричь тебя, тут некому решать;
Коль матери не по́ сердцу жених,
Так прочь его! Тебе, чай, лучше ведать,
Что́ дочери пригодно. Не хочу —
И кончено!

Посадница

Да не за что его
Корить-то, матушка.

Боярыня

Благочестив?

Посадница

Благочестив, сударыня.

Боярыня

И вежлив?
Почтителен, как следует, к тебе?

Посадница

Уж как же зятю к теще нареченной
Почтительну не быть!

Боярыня

Одно мне в нем
Не нравится: в повольниках бывал.

Посадница

Что ж делать, матушка! Муж говорит:
Не удержать боярам молодежи;
Коль нет войны, где ж удаль показать?

Боярыня

Да удаль-то безбожная. На Волгу
Твой, что ль, ходил?

Посадница

На Чудскую, кажись,
Ходил на Емь аль на Студено море.

Боярыня

А то поход затеяли на Волгу
Повольники при муже. В Костроме
Урвали девок, отвезли в Сарай,
Да там и продали татарам. Что?
Чай, добрая повольница?

Посадница

Помилуй,
Какие же повольники то были!
То воры, матушка!

Боярыня

Не велика
Меж ними рознь. Повольнику до вора
Рукой подать. И Чермный вот, что ноне
Толкается по женам по чужим,
Он также был в повольниках; на Пермь,
Никак, ходил.

Вера вбегает, испуганная, и бросается на лавку.

Посадница

Что, Верушка, с тобой?
Чего дрожишь ты?

Боярыня

Что те приключилось,
Сударыня? Не видишь, что ль, меня?

Вера
(вставая)

Прости, прости, боярыня Мамелфа
Димитровна! с испугу я... прости!
На улицах такая давка, крик,
Бегут, шумят, толкаются, чуть с ног
Не сшибли...

Боярыня

Только? Больно ты труслива,
Сударыня. Всегда бывает так,
Когда народ от веча по домам
Расходится.

Посадница

Хлебни водицы, Вера,
Да расскажи, не слышала ль чего?
Чем кончилось?

Вера

Поставлен воеводой
Боярин Чермный.

Боярыня

Чермный? Воевода?
На Фомино на место?

Вера

Меж собой
Так говорили встречные; о том-то
У них и спор.

Боярыня

Ну, нечего сказать!
Ну, признаюсь! Не чаяла того!
Еще б кого другого — пусть бы так!
Но Чермного!

Посадница

Я, матушка, слыхала,
И Глеб Мироныч также говорит,
Что доблестней нет Чермного во всей
Земле Новогородской.

Боярыня

Сорванец!
Прихвостник бабий! Человек без страху
Без божьего!

Посадница

Но, кажется, его
И рать и город любит...

Боярыня

А за что?
За то, что лих вертеться на коне,
Да каждый день на площадь в новом корзне
Выходит к ним! Да медом угощает
Все пять концов! Да уличан своих,
Знай, кормит до отвалу! Вот за что
Ему любовь! А чтоб он смог сидеть,
Когда Фома не может — нет, не верю!
Он сгубит нас! То Глеб Мироныч кашу
Твой заварил! Уж не взыщи, а я
В глаза ему скажу!

Посадница

Но может статься,
Оно не так, сударыня; быть может,
Ослышалася Вера...

Боярыня

Чермный! Вот уж
Сокровище нашли! И водит им
Всегда не та, другая баба. Ноне
Какая-то Наталка завелась;
Что вздумает, то и чинит; казну
Его, пиявка, высосала всю!
Прогнать ее, бесстыжую, велела б
Я метлами из города!

Вера

Наталью?
Нет, матушка-боярыня, должно быть,
Тебе не так сказали; не такая
Она совсем! Неправду про нее
Тебе сказали!

Боярыня

Что ты, что ты, мать?
Отколе знать тебе? Да про нее
И говорить тебе не след, ни даже
Упоминать! Не девичье то дело,
Сударыня!

Вера

Я видела ее...

Боярыня

Что-о? Ее? Ослышалась, никак, я?

Посадница

Где видела ее ты, Вера?

Вера

В церкви,
На той неделе, матушка. Стояла
Она одна, прижавшись к уголку,
Молилась так усердно, и на ней
Была одежа бедная, простая;
Когда же служба кончилась, тихонько
И робко так к иконе подошла,
Украдкою жемчужное монисто
Повесила на венчик и скорей
Из церкви вон. Отца Захарья кто-то
О ней спросил; вздохнул отец Захарий
И говорит: Наталка это, та,
Которую боярин Чермный любит;
Все, что б он ей ни подарил, на церковь
Она несет; казну ж, какая есть,
Меж нищих делит; духом, вишь, сама
Есть нищая, и многое за то
Простится ей!

Посадница

Пусть так, но все ж тебе
Знать про нее негоже...

Боярыня

Что подарки
Она свои на церковь отдает
И нищую жалеет братью — это
Зачтется ей, на том свету зачтется;
Ты ж неразумна, дитятко, еще;
Не ведаешь, о чем бывает вместно
Боярышне, о чем невместно знать.
Коль при тебе вперед о той Наталке
Заговорят, ты, дитятко, молчи.

Звон струн и песня за сценой.

Голос

Как ушкуйники по морю
Славить Новгород пошли,
Они, славя, проходили
Аж до Мурманской земли!

Хор

Ай люли, люли, люли,
Аж до Мурманской земли.

Боярыня
(к посаднице)

Кто это там в сенях твоих горланит?

Василько
(входит с товарищами)

Опускайте стяг, мурмане!
Выдавайте корабли...
(Увидя боярыню, прерывает песню.)

Боярыня, прости! Не чаял я,
Что здеся ты...

Боярыня

А если бы меня
И не было, все ж, государь, не входят
Так в честный дом. На приступ, что ль, ты
лезешь?
Аль думаешь, что с вражьим кораблем
Ты сбáгрился?

Василько

Боярыня, прости!
С разбегу мы, на радости вошли.
Что побоку спровадили Фому,
А Чермный стал над нами воеводой!
(К товарищам.)
Ступайте, братцы! Тестя лишь дождусь
И тотчас к вам!

Радько

Смотри ж, не заживайся!

Головня

Заклада не забудь!

Василько

Небось!

Ставр

Простите,
Боярыни!

Радько

Обычай наш веселый
В вину нам не поставьте!

Головня

Бьем челом!

Все трое уходят. За сценой слышна удаляющаяся песня:

Мы, ушкуйники, с баграми
Славить Новгород пришли
и пр.

Боярыня

Ну, хороши вы, батюшка! И впрямь
Повольницкая шайка!

Василько

Виноваты,
Сударыня!
(Подходит к Вере.)
Дай на тебя скорей
Полюбоваться, радость ты моя,
Бесценная!..

Боярыня

Постой-ка, государь,
Пожалуй-ка сюда! С тобой, кажись,
Я говорю, так ты сперва постой
Да выслушай меня, а уж потом,
Когда я кончу да скажу: ступай!
Тогда иди к невесте.

Василько

Виноват!
Что, матушка, прикажешь?

Боярыня

А чтоб ты
Обычай помнил, батюшка. С чего
У вас сегодня головы вскружились?
Нашли чему обрадоваться! Чермный
Стал воеводой новгородским! Шут он
Гороховый, твой Чермный!

Василько

Уж на этом
Нас извини, боярыня! Позволь,
Тебе не в гнев...

Боярыня

Да ты меня, отец,
Перебивать-то не моги! Тебя
Я разуму учу, так стой да слушай;

Авось умнее будешь. И не только
Тебе скажу, беспутному повесе,
А всем скажу, и наперво твому
Скажу я тестю...

Входит посадник.

Легок на помине!

Посадник

Поклон тебе, боярыня Мамелфа
Димитровна! Как, матушка, живешь?

Боярыня

С находкой поздравляю, Глеб Мироныч!
Ну, батюшка, уж есть чем похвалиться!
Убил бобра!

Посадник

Ты это про кого,
Сударыня? Про Чермного? Он вечем
Поставлен есть. Об этом толковать
Уж нечего.

Боярыня

А кто мне запретит?
Я с той поры, как помню лишь себя,
Всем в очи правду резала; и ноне
Скажу тебе: где был у вас рассудок
Фому сменить?

Посадник

Про то тебе ответ
Я после дам, сударыня. Теперь
Дозволь мне дело кончить.
(К Васильку.)
Там подвойский
Ждет у дверей. Проси его войти.

Василько уходит.

Боярыня

Смотри, пожалуй! Вечем, вишь, поставлен!
Да разве всё апостолы сидят
На вече-то? Чай, сторона твоя
Перекричала тех, кто был разумней!
Да, слава богу, Новгород не весь
По дудке пляшет по твоей! Доселе,
Слышь, спорят как! Опомнятся, даст бог,
Еще до завтра!

Входит подвойский.

Посадник

Государь подвойский!
Дай знать кончанским старостам, что я
Прошу их всех пожаловать, приказ
По городу услышать, да вели,
Чтоб бирючи по улицам кричали:
Боярину-де Чермному дана
От веча власть на жизнь и смерть, а он
Смерть положил от нынешнего дня
Всем, кто ему нарушит послушанье.
Коль делом кто иль словом провинится —
Хватать строптивых!

Боярыня

От часу не легче!
С которых пор в Новéгороде слово
Уж не вольно? Не в Ироды ль цари
Вы Чермного поставили?

Посадник
(к подвойскому)

Сей ночью
Бежал один из пленных. Повестить
По всем концам, чтобы во что б ни стало
Его нашли.

Боярыня

Да долго ли ты будешь
Еще свои приказы раздавать?
Я все ему толкую, он же словно
Меня и нет!

Посадник
(отпустив подвойского)

Что, матушка, тебе
Угодно от меня?

Боярыня

Ушам не верю!
На жизнь и смерть судить нас будет Чермный!
Приказано на улицах хватать,
Кто Чермного не хвалит! Да ведь этак
Ты, государь, пожалуй, и меня
Схватить велишь?

Посадник

Нет, матушка, мы баб
Не трогаем. Кричи себе, коль хочешь,
Во здравие!

Боярыня

И буду, государь!
Кому вы город отдали-то в руки?
Беспутному, шальному сорванцу!
Да не ему — его Наталке город
Вы отдали! Не знаем разве мы,
Кто держит верх над кем? Не воеводу,
А воеводшу, господи прости,
Вы над собой поставили!

Посадник

Ты все ли,
Сударыня, сказала?

Боярыня

Нет, не все!
За что Фому сменили вы? За то ли,
Что мир хотел он учинить? Чай, лучше,
Чтоб приступом нас взяли? Из церквей
Иконы потащили б? Да на щит
Дружиннику б досталась дочь твоя?
Вот до чего не допустить хотел
Фома, а вы его же очернили,

Иудой обозвали! Да пока
Я, батюшка, жива, пока язык мой
Еще к гортани не присох, дотоль
Кричать не перестану, что напрасно
Отставлен он! Уж не взыщи, а кто
Безвинно терпит, да к тому ж мне друг,
Уж за того до самой смерти буду
Горой стоять!

Посадник

Ты кончила ль теперь,
Сударыня?

Боярыня

Могу еще и боле
Тебе сказать, отец мой...

Посадник

Не трудися.
Хотя Великий Новгород тебе
Ответа и не держит, но за то,
Что вдовью честь твою он уважает
И поделом тебя за правду чтит,
Я, так и быть, тебе отвечу. Слушай,
Боярыня: Фому сменили мы
За то, что сдать советовал он город,
Когда еще держаться можно нам.
Который же верховный воевода
Не верит сам, что он побьет врага,—
Уж тот побит заране. Чермный верит
В себя и в нас, в него же верит рать.
Неправда то, что им Наталка водит,
Никто еще досель им не водил.
А что живет он в Новгороде весел —
То до поры, пока ответа не взял
Он на себя. Ты, матушка, пойми:
Он словно шелк блестящий, шамаханский,
Что и цветист и гибок; поглядеть —
Уж ничего нет мягче; а попробуй
Его порвать — лишь руки натрудишь!

Боярыня

Хвали, хвали его, отец, а я
Скажу тебе: нет божьего на том
Благословенья, кто не верит в бога!
Не ходит в церковь, батюшка, твой Чермный,
Второе воскресенье не видала
Его в соборе!

Посадник

Некогда ему
В соборе быть. Уж две недели с валу
Он не сходил. Под прыском вражьих стрел,
От приступов спасая город, служит
Он господу!

Боярыня

Что? Некогда быть в церкви?
Нет времени молиться? Стало быть,
Нам не нужна молитва?

Посадник

Не криви
Моих речей, боярыня. Молитва
Всегда нужна. Но если воле нашей
Грозит беда, ее одной молитвой
Не изживешь. Защитник нужен нам!
И не о том мы спрашивать должны:
Он часто ли, не часто ль ходит в церковь,
А как он в бой полки свои ведет!

Боярыня

Сударыня-посадница, ты слышишь?
О теле он велит лишь помышлять,
А душу ставит ни во что! Ступай
В свою светлицу, Вера, уходи!
Отца не слушай, уходи сейчас!
Безбожницей тебя он сделать хочет!
Сударыня-посадница, скорей
Дочь уведи!

Посадник

Боярыня! Тебе
Корить меня, кажися, и порочить
Я вдоволь дал. Но при себе учить
Мою жену и дочь я не позволю.
Не прогневись, а в доме я своем
Сам господин!

Боярыня
(вставая)

Здесь доле оставаться
Невместно мне. Другим давать уроки,
А не себе их слышать от других
Привыкла я. Учиться благочестью
И вежеству сбирается ко мне
Весь Новгород. Самой же научаться,
Как мне вестись,— на это я стара,
И отвыкать молиться богу также!
Я, матушка-посадница, тебя
За мужнины за речи не виню,
Одно тебе на память только слово
Еще скажу: дочь от него держи
Подале, матушка, подале — слышишь?
Теперь прости — прошу не провожать!
(Уходит.)

Посадник
(следит за ней глазами)

Тьфу, взбалмошная баба!

Посадница

Глеб Мироныч!
Свет мой, голубчик! Что б тебе пойти
Догнать ее, пред ней бы извиниться?
Нам, право, с нею ссориться не след,
Она в великом гневе!

Посадник

Как? Еще
Пред ней мне извиняться?

Посадница

Свет, подумай:
Все на тебя подымутся теперь!

Посадник

А мне какое дело?

Посадница

И слова
Твои перетолкуют!

Посадник

Мне-то что ж?
Иль в самом деле я безбожник?

Посадница

Сила
Святая с нами! Но тебя, мой свет,
Осудят все! От недругов твоих
Бог весть теперь пойдут какие толки!

Посадник

Бояться толков — шагу не ступить!

Посадница

Ведь чтил же ты и сам ее доселе!

Посадник

Я чту ее, но гнуться перед ней —
Уж не взыщи! Нашла коса на камень!

Василько

И подлинно! Такого не встречала
Она отпора!

Посадник

Новгород старуху
Избаловал!

Василько

А выплыла каким
В дверь кораблем!

Посадник

Шабаш о ней — довольно!
О чем вы тут шептались меж собой?

Василько

Мы, государь..

Вера

Они хотят .

Посадник

В чем дело?

Вера

Вишь, вылазку затеяли они!

Посадник

Как вылазку? Кто вылазку затеял?

Василько

Мы, государь, словенские ребята·
С гончарскими побились об заклад
Те говорят: не пустит воевода!
Мы ж говорим: зачем его спрошать?
Мы вылезем в полУночь о себе,
А после скажем воеводе!

Посадник

Кто
Вам отопрет ворота?

Василько

Не в ворота —
Мы по веревкам, государь. За нами
Их приберут, когда ж вернемся, снова
Нам выкинут!

Посадник

Изрядно! И могли
Подумать вы, что я, и с воеводой,
Позволим то?

Василько

Пожалуй, государь,
Нам не мешай; у нас уже все дело
Улажено.

Посадник

С ума вы, что ль, сошли?
Когда нам князь готовит новый приступ,—
Тут каждый дорог человек, а вы
Ребячиться затеяли? Брось дурь!

Василько

Не можем, Глеб Мироныч! Об заклад
Побились мы!

Посадник

Так я перевязать
Вас прикажу.

Василько

Не в гнев тебе, а нас
Вязать не след. В Новегороде было
Так искони, что молодежь могла
Всегда как хочет тешиться, и воля
У нас на то от прадедов идет!

Посадник

Великое ты выговорил слово;
А знаешь ли, какой его есть толк?
В чем воля-то? В том, что чужой мы власти
Не терпим над собой! Что мы с князьями
По старине ведем свой уговор;
Се будь твое, а се будь наше. В наше ж
Ты, княже, не вступайся! А когда
Тот уговор забудет князь, ему
Мы кажем путь, другого ж промышляем
Себе на стол. Вот наша воля в чем.
И за нее с низо̀выми мы ноне
Ведем войну, и за нее, коль надо,
Поляжем все! И чтобы воля эта
Была крепка, и чтоб никто не мог
Над нами государем называться —

Мы Новгород Великий государем
Поставили и головы послушно,
Свободные, склонили перед ним.
Вот наша воля! Прав своих держаться,
Чужие чтить, блюсти закон и правду,
Не прихоти княжие исполнять,
Но то чинить безропотно и свято,
Что государь наш Новгород велит,—
Вот воля в чем! А чтобы всякий делать
Волён был то, что в голову взбредет,—
Нет, то была б не воля — неурядье
То было бы! Когда б такую волю
Терпели мы, давно княжой бы стали
Мы вотчиной иль разделили б нас
Между собой соседи! Выкинь дурь
Из головы!

Василько

Сам вижу, Глеб Мироныч,
Что виноват, и если только прежде
Подумал бы, заклада б не держал.
Но посуди: словенские меня
Начнут корить; гончарские же на́ смех
Меня подымут!

Посадник

Что тебе за дело?

Василько

Как что за дело? Трусом обзовут!
Стыд будет мне, бесчестье понесу я!

Посадник

Ты разве трус?

Василько

Ты знаешь сам, что нет!

Посадник

А коль не трус, о чем твоя забота?
Не пред людьми — перед собой будь чист!

Василько

Так, государь, да не легко же...

Посадник

Что?
Чужие толки слышать? Своего,
А не чужого бойся нареканья —
Чужое вздор!

Василько

Тебе-то благо, Глеб
Миронович, так говорить! Высо̀ко
У каждого стоишь ты в мысли. Твой
Велик почет. Но что бы сделал ты,
Коль на тебя бы студное что-либо
Взвалили люди?

Посадник

Плюнул бы на них!
Вот что бы сделал. Иль уж сам себе
Неведом я? Себя я, благо, знаю,
Сам чту себя. Довольно мне того.

Посадница

Ах, свет мой Глеб! Вот этим-то и нажил
Ты недругов! Ни за́ что никому
Не сделаешь уступки! Ни других,
Ни самого себя, вишь, не жалеешь!
А так нельзя! Живем ведь не одни,
С людьми живем. Ужели ж на людей
И не смотреть? Когда б ты захотел,
Иной бы раз друзей себе словечком
Нажить бы мог!

Посадник

Не в норове моем
За дружбою гоняться. Если б я
Пошел на то, чтоб людям угождать,
Не стало бы меня на угожденья,
Все мало б им казалося. Людей
По шерсти ль гладь иль против шерсти — то же

Тебе от них спасибо! Я ж хочу
Не слыть, а быть. Для собственной своей
Чинить хочу для совести, и сам
Свое себе спасибо говорить.
А что̀ болтать они про это будут,
То для меня равно, как если дождь
По крыше бьет!

(К Васильку.)

Поди к своим, скажи:
Посадник Глеб вам запретил и думать
О вылазке. А к вечеру вернись;
С тобой пойдем мы вместе к воеводе,
Укажет он, как удаль показать!

(Идет к двери.)

Василько
(топнув ногой)

Хоть утопиться, право, в ту же пору!

Посадник
(услышав его, оборачивается)

Топись, когда врагов от наших стен
Прогоним мы,— теперь же и топиться
Ты не волён! Ты Новгороду держишь
Теперь ответ! Как смеешь ты иметь
Хотение свое, когда я сам,
Я, Глеб, себя другому подчинил,
Из рук Фомы мной вырванную власть
Тому вручил, кто лучше всех защиту
Умеет весть? Как смеешь о стыде
Ты помышлять, когда у нас свобода
Шатается? Что значит честь твоя
Пред новгородской честью? Двадцать лет
Посадничью мою храню я честь —
Но если б только ей спасенье наше
Я мог купить — как свят господь, я б отдал
Ее сейчас! Все ныне позабудь —
Одну беду грозящую нам помни!
А стыд тому, чья подлая душа
Иное б что, чем Новгород, вмещала,
Пока беда над ним не миновала!

(Уходит.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ДОМ БОЯРИНА ЧЕРМНОГО

Наталья прибирает горницу и ставит посуду на стол.

Наталья. Уж эти мне гости! Не дадут и часочка с ним посидеть! Вернется усталый: чем бы отдохнуть, а тут разговоры пойдут, а там, глядишь, опять приспело время на вал идти.

Девушка. А много ль будет гостей?

Наталья. И сама не знаю.

Девушка. Ты что ж не спросила?

Наталья. До того ли мне было, как после двух суток его увидала.

Кондратьевна. Что ж ты, государыня, сама-то на стол ставишь? Дай, мы и без тебя соберем!

Девушка. Кто же сегодня прислуживать будет? Челядь ведь вся брони надела, на завалы ушла, а нам с Кондратьевной в кухне быть.

Наталья. А я разве не сумею?

Девушка. Сама, нешто, будешь посуду носить?

Наталья. А почему же не сама? Что я за боярыня такая?

Девушка. Вестимо — боярыня! Не сегодня, так завтра будешь боярыней. Пора Андрею Юрьичу в закон вступить.

Наталья. Просила я тебя не говорить мне о том. Сколько раз просила. Коли опять начнешь, ей-богу, осерчаю.

Девушка. Ну, да! Таковская.

Кондратьевна. Молчи ты, постреленок! Ей слово, а она тебе два! Пошла в кухню, смотри пирог — не пригорел бы.

Девушка уходит.

Ох, ох, дитятко! Избаловала ты нас, страху-то нет к тебе, к государыне к нашей.

Наталья. И ты туда же! Этакие вы, право.

Кондратьевна. По душе говорю, голубонька, по любви своей, не по одному приказу боярскому. Все мы любим тебя за милостивость твою.

Наталья. А я-то и в глаза смотреть вам не смею. Сама ведь кружевницей в Новгород пришла, думала через год домой вернуться, да навсегда и осталась; хожу себе в золоте, а как подумаю, что и мать и отец плачут теперь по мне, так иной раз сама себе противна стану, что руки бы на себя наложила. Всех я вас хуже, а вы же меня государыней величаете.

Кондратьевна. Родимая ты наша! Служить-то тебе не в труд, а в радость. Уж кротче тебя и не видывали.

Наталья. А иной раз как вспомню, что ведь это для него я своих бросила, просветлеет у меня снова на сердце и опять все кажется трын-трава!

Кондратьевна. Кто богу не грешен, дитятко! Господь помилует тебя за простоту за твою.

Наталья. Вишь, как я нарядилась сегодня. Ведь это он так велит, а мне и самой совестно.

Кондратьевна. Уж горазда ты наряжаться, нечего сказать! Лучшие окруты по церквам пораздала. Вишь, и повязки-то новой не надела. Надень, дитятко, повязку,— краше будет, а я в кухню сбегаю, не то эта егоза, пожалуй, пирог просмотрит. *(Уходит.)*

Наталья садится к окну, задумывается и напевает песню.

Голос *(под окном)*. Подайте, Христа ради! Подайте убогому! Подайте калике перехожему, Христа ради!

Наталья *(в окно)*. Войди, божий человек! Вот тут направо, по крылечку! *(Берет со стола хлеб и наливает кружку.)*

Входит нищий.

На̀ тебе, дядюшка, присядь на лавку, отдохни себе... *(Вглядывается в него)*. Господи! Что это?

Нищий. Узнаешь меня, Наталья?

Наталья *(бросаясь к нему)*. Рагуйло! Брат!

Рагуйло *(отталкивая ее)*. Прочь, негодная! Разве ты сестра мне? Разве ты не отреклась от родни? Разве ты не полюбовница воеводы новгородского?

Наталья. Брат, брат,— дай в себя прийти! После кори меня — скажи скорей про отца, про мать... Живы ли они?

Рагуйло. Так вот где ты, бесстыдная, отыскалась! Что ж, хорошо тебе жить у боярина?

Наталья. Ругай меня, бей меня, но скажи мне про отца, про мать! Скажи, как ты сам попал сюда?

Рагуйло. Как попал? На той неделе в полон твои новгородцы взяли меня; сею ночью из тюрьмы вылез, нищим нарядился, пришел на сестру свою посмотреть, на честь ее великую порадоваться.

Наталья. Господи, если увидят тебя!

Рагуйло. Что ж, выдай меня своему полюбовнику.

Наталья. Спрячься, спрячься скорей! Пойдем со мной!

Рагуйло. Куда?

Наталья. Сама не знаю — на сеновал, в кладовую, в анбар!

Рагуйло. А потом?

Наталья. Потом? Ты ночью из города выйдешь.

Рагуйло. Ай да бабий ум! Как я выйду, когда все ворота заняты?

Наталья. Нищего, может, пропустят...

Рагуйло. Ай да сестрица! При Фоме еще, пожалуй, пропустили бы, а я слыхал, каков он, твой полюбовник, есть! И поставлен в воеводы за то, что не дремлет. В тюрьме, чай, спохватилися меня, ищут теперь по городу.

Наталья. Пресвятая богородица! Как же быть нам?

Рагуйло. Выдумай! Найди! Ты стала теперь новгородкой, чай, знаешь свой город. Можно ли где через стену перелезть? Нет ли где выхода какого мимо сторожей?

Наталья. Выхода? Постой — да! есть выход! В Спасском монастыре, со двора, ход подземный.

Рагуйло. Куда ход?

Наталья. За стену, в овраг какой-то...

Рагуйло. Что ж там? Дверь? Решетка? Как мне найти этот ход?

Наталья. Не знаю, боже мой! Ничего не знаю, а ключ сегодня посадник принесет...

Рагуйло. Кому принесет?

Наталья. Боярину Чермному...

Рагуйло. Полюбовнику-то? Достань мне ключ.

Наталья. Как я его достану?

Рагуйло. Украдь!

Наталья. Да я не видала его, не знаю, какой он.

Рагуйло. Узнай! Проведай! Напой своего полюбовника. Задуши его. Зарежь его, а ключ достань

Наталья. Да если б и достала я, как же тот выход найдешь?

Рагуйло. В монастырь пустят нищего. На погосте ночевать останусь, там как-нибудь проведаю.

Наталья. Ну, а он-то?

Рагуйло. Что он?

Наталья. Коли на него ответ падет? Коли, неравно... через тот ход вороги ворвутся?

Рагуйло. А и в самом деле! Вот надоумила! Да кого ж ты это ворогами зовешь? Наших, что ли?

Наталья. Брат, я не могу дать тебе ключа.

Рагуйло. Так ты хочешь, чтобы меня смертью казнили?

Наталья. Я тебя иначе спасу — иначе; а этого я не могу — не проси, пожалей меня!

Рагуйло. А разве сама ты жалела нас, негодная? Мать свою ты уморила! С горя она померла!

Наталья. Господи!

Рагуйло. Проклинаючи тебя, померла. Отец твой помешанный ходит, сестры твои без пристанища, а ты с новгородским воеводою заурядной боярыней живешь.

Сторонятся, чай, от тебя, плюют на тебя люди. Да тебе все равно, миловал бы тебя воевода новгородский.

Наталья. Что же мне делать? Боже мой, что мне делать?

Рагуйло. А как надоешь ты ему да прогонит он тебя из дому, сором один на тебе останется, блудница, отщепенница! Женище боярское!

Наталья. Да скажи же сам, что делать мне? Научи сам меня. Что мне делать?

Рагуйло. Как что делать? Ключ достать! Брата спасти! Грех свой искупить перед богом!

Наталья Не могу, видит бог, не могу! Приказывай что хочешь, но этого не могу!

Рагуйло. Так будь же ты проклята и в этом свете, и в будущем! Погуби еще брата, как ты мать и отца погубила! Живи себе в сраме и стыде на земле, а по смерти ступай на муки вечные, где блудницы и убийцы в адовом огне горят!

Наталья. Постой... Да не кляни же меня!.. не кляни... Дай дух перевести...

Рагуйло. Полюбуйся завтра на мою голову, как она будет над городскими зубцами на копье торчать!

Наталья. Да пожалей же меня... дай опомниться... голова кругом идет...

Рагуйло. Зови свою челядь! Выдай меня, и будь над тобой анафема божья!

Наталья. Брат, брат,— не кляни! Все, что хочешь, сделаю, все сделаю — достану тебе ключ!

Рагуйло. Побожись!

Наталья. Божусь, божусь! Только и ты побожись, что суздальцев не впустишь — побожись и ты!

Рагуйло. Добро, побожусь!

Наталья. Постой! — слышишь?

Рагуйло. Что?

Наталья. Конский топ на улице — это он!

Рагуйло. Куда спрятаться?

Наталья. Иди за мной! *(Подходит к двери и останавливается, прислушиваясь.)* Нельзя! Он уж на крыльце!

Рагуйло. Куда же?

Наталья. Сюда! Скорей сюда! Отсюда лесенка на вышку. *(Толкает его в боковую дверь.)*

Входит Чермный.

Чермный. Здравствуй, Наташа! Вот, теперь поцелуемся! Да что с тобой? Что ты так дрожишь? Ты на ногах еле держишься.

Наталья, рыдая, бросается к нему на шею.

Что с тобой? С беспокойства ты это, что ли? Али с радости, что я не убит?

Наталья. С радости, с радости, дорогой мой!

Чермный. Экая ты неразумная! С радости плачет! Да пусти же меня, я из сил выбился; дай мне вина, Наташа, горло засохло. *(Садится.)*

Наталья подает ему стопу.

Чермный *(выпив)*. Ну, что? Успокоилась?

Наталья *(рыдая)*. Не могу! Прости меня, не могу, силы нет!

Чермный. Экой же ты ребенок! Да быть не может, чтоб ты с радости так плакала. Тут что-нибудь другое. Обидел тебя кто, что ли?

Наталья. Свет ты мой, разве можно меня обидеть?

Чермный. Так, стало, горе у тебя?

Наталья. Да! Горе, горе! Да что я сказала! Сама не знаю, что говорю. Неправда, нет у меня горя! Так, по глупости, плачу.

Чермный. Не верю, Наташа, ты проговорилась. Что у тебя на душе? Скажи мне, авось помочь можно.

Наталья. Нет, мой родимый, нет! Никто, никто мне не поможет!

Чермный. Так есть же оно у тебя, горе-то! Скажи, не бойся, ты знаешь меня, я ни в чем тебе не отказываю.

Наталья. Ни в чем, ни в чем, свет мой, никогда не отказывал ты мне! Ты уж так добр, так жалостлив ко мне,— а я-то, я-то!

Чермный. Не о родных же ты плачешь? Ведь ты сказала, нет у тебя родных? Да говори же, Наташа, болен ли кто? убит ли кто? Есть у тебя кто близкий в городе?

Наталья. Да, свет мой, прости меня,— я солгала тебе — я не одна на свете; есть у меня...

Чермный. Ну, говори же! Кто у тебя? Отец? Мать? Брат?

Наталья. Нет, нет, не думай, нет! Тетка есть — только тетка одна — при смерти больна!

Чермный. Ну, выговорила наконец: в бедности она, твоя тетка?

Наталья. В бедности, государь, да, в бедности!

Чермный. Что ж ты сразу не сказала? Глупая ж ты, глупая! Или не знаешь меня? *(Отворяет поставец.)* На, возьми, отнеси своей тетке, купи для нее все, что надо. Что хочешь в доме возьми, отнеси больной, да и сама останься с ней на ночь, тебе спокойнее на душе будет!.. Ну, что опять с тобою?

Наталья. Государь ты мой! Дорогой мой! Ты как господь бог — как господь бог ко мне,— а я-то, я-то негодная, окаянная! Да как ты меня не убьешь, окаянную, негодную меня!

Чермный. С ума ты сошла, право! Уж чересчур ты совестлива! Перестань же плакать, у меня и без того голова кру́гом идет. Дай-ка еще вина, надо быть пободрее, сейчас гости придут. *(Выпивает стопу.)*

Входит посадник.

А, вот уж и один! Оправься, Наташа! *(К посаднику.)* Здорово, Глеб Мироныч! Милости просим!

Посадник. Здравствуй, Андрей Юрьич!

Наталья подает ему чару.

Спасибо, матушка. Во здравие твое, Андрей Юрьич. А сам-то что же ты?

Чермный. Дай мне чарку, Наташа. Во твое, Глеб Мироныч! Все благополучно в городе?

Посадник Слава богу. Беглого того только не отыскали, словно сквозь землю провалился.

Чермный. Вели еще искать. Так оставить нельзя. Надо над ним пример показать.

Посадник. Уж велел. По всем домам ищут. Вот тебе ключ от монастыря, от тайного хода.

Чермный. Спасибо. *(Вздевает ключ на пояс.)* Так будет вернее. Ступай же, Наташа, ступай к своей больной, завтра увидимся.

Наталья уходит.

Посадник. Что с ней?

Чермный. Тетка у нее захворала, так вот и кручинится. А иной раз и так себе плачет. Чудная́ такая! То словно пташка поет, заливается, то вдруг плакать начнет.

Посадник. Дурь бабья. Избаловал ты ее.

Чермный. Нет, она не то, что другая; и не просит никогда ни о чем, скромная такая.

Посадник. А все ж не след тебе нянчиться с ней. Поискал бы себе ровни, в закон бы вступил.

Чермный. И сам иной раз так думаю; и сказать ей даже собирался, да посмотришь на нее — жалость берет, язык не поворотится.

Посадник. Ну, это твое дело.

Чермный. А где ж Василько?

Посадник. Сейчас придет. Чуть было беды не накурил, вылазку с своими затеял. Я пригрозил им.

Чермный. Хорошо сделал, Глеб Мироныч, а то пришлось бы их смертию казнить.

Входит Василько и кланяется молча.

Чермный. Здравствуй, Василько! С повинной пришел? Благодари тестя, что блажить не пустил, а то бы я вас в Волхов кинуть велел. Дружба дружбой, а дело делом. Ты знаешь, я с делом не шучу.

Василько. Прости нашу дурость, Андрей Юрьич!

Чермный. Жаль было бы тебя, а не пощадил бы. На́, выпей чару, не кручинься, без дела не останешься.

Входят Вышата и Рогович.

Поклон,
Бояре, вам! Что̀ видно с валу?

Вышата

Смирно
Покамест всё; с моей лишь стороны
Огней у них прибавилось как будто.

Рогович

С моей убавилось огней.

Посадник

Должно быть,
К Словенскому концу хотят стянуться,
Под Городище.

Чермный

Там у них стоят
Владимирцы. Туда же перешли
И костромцы сегодня.

Вышата

По всему
Должно смекать: они готовят приступ.

Входит Жирох.

Жирох

Боярину Андрею бью челом!
Всем по поклону! Я, никак, последний?
Не осудите — путь мне дале всех!

Чермный

Какие вести?

Жирох

Все благополучно.

Чермный

Движенья нет?

Жирох

Не видно ничего;
Костры зажгли на старых на местах,
По-прежнему.

Чермный

Садитесь, государи!
Во здравье вам!

Все садятся за стол.

Все

Во здравие тебе!

Пьют.

Жирох

Тобой, Андрей, мы, Юрьевич, из мертвых
Воскрешены.

Кондратьевна с девушкой ставят блюда на стол и уходят.

Чермный

Простите за прислугу,
Моя вся челядь на валу.

Жирох

Да чья же
Теперь в дому? Ведь мы уж, слава богу,
Не при Фоме! Кишит, как муравейник,
Весь Новгород!

Посадник

Кажися, ты на вече
Был за Фому? Так отчего ж теперь
Не то ты говоришь?

Жирох

Был — не таюсь;
Да, вижу, обманулся. Видит то
И сам Фома. Когда при нем бы гридьба
Держалась так, как держится теперь,
Не говорил бы он о мире.

Посадник

Гридьбу
Винить грешно. То не она, а он
Отходную нам затянул.

Рогович

На ком
Прорухи не бывает, Глеб Мироныч!
А благо то, что подняли вы нас
С Андреем Юрьичем.

Вышата

До псковичей
Продержимся, даст бог!

Жирох

Я ж говорю:
Мы и без них продержимся. Ведь каждый
Десятерых стал стоить, словно рубль,
В рост пущенный.

Посадник

Ты в росте знаешь толк.

Жирох

Куда уж мне! Лишь не нажить долгов бы!
Ни у кого в долгу мне оставаться
Не по́ сердцу.

Чермный

Откуда, государи,
По-вашему, ждать приступа?

Вышата

Последний
От Прусских мы ворот отбили. Вновь
Там не начнут. Чай, кинутся к Торговой;
Затем они, должно быть, к Городищу
Стянулися.

Рогович

Глаза хотят отвесть.
Там топь кругом; не провезти им туров.

Вышата

Настелют путь. За Волховом весь день
Владимирцы рубили лес. Нам слышен
Стук топоров был и дерев паденье.

Рогович

По мне, скорей к Бояним воротáм
Их надо ждать.

Жирох

По мне ж, не будет вовсе
И приступа. Чай, колокол был слышен
Им вечевой! Чай, видели они,

Как закипел Детинец, и смекнули,
Что новый воевода ноне в руки
Сиденье взял. Теперь одна осада
От них пойдет, морить нас будут гладом,
А приступа не будет.

Чермный
(к посаднику)

Глеб Мироныч,
Как мыслишь ты?

Посадник

Спроси-ка Василька;
Пусть скажет он, а я отвечу после.

Чермный

Как, Василько, по-твоему?

Василько

Когда
Ты, государь, мне говорить велишь,
То мне сдается: ведомо им вправду,
Что новый избран воевода, он же
Не кто, как ты, которого нет лучше;
Но ведомо им также, что идет
На выручку нам Псков; когда ж доспеет,
Плохая им останется надежда
Взять Новгород. Теперь иль никогда!
Затем они, не дожидаясь Пскова,
На приступ завтра же полезут.

Посадник
(к Жироху)

Слышал?
Не старый то и не бывалый молвит,
А молодой. То ясно есть как день,
То всякая понять сумеет баба.
Зачем же ты, бывалый, говоришь,
Что приступа не будет?

Вышата

Нет, теперь-то
Нам их и ждать.

Рогович

Теперь-то и начнут.

Чермный

О том и речи нет!

Жирох

Пусть, государи,
По-вашему. Я что же? Я сказал:
Коль при Фоме нахрапом нас не взяли,
То при Андрее Юрьиче подавно
Нас не возьмут. Они, чай, сами знают.
А захотят попробовать — пожалуй,
Пусть сунутся!

Вышата

Вопрос: откуда нам
Их ожидать? Урону слишком много
Мы понесли. Не хватит нашей рати
Все стороны успешно боронить.

Рогович

Великая была б нам льгота, если б
Разведчика послать.

Жирох

Уж сколько было
Посылано! Перехватали всех.
Небось они не дремлют: днем и ночью
Объезды их круг города кружат:
Что ни увидят, всё хватают; пса бы
Не пропустили. Где ж тут посылать
Разведчика.

Чермный

Авось нам бог поможет
Объезды их сей ночью миновать.

Вышата

Как так, боярин?

Чермный

Есть подземный ход
Ко самому их стану...

Прислужницы вносят блюда.

Посадник
(к Чермному)

Отошли-ка
Ты лучше баб: что слушать им!

Чермный

И то!

(К прислужницам.)
Возьмите по корзине, отнесите
Вина и хлеба челяди. Без вас
Мы справимся.

Кондратьевна

Кто ж, батюшка-то, в доме
Останется? Окроме нас двоих,
Все на валу; и бабы наши землю
Таскают, вишь!

Чермный

Не бойтесь, не украдут
Меня без вас. Ступайте!

Прислужницы уходят.

Рогович

О каком
Ты это ходе говорил?

Чермный

В овраг
Свенельдов он, под городской стеною,
Из Спасского ведет монастыря;
Кустарником густым оброс вкруг устья
И неприметен даже днем. А стан их
Стоит к оврагу тылом.

Вышата, Рогович и Жирох

Не слыхали
Про этот ход.

Чермный

Я сам узнал случайно.

Вышата

Его б засыпать лучше. Неравно
Проведают они.

Чермный

Как им проведать?
Искать его нарочно — и тогда
Дня три овраг обшаривать бы надо;
А если б кто случайно и набрел,
То все ж ему пройти не можно в город:
Ключ у меня — вот он!

Жирох

Позволь спросить:
Давно ль тебе тот ход, боярин, ведом?

Чермный

С той осени. А что?

Жирох

Да так; я только
Подумал: жаль, что прежде не сказал ты.

Чермный

Из головы он вышел у меня:
То было до войны.

Жирох

Оно и лучше,
Что ты в свое лишь вспомнил воеводство,
А то Фома, пожалуй, только дело
Испортил бы.

Р о г о в и ч

Кого ж послать ты хочешь
Разведчиком сей ночью?

Ч е р м н ы й

Сам пойду,
Дождуся только, чтоб темнее стало.

В ы ш а т а

Час неровён; пошли другого лучше.

Ч е р м н ы й

Нельзя! Себе могу лишь одному
Довериться.

Р о г о в и ч

Но вот уж третьи сутки
Ты на ногах; ты отдохнуть бы должен;
Хоть на часок приляг.

Ч е р м н ы й

Избави бог!
Когда теперь прилягу, то мертвецки
Сейчас засну; а надо до зари
Наверно знать, откуда будет приступ,
Чтоб силы все в ту сторону собрать;
У нас и впрямь осталось мало рати.

В ы ш а т а

Сам о себе пойдешь?

Ч е р м н ы й

Нет, одного бы
Товарища взять надо.
(К Васильку.)
Василько!
Что делает твоя сей ночью сотня?

В а с и л ь к о

Наряжены к дозору, государь.

Чермный

Поставь над ней другого; наперед же
Всем сделай перекличку; обойди
Сперва свои притины, а потом
Ко Спасскому ступай монастырю.
Там жди меня. Тебя беру с собой
Ко вражьему я стану.

Василько

Государь,
Воздай господь тебе за эту честь!
(Уходит.)

Чермный

Последнюю теперь, бояре, чару —
И по местам! За Новгород Великий!

Все встают и пьют.

Жирох

За Новгород — и доброго успеха
Тебе, Андрею Юрьевичу! Любо
Смотреть, как все кипит в твоих руках!
Везде ты сам, на все тебя хватает!

Вышата и Рогович

Прости, боярин,— доброго успеха!

Чермный

Простите все — и помните приказ:
Очередной никто чтоб не помыслил
Очей сомкнуть; чтобы глядели в оба,
О каждом бы движении во стане
Сказали мне, как только я вернусь —
Мы на валу увидимся зарею.

Вышата, Рогович и Жирох

Спокоен будь, мы знаем наше дело.

Направляются к двери.

Вышата
(уходя, к посаднику)

Ты что же, Глеб Миронович?

Посадник

Идите,
Я догоню вас.

Вышата, Рогович и Жирох уходят.

Посадник
(проводив их глазами)

Надо бы Жироха
Сменить.

Чермный

А что?

Посадник

Сдается, ненадежен.

Чермный

Мне самому сдается.

Посадник

Злобы он
Не может скрыть — с Фомою заодно.

Чермный

Переместить его могу я завтра.

Посадник

Перемести; поставь его туда,
Где приступа не будет; ты заметил,
Как он искал, какую б на тебе
Найти вину? Они с Фомой бы рады
Тебя подвесть.

Чермный

Беречься буду их.

Посадник

Еще один совет: боярин Чермный!
На волоске повисла воля наша.
Тобой одним лишь Новгород стоит:
Когда тебя убьют или захватят —
Вразброд как раз сидение пойдет,
И легкая добыча будет князю!
Не забывай, что ты святой Софии
И щит и стяг и что друзья княжие
В самих стенах новогородских ищут
Тебя избыть. В опасность не хоти
Соваться даром.

Чермный

Милостив господь!
Но не идти в разведку не могу я:
От этого отпор успешный завтра
Зависит наш.

Посадник

Не лучше ль Василька
Отправить одного?

Чермный

Нет. Молод слишком;
Удерживать приходится его;
Мне ж не впервые: суздальцем оденусь
И, от костра переходя к костру,
Узнаю все.

Посадник

Блюди ж тебя господь!

Чермный

Ты сам куда?

Посадник

Прилягу до рассвета,
А то совсем не чую ног.

Чермный

Прости ж,
Чем свет с тобою свидимся.

Посадник

Блюди
Тебя господь!

(Уходит.)

Чермный
(один)

Да, надобно Жироха
Переместить. Предвидеть надо все!
Ему с Фомой я как бельмо на око.
Прав старый Глеб! Проклятая дремота!
Вино и то сегодня не бодрит.
Сейчас пойду...

(Задумывается, потом подходит к столу и выпивает чару.)

Что бишь ему сказал я?
Да! суздальцем оденусь... а Жироха
Перемещу... не надо позабыть
Переместить Жироха... надо помнить...
Две вещи помнить... суздальцем одеться...
И что еще? Вот так ко сну и клонит...
Сменить Жироха... суздальцем одеться...
Сейчас пойду... На миг присяду только...
Сейчас пойду...

(Садится за стол; голова его опускается на руки, он засыпает.)

Две двери медленно отворяются: из одной показывается Наталья, из другой Рагуйло. Разговор их идет шепотом.

Рагуйло

Ну, что ж ты?

Наталья

Не могу!..

Рагуйло

Бери же ключ. Отвязывай!

Наталья

Брат, руки
Мои дрожат!..

Рагуйло
(вынимая нож и делая шаг вперед)

Иль мне уж самому?

Наталья

Сейчас, сейчас!
*(Подходит осторожно к Чермному
и снимает с его пояса ключ.)*

Рагуйло

Давай.

Наталья подает ему ключ, падает на колени и закрывает лицо руками.

Нет, шутишь! Встань!
Остаться с ним тебе не дам — разбудишь.
Пускай он спит! Ты проводи меня —
(Поднимает ее насильно.)
Иди со мной!
(К Чермному.)
А ты — спокойной ночи!
(Уходит, уводя с собой сестру.)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ДОМ БОЯРИНА ФОМЫ

Ночь. Фома, Жирох и Кривцевич разговаривают.

Фома
(ходит по комнате)

Подземный ход! И этого не знал я!
Как он его проведал?

Жирох

Говорит,
Случайно будто.

Фома

А с которых пор?

Жирох

С той осени; и будто он о нем
Совсем забыл, сегодня только вспомнил!

Фома

Поверю я!

Кривцевич

Хитер! Молчал небось
Да про свое припас про воеводство.

Фома

Хотя б одним деньком мне ране знать!

Кривцевич

Хоть утром бы нам знать, Фома Григорьич,
Успели б князю весточку подать,
Как приступ весть.

Фома
(к Жироху)

И на разведку хочет
Он сам идти?

Жирох

Так нам сказал.

Фома

Один?

Жирох

Нет, с Васильком.

Кривцевич

Кабы на той разведке
Ухлопали его!

Жирох

Не уповаю:
Вернется здрав!

Фома

О чем еще шла речь?

Жирох

Все об одном: откуда князя ждать?
Кто говорит: пойдет на Городище,
Кто — к воротам Баяним. Я пытался
Их с толку сбить, да срезал старый черт!

Я, правда, тож ввернул ему загвоздку:
Его долгами здóрово кольнул.

Фома

С ума сошел? Какие тут загвоздки!
Ты должен был поддакивать ему,
Ласкать его, быть мягче шелка с ним,
Кадить ему!

Жирох

Что ж делать — сорвалось,
Не вытерпел. Когда б ты только видел,
Как на меня смотрел он! Вспомнишь — сердце
Так и вскипит!

Фома

А ты его рассудком
Придерживай. Взгляни хоть на меня:
Ко Глебу разве мене сердце злобой
Во мне кипит? А разве волю я
Даю ему? Нет, злобу приглушать
Умею я! Боярыня Мамелфа
Сегодня вот мне говорит про Глеба:
Он то и то! И в бога-то не верит,
И в церковь-то заказывал ходить,
И даром-то безвинного меня
Оклеветал! Я что ж? Небось помог ей
Чернить его? Нет, я не так-то прост!
Горою встал за Глеба! Он-де мне
Хотя и враг, хоть вправду благочестья
Немного в нем, а все ж его я чту
За то, что он душою не кривит,
По-своему, вишь, Новгород он любит,
Неведеньем меня лишь оскорбил,
И прочее, и прочее! Старуху
Так умилил — чуть-чуть не прослезилась,
А Глеб чрез то и вдвое стал черней!
Вот надо как!

Кривцевич

С тобой кому тягаться,
Фома Григорьич! Бог тебя сподобил,
А мы себе по простоте!

Фома

Вот то-то,
По простоте!
(К Жироху.)
Ругал ли ты меня,
Как я тебе наказывал?

Жирох

Ругать-то
Неловко было; за тебя на вече
Ведь я стоял; а я сказал: Фома, мол,
И сам смекнул, что был неправ.

Фома

Не то!
Ругать меня ты должен был; звать бабой,
Звать дураком, звать вором, трусом звать!
Фома, мол, трус! Фома — княжой прихлебник.
Фома, мол, вор! Фома — христопродавец!
Он и меня лукавством обошел!

Жирох

Пересолил бы так, Фома Григорьич,
Заметили б расчет!

Фома

Эх, простота!
Пересолишь, когда щепотку соли
Ты передашь; когда же опрокинешь
Солонку всю, тогда ошеломишь.
Что нужно нам? Чтоб мнили бы они,
Что сторону мою ты бросил. Так ли?
А из чего ты им передался —
Вопроса нет — вестимо, из расчета!
Своим ты их усердьем не обманешь,
Ни у кого святым не прослывешь;
Не чистотой ты в Новгороде ведом,
Так чистого не корчи из себя.
Всяк должен знать, о нем что́ мыслят люди,
В чем можно их уверить, в чем нельзя.
А с Чермным Глеб тебе лишь в том поверят,
Что ты меня из выгод продаешь.

Так продавай! И чем наглей, тем лучше!
Не очищай — черни меня пред ними,
Черни сплеча.

Жирох

Я думал понемногу
В их мнении отречься от тебя.

Фома

Нет времени нам делать понемногу —
Железо куй, пока красно! У нас
Псков на носу! Мы пень через колоду
Валить должны! Мы Чермного подсечь
Должны теперь, покуда псковичи
Не подошли, и для того теперь же
Нам за один работать, а наружно
Врозь надо быть.
(К Кривцевичу.)
Так иль не так?

Кривцевич

Фома
Григорьевич! царь Соломон глаголет
Из уст твоих; придай же нам ума:
Как Чермного подсечь?

Фома

Рыбак, закинув
Свою уду, глядит на поплавок;
А не клюет его наживы щука —
За лодкою волочит он лесу
Иль с берега нахлесткой дразнит рыбу.
Так или так — под промах подведем
Мы Чермного; иль улучу я случай,
Иль сам рожу́. Вы ж помните одно:
Наружно врозь, на деле ж тесно вместе;
Что ни скажу, навстречу говорить;
А между тем смекать из полуслова,
Куда я гну, и спорить так, чтоб я
Всегда был прав...

Звон в колокол.

Жирох

Позволь — никак, набат!

Кривцевич

Набат и есть!

Жирох

(отворяя окно)

И зарево пожара!

Крики на улице.

Кривцевич

С оружием по улице бегут!
Не ворвались ли суздальцы?

Жирох

Без боя?
Не может быть!

Фома

Пойдемте посмотреть!
Нежданное нам что-то приключилось —
Пригодное, пожалуй, что-нибудь!

Все трое поспешно уходят.

ПЛОЩАДЬ С ЛОБНЫМ МЕСТОМ

Ночь. Зарево пожара. Набат и стук сечи. Граждане с оружием бегут через сцену.

Крики. Суздальцы! Суздальцы! Измена! Новгород взяли! Режут! Где суздальцы? Бей их!

Пробегают. Из боковой улицы выходит Василько, в схватке с Рагуйлом, одетым в кольчугу. Набат умолкает, зарево гаснет.

Василько *(наступая на Рагуйло)*. Сдайся! Все твои перебиты!

Рагуйло. Не таковский, чтоб сдаться! Кому бог поможет!

Дерутся. Рагуйло падает. Из той же улицы выбегают Ставр и Головня.

Ставр. Ай да Василько! Последнего растянул!

Василько. Где наши?

Головня. Пожар гасят.

Радько *(подходя)*. Уже погасили. *(Указывает на нескольких людей, выходящих из той же улицы.)* Вот эти нам помогли!

Один из народа. Да что это за притча была? Откуда они взялись?

Другой. Словно с неба упали!

Головня. Из земли словно выросли.

Ставр. Нет, они из монастыря выскочили, как раз когда мы дозором шли.

Василько. Да точно ли все перебиты?

Радько. Всех положили! Немного их и было, человек пятьдесят!

Третий. А поджечь таки успели!

Ставр. Кабы не наш дозор, они с разных концов подожгли бы: у каждого связка смоленого хворосту была.

Головня. А тем часом и приступ начался бы. Внутри пожар гаси, а снаружи врагов отбивай!

Радько *(к Васильку, указывая на Рагуйло)*. Смотри, твой жив еще!

Четвертый. Пришибить его, что ли?

Рагуйло *(приподнимаясь)*. Православные... Дайте по-христиански умереть... Отнесите в церковь али попа позовите...

Пятый *(замахиваясь)*. Я тебе поп! Благословлю как раз!

Василько *(отталкивая его)*. Прочь, зверь! Лежачего не бьют! Спросим его, как они в город вошли? *(К Рагуйлу.)* Эй, молодец!

Ставр. Обмер, должно быть, али уж кончился?

Василько. Нет, жив еще, да говорить не может! Отнесите его в монастырь.

Радько и Головня уносят Рагуйло. Народ шумно собирается на площадь. С одной стороны входит посадник, с другой Фома с Жирохом и Кривцевичем.

Посадник. Что это было? Что случилось?

Василько. Толпа суздальцев ворвалась, государь. Да уже все перебиты.

Посадник. Ты как здесь? Отчего не с воеводой?

Василько. Я по его указу сделал: после переклички сотню по дорогам разделил, а сам пришел к монастырю дожидаться его. Часа три у ворот стоял, как из них ратники показались; я их окликнул, а они на меня с мечами бросились. Тут наш дозор подошел, и мы вместе перебили их.

Посадник А воевода? Воевода?

Василько. Не видали его, не приходил.

Фома *(к Жироху и Кривцевичу)*. Смекайте! Тут что-нибудь для нас! Ведь это его ходом суздальцы пролезли.

Чермный вбегает с мечом в руке.

Чермный. Не может быть! Не верю! Где они? Где суздальцы?

Голоса. Без тебя справились!

Чермный. Как они вошли? Быть не может!

Радько и Головня, отнесшие Рагуйла, возвращаются

Радько. Ход подземный в монастыре есть. Мы видели — монахи его заваливают.

Фома Ход подземный? Какой это ход?

Жирох. Да не тот ли, про который воевода вчера говорил? От которого ключ у него?

Чермный хватается за пояс.

Кривцевич Ловко прикинулся!

Головня. Вот ключ! Он в дверце снутри торчал.

Ропот.

Чермный. Господи — что это? Он у меня на поясе был!

Фома. А теперь в дверце очутился? Гм! Странное дело!

Жирох. Что, странное дело? Уж ты, прости господи, не держишь ли подозрения на воеводу?

Кривцевич Ты, чай, зол на него за то, что он на твое место сел?

Жирох. Рад безвинного чернить!

Фома. Что вы, что вы, побойтесь бога, с чего вы накинулись? Я не черню его, а надо бы спросить, как с его пояса ключ в дверцу попал и ворогов в город впустил?

Крики. К ответу воеводу! К ответу!

Посадник. Постойте, люди! Разве можно так спрашивать? Подождем утра, соберем вече, воевода Новугороду ответ даст.

Голоса. Дело, дело! Подождем утра, на вече спросим.

Посадник *(к Чермному)*. Кто это учинил? На кого ты мыслишь?

Чермный. Ума не приложу!

Посадник Голову отдам, чтоб вора найти!

Кривцевич. Да зачем же воеводу к ответу ставить? Воевода никому не держит ответа. Это не простой воевода; он и смертную казнь наложил всем, кто не слушает его: какой же на нем ответ?

Крики в народе. Что ж, он князь над нами, что ли? Мы и князей судим, а его и подавно! Говори! Отвечай! — У тебя был ключ? — Кому ключ отдал? — Зачем ворогов впустил? — К ответу! К ответу!.

Посадник. Молчите, смерды! Воевода одному вечу повинен!

Крики. Так соберем вече! Чего тут ждать! Бегите на колокольню! — Ударьте в колокол! — Вече! Вече!

Крики и возрастающее смятение. Рассветает

Фома *(к Кривцевичу)*. На ловцов зверь набежал! Станем в разбивку, чтоб не сказали: стачка! И держать ухо востро!

Расходятся.

Удар в колокол. Площадь наполняется все боле. Впереди черного народа становятся бояре и огнищане. Каждая улица под своим стягом. Колокол умолкает. Посадник всходит на Лобное место. Молчание.

Посадник. Государь Великий Новгород! Повелите ли вечу быть?

Общий крик. Вече! вече! вече!

Посадник

Великий Новгород! Открыто вече!
Горсть суздальцев сей ночью ворвалась
Чрез тайный ход подземный, от него же
У воеводы Чермного был ключ.
Тот ход уже завален, и враги
Побиты все. А кто у воеводы
Похитил ключ — не ведаем. Велите ль
Ему ответ держать?

Крики

Пусть говорит!

Посадник

Кому вести прикажете допрос?
По грамотам держал по Ярославлим
Доселе князь в Новегороде суд;
В бескняжие ж и в смутные годины
Всегда судил посадник.

Крики

И теперь
По старине! По пошлине! Посадник,
Допрашивай!

Жирох

Кому же, государи,
Как не ему? И кто же лучше Глеба
Мироныча очистит воеводу?
Ему он друг; его ж на воеводство
Он посадил.

Кривцевич

Так как же правду мы
Через него узнаем? Он не может
Допрашивать — он будет выручать!

Крики

Нельзя ему! Нельзя! Фома пусть будет
Допрашивать!

Фома

Увольте, государи!
Когда посадник Чермному есть друг —
Я не таюсь: ему я другом не был;
Я говорил, что молод слишком он,
И доверять нельзя ему сиденье.
Коль он себя, не дай бог, не очистит,
Подумают, пожалуй, на меня:
Нарочно-де я недруга запутал.
Кривцевичу вы лучше прикажите —
Он сторона!

Посадник

Придумал бы хитрее!
С Кривцевичем вы словно два перста.
Он или ты — едино! Государь
Великий Новгород! Коли не мне —
Вышате прикажите — этот чист!

Общий крик

Вышате! Да! Вышате весть допрос!
Сойди долой, а Чермный стань к ответу!

Посадник сходит со ступеней. Чермный всходит.

Вышата

Боярин Чермный! Новгород знать хочет:
Как суздальцы сей ночию вошли
Чрез тайный ход, от коего был ключ
В твоих руках?

Чермный

Как свят господь, не знаю!

Вышата

Кого-нибудь подозреваешь ты?

Чермный

Нет — никого!

Вышата

Чрез этот самый ход
Вчера идти хотел ты на разведку —
Ходил ли ты?

Чермный

Нет.

Вышата

Отчего?

Чермный

Судите,
Как знаете меня! Не помню сам,
Что сделалось со мной, когда ушли вы;
Стыд вечный мне! Один на лавке сидя,
Забылся я,— забылся и заснул —
Очнулся лишь, когда набат услышал!

Сильный ропот.

Вышата

И не нашел на поясе ключа?..

Чермный

Я, не глядя, бежать сюда пустился —
Лишь здесь увидел, что с меня он сняг.

Вышата

С кем виделся по нашем ты уходе?

Чермный

Ни с кем.

Вышата

Кто был из челяди в дому?

Чермный

Никто. При вас я отослал прислужниц,
А прочие с утра ушли на вал.

Вышата

Боярин Чермный — дома ли Наталья
Твоя была, когда ты нам тот ключ
Показывал?

Чермный

Нет. К тетке ночевать
Пред тем ушла. Посадник слышал, как
Я сам ее отправил.

Посадник

Слышал, точно —
Но вправду ли она ушла — бог весть!
Никто ее не видел.

Голос

Видел я!

Вышата

Кто говорит? Коль послух — выступай!

Выходит из толпы мечник.

Поведай все, что знаешь о Наталье!

Мечник

От смены я во Спасский монастырь
Вчера пришел ко всенощной. Там, вижу,
Стоит она меж нищих, горько плачет
И молится. И говорю я ей:
О чем ты, горемычная душа,
Так горько плачешь? — К тетке, говорит,
Иду к больной, путем же помолиться
Сюда зашла.

Фома

Ну, значит, не Наталья!

Вышата

Кого другого не было ль в дому?

Чермный

Я был один.

Фома

Один, в пустых покоях —
На поясе с ключом! Ключ, стало, сам
С него снялся и отпер супостату
Тот самый ход, о коем ни душа,
Опричь его, не ведала!

Возрастающий ропот.

Жирох

Постой,
Не радуйся, Фома Григорьич! Было
Нас пятеро вчера у воеводы;
Нам пятерым показывал он ключ.
Когда судить доводится измену,
В допросе нет обиды никому,
Пусть спросят нас: все ль вместе мы ушли
Иль с Чермным кто последний оставался?

Посадник

Последний я остался. Что ж с того?

Жирох

Гм! Ничего! Я только так!

Крики

На Глеба
Он говорит! Каменьями его!
Вор! Клеветник!

Посадник

Оставьте, государи!
Я не из тех, до коих клевета
Могла б достичь!

Фома

Еще б! Иль мы не знаем
Посадника? На Чермном на одном
Лежит ответ!

Кривцевич

Тогда изменник Чермный!

Крики

Изменник он! Изменник! Смерть ему!

Посадник

В уме ли вы? Когда б он замышлял
Нам изменить, не стал бы нам он ключ
Показывать. Он не сказал бы нам
О ходе том.

Кривцевич

Зачем о нем он прежде
Нам не сказал? Он знал его давно.

Вышата

Боярин Чермный — отвечай на это!

Чермный

Что вам ответить? Летом, на охоте,
Я на него набрел случайно; было
То до войны; не показался важным
Он мне тогда — и я о нем забыл.

Кривцевич

В свое ж опять припомнил воеводство?

Чермный

Когда ответ я принял на себя,
К сиденью все пригодное мне ясно
Представилось.

Фома

Свидетельствуюсь богом,
Когда бы я об этом ходе знал —
Всё, что враги на нас ни замышляли б,
Я б ведал всё! Мне б не было нужды
Со князем мир для нашего спасенья
Советовать.

Жирох

Вишь, хвастается чем!
Да разве сам не собирался Чермный
Сей ночью на разведку?

Кривцевич

И заснул!
И кстати ж сон напал на воеводу:
Как раз когда все из дому ушли!
И кстати вор нашелся в самый миг,
Как он заснул! И кто же этот вор?
Как он о том о потаенном ходе
Проведать мог, когда никто из нас
О нем не знал? И как он догадался,
Что самый ключ на поясе висит
У воеводы? Новгород Великий!
Боярина Фому вы отрешили
За то, что мира с князем он хотел,—
Что ж Чермному вы за его измену
Положите?

Взрыв криков

Смерть за измену! Смерть!

Посадник
(всходит на ступени)

По грамотам! По пошлине! Во имя
Святой Софии! Дайте, государи,
Посаднику к вам слово молвить!

Говор

Тише!
Глеб говорит! Молчите! Слушать Глеба!

Посадник

Великий Новгород! Нельзя казнить
Без обыска! Нам надо сделать обыск,
Его домашних надо допросить.
Вор сыщется! Как вору не сыскаться?
За Чермного ж я головой стою.

Я за него ручаюсь честью! Я,
Посадник Глеб! Коль смените его —
Всё пропадет! Один он держит город.
Лишь одному ему послушна рать!
Лишь им одним — лишь им свобода наша
Теперь жива!

Один из народа

Вишь, голос как трясется
У старика!

Другой

Слеза по бороде
Скатилася! Диковина! Никто
Не видывал, чтоб плакал старый Глеб!

Посадник

Хоть на два дня оставьте воеводство
Вы Чермному! Хоть до прихода Пскова!
Когда ж дотоль мы вора не найдем —
Казните нас обоих!

Кривцевич

А меж тем
Он нас продаст? Какой еще тут обыск?
Окончен суд!

Фома

(тихо к Жироху, который к нему незаметно подошел)

Шепни скорее нашим,
Чтоб за меня кричали!

Кривцевич

Пусть он вора
Нам назовет — не то на казнь его!

Крики

Пусть назовет! Пусть назовет! Не то
Смерть Чермному!

Крики с другой стороны

Фому на воеводство!
Фому! Фому! Хотим Фому опять!

Крики с разных сторон

Живет Фома! Фому на воеводство!

Посадник

Дозвольте слово, Новгород Великий,
Последнее!

Крики

Ну, что еще? Скажи!

Посадник

Я господом спасителем Христом
Молю того, кто ключ у воеводы
Уворовал — святой молю Софией —
И собственной души его спасеньем
Его молю — и страхом вечных мук
Грожу ему — пусть сам он назовется!

Молчание.

Кривцевич

Не так-то прост, чай, воевода Чермный,
Сам на себя не скажет!

Крики

Смерть ему!

Смятение и шум. Черный народ протесняется сквозь бояр.

Один из народа

Что долго с ним чиниться? В Волхов пса!

Другой
(стаскивает Чермного со ступеней)

Веревку, братцы! И на шею камень!

Третий

Во двор к нему! Разграбим дом его!

Крики

Живет Фома! Фому на воеводство!

Фома

(торжествуя, к посаднику)

Что, взял теперь? Мой город!

Посадник

Нет еще!

(К толпе.)

Вам нужен вор? Вы вора знать хотите!
Добро ж! Так я вам вора назову!

Общие крики

Кто? Назови! Скажи, кто вор?

Посадник

Я вор!

Молчание. Потом продолжительный ропот.

Жирох

Так вот оно! Ведь говорил же я!
Ведь изо всех вчера последний с Чермным
Остался он.

Фома

(тихо к Жироху)

Молчи! Его сгубить —
То Чермного очистить! Город этак
В его руках останется!

(К толпе.)

Вы, вящие, и вы, простые люди!
Ужели вы поверите ему?
Вы видите, он на себя клевещет.
Изменником ужели может быть
Посадник Глеб?

Ропот.

Отдельные голоса

Нет, нет! То быть не может!
Не верим! Нет!

Вышата
(к посаднику)

Что взводишь, Глеб Мироныч,
Ты на себя? Никто из нас тебе
Не хочет в том, не может веры дать!

Посадник

С которых пор мне Новгород не верит?

Чермный

Боярин Глеб, не дам тебе губиться,
Твою я правду докажу!

Посадник
(тихо)

Не смей!
Не за тебя, за Новгород гублюсь!
(К собранию.)
Великий Новгород! Я — Глеб Мироныч —
У сонного вчера у воеводы
Ключ отвязал от пояса.

Чермный

Неправда!
Лишь по его уходе я заснул.

Посадник

А разве я не мог вернуться?

Василько

Люди!
Бояре! Братцы! Не дадим ему
Себя сгубить! Кричите, что неправда!

Крики

Неправда! Нет! Не верим!

Жирох

Почему же,
Коль Чермный мог, посаднику не мочь?

Фома
(тихо к Жироху)

Не то! не то! Ты только портишь дело!
Молчи совсем иль говори за мной.

Жирох

Нет, уж позволь мне в петлю супостату
Влезть пособить! Долг платежом красён!

Фома

Да ты с ума, никак, сошел? Нам надо
Так говорить, чтоб воеводство вновь
Досталось мне. Ты Чермного — не Глеба
Должóн винить.

Жирох

С тобою спорить мне
Ты сам велел — так не мешай!

Фома

Иуда!
Ты выручаешь Чермного!

Жирох

За то уж
Мироныча я выручить не дам!

Фома

Злодей! Дай срок, с тобою мы сочтемся!
Бояре! Земцы! Гриди! Огнищане!
Ужели тот, чья доблесть, правда, честь —
Всем ведомы — на ком никто не мог бы
Ни пятнышка единого найти —
Ужели бы тот самый человек
Мог Новгород продать?

Жирох

Еще б не мог,
Коль дорого ему за это дали.

Фома

Типун тебе на лживый твой язык!
На свой погон посадника ты меришь!

Жирох

А что ж? С тобой высчитывали мы
Его долги: довольно есть на нем.
Неужто ж он продешевил Софию?
Нет, он не глуп! Ему досталось, чем
И новгородцам и любчанам всё
Отдать сполна.

Вышата

Боярин Глеб! Зачем бы
Ты продал нас?

Посадник

Жирох уж вам сказал:
Чтоб заплатить долги.

Вышата

Тогда зачем бы
Ты признавался в том *теперь?*

Посадник

Затем,
Что с князем торг не удался — придется
Мне в кабалу идти; так пусть один
Я пропаду, безвинного ж очищу.

Фома

Нет, в этом нас ты не уверишь! Нет,
Боярин Глеб! Из нас бы кто охотно
Твоих долгов не заплатил? Не нужно
Тебе от князя было брать. Нет, нет!
Я сам моих достатков половину
Тебе бы с радостию дал. Тяжеле,
Я чай, врагу продаться, чем услугу
От своего в беде принять.

П о с а д н и к

От черта
Скорее бы услугу принял я,
Чем от мерзящей гадины такой,
От гнусного такого подлеца,
Продажного предателя и вора,
Каков есть ты!

Ж и р о х

Вы слышите его?
Вы слышите? Воистину, к лицу
Ему еще предателем ругаться!

Г о в о р м е ж д у б о я р а м и

— Чрез меру горд! — Таков он был всегда!
— А совесть в нем таки заговорила!
— Сам назвался! — Что вы, побойтесь бога,
Он чист как день! Не он, не он нас продал!
— Не может быть! — А почему ж и нет?
— Долги кого на грех не наводили?
— Чем черт не шутит!

Ч е р м н ы й

Новгород Великий!
Когда вы мне не верите, когда
Вы вашими не видите глазами,
Что на себя наклёп посадник держит —
Велите крест ему поцеловать
В своих словах.

К р и в ц е в и ч

Ну, что ж, и поцелует!
Что крест ему? Чтоб выручить тебя,
Побочного, что ль, сына своего,
Не морщася, он поцелует крест.
Известно нам, не верует он в бога!
Вчера еще боярыне Мамелфе
Он говорил...

Один из бояр

То правда — от нее
Я слышал сам.

Другой

Я также.

Третий

Тож и я!

Один из народа

Слышь, братцы! Глеб не верит в бога!

Другой

Стало,
Изменщик он?

Третий

Изменщик, стало быть!

Четвертый

Так, значит, нам не Чермного, а Глеба
Теперь топить?

Пятый

А то кого ж еще?
Хватай его — иди!

Четвертый

Ступай ты прежде,
Я за тобой!

Пятый

Что ж ты? Небось полез
На Чермного?

Четвертый

То Чермный был, а этот,
Вишь, как глядит.

Пятый

Так кинемся все вместе!
Ребята! Глеб не верит в бога! Глеб

У воеводы ключ стащил! Низо́вым
За деньги продал Новгород! Пойдем
Его топить!

Крики

Да! В Волхов, в Волхов Глеба!
Топить его! А после грабить дом!
Ну, навались!

Народ бросается к Лобному месту; бояре его оттесняют.

Крики в глубине площади

Свет, Глеб Мироныч!
Небось! Тебя в обиду не дадим!
Твои мы уличане! За тебя
Одни на целый Новгород полезем!
Отец ты наш!

Жирох

Гоните этих прочь!
То уличане подошли его,
Редятинцы, которых он кормил;
То улица одна кричит, а мы
Все говорим: он вор!

Народ вторично напирает.

Вышата

Назад! не вам, а вечу
Его судить.

Жирох

Так что ж не судит вече?
Грех налицо! Умора, право. Он
Сам говорит: я вор. Они ж ему:
Не верим да не верим. Если б я
То на себя сказал, небось ведь мне бы
Поверили.

Один из бояр
(подходит из глубины сцены)

Не удержать нам черных.
Вот так и прут. Хотят суда над Глебом.
Сбивают с ног. Пойдем на голоса.

Другой

Начнемте суд, тогда они уймутся.
По улицам, бояре, по концам.

Третий

На голоса.

Четвертый

На голоса.

Разделяются на кучи. Шум утихает. Чермный и Василько ходят от одного стяга к другому и увещают каждый. То же делает и Жирох.

Говор в разных кучах

За это
Один ответ.— Когда он продал нас,
Так смерть ему.— Сам никого на свете
Он не жалел.— В падежный год меня
В пух разорил! Гурты остановил
За Волховом; скот даром передох!
— С меня три виры взял! — Меня два раза
Послал в тюрьму! — А сборы-то как правил?
— В срок не отдашь — опишет животы!
Нет, жалости в нем не было!

Чермный
(в одном конце площади)

Бояре!
За волю он себя не пожалел,
Чужой взял грех, чтоб не достался город
Изменникам!

Василько
(в другом конце)

Коль обелить его
Не сможем мы — бегите поскорей
За гридьбою!

Говор

Одно из двух: иль вор —
Иль Чермного он ложно очищает!

— Посадником его уже нам доле
Не след держать! Напрасно на себя
Показывать никто не станет! — Он же
Не верит в бога! — От такого ждать
Чего нельзя? — Безбожник, так и вор!
— А коль не вор, то все же нам досадчик!
— Досадчик всем! — Пора его долой!
— Давно пора! — Пусть он и чист, пожалуй,
Да нам он не угоден! — Благо, случай
Сам подает! Не мы его черним,
Не наш и грех-то будет!

Чермный
(подходит к посаднику)

Еще пора — мы всё поправить можем —
Скажи им, что не ты.

Посадник

Иди на вал,
Новогородский воевода! Приступ
В сей самый миг, быть может, не далек.

Чермный

Послушай нас...

Посадник

О Новгороде думай,
Не обо мне.

Чермный

Боярин Глеб Мироныч,
Молю тебя!..

Посадник

Ну, что же, государи?
Я все сказал — кончайте приговор!

Волнение. Из среды бояр выступает Вышата и подходит к Лобному месту.

Вышата

Боярин Глеб Мироныч — тяжело
Мне говорить и больно...

П о с а д н и к

К делу!
Обиняков не нужно! Говори,
Как велено тебе от веча!

В ы ш а т а

Бывший
Посадник Глеб! На явную измену,
В которой ты сейчас сознался сам,—
Кладется смерть. Но Новгород Великий,
Прошедшие твои заслуги помня,
Тебя от казни милует и только
Из города и волости своей
По жизнь тебе указывает путь.
С закатом солнца Новгород оставить
Сегодня ж должен ты.

Ч е р м н ы й

Не признаю
Такого приговора! Я со гридьбой
Его заставлю отменить!

П о с а д н и к

Не смей!
Свят приговор! Чти вечевое слово,
Как божие!

Ч е р м н ы й

Не чту неправды я!
Гей, Василько! Беги скорей с своими —
Зовите рать!

Г р и д е н ь
(вбегает)

Где воевода Чермный?
Враги идут на приступ с двух сторон!

П о с а д н и к

Ты слышишь? Прочь! Твое в раскатах место!

Чермный

Иду — но правду покажу твою —
Иль в божью правду верить перестану!
За мной, на вал!

(Уходит.)

Посадник
(с поклоном)

Я Новгород Великий
Благодарю за милостивый суд!
(Сходит с Лобного места.)

Толпа перед ним раздается. Занавес опускается.

1870—1871

ШУТКА-ВОДЕВИЛЬ
В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ:

Аграфена Панкратьевна Чупурлина, богатая, но самолюбивая старуха.

Лизавета Платоновна, ее воспитанница.

Адам Карлович Либенталь, молодой человек не без резвости.

Фемистокл Мильтиадович Разорваки, человек отчасти лукавый и вероломный.

Князь Касьян Родионович Батог-Батыев, человек, торгующий мылом.

Мартын Мартынович Кутило-Завалдайский, человек приличный.

Георгий Александрович Беспардонный, человек застенчивый.

Фирс Евгеньевич Миловидов, человек прямой.

Фантазия, моська
Пудель
Собачка малого размера
Собака датская
Моська, похожая на Фантазию
Незнакомый бульдог
} без речей.

Акулина, нянька.

Кучера, повара, ключницы и казачки.

Действие происходит на даче Чупурлиной.

Сад. Направо от зрителей домик с крыльцом. Посреди сада беседка, очень узенькая, в виде будки, обвитой плющом. На беседке флаг с надписью: «Что наша жизнь?». Перед беседкой цветник и очень маленький фонтан.

ЯВЛЕНИЕ I

По поднятии занавеса Разорваки, князь Батог-Батыев, Миловидов, Кутило-Завалдайский, Беспардонный и Либенталь ходят молча взад и вперед по разным направлениям. Они в одних сюртуках или фраках. Довольно продолжительное молчание.

Кутило (*вдруг останавливается и обращается к прочим*). Тс! тс! тс!

Все (*остановившись*). Что такое? что такое?

Кутило. Ах, тише! тише! Молчите!.. Стойте на одном месте!.. (*Прислушивается.*) Слышите?.. часы бьют!

Все подходят к нему, кроме Беспардонного, который стоит в задумчивости и вдали от прочих.

Либенталь. Позвольте, позвольте!.. (*Слушает.*) Да, точно; это в кабинете Лизаветы Платоновны! Могу вас уверить! я очень хорошо знаю звон этих часов, клянусь вам!..

Разорваки (*смотрит на часы*). Семь часов.

Кутило (*также*). Должно быть семь. У меня половина третьего. Такой странный корпус у них. Никак не могу сладить.

Все (*кроме Либенталя, смотря на часы*). Семь часов.

Либенталь (*громко*). Я не взял с собою часов, ибо (*в сторону*) счастливые часов не наблюдают.

Разорваки. Давно желанный и многожданный час! Вот мы все здесь собрались! но кто же из нас, здесь присутствующих женихов, кто получит руку Лизаветы Платоновны?.. Вот вопрос!..

Все (*задумавшись*). Вот вопрос!

Беспардонный *(в сторону)*. Лизавета Платоновна, Лизавета Платоновна, кому ты достанешься?.. Ах!..

Разорваки. Пока еще не пришла старушка, в руке которой наша невеста, мы...

Кутило. Мы тщательно осмотрим друг друга: всё ли прилично и всё ли на своем месте. Женихи ведь должны... Господин Миловидов!.. *(указывая на его жилет)* у вас нескольких нижних пуговиц не застегнуто.

Миловидов *(не застегивая)*. Я знаю.

Разорваки. Господа! я предлагаю, пока старушка еще не пришла, сочинить ей приятный комплимент в форме красивого куплета и спеть, как обыкновенно в водевиле каком-нибудь поют на сцене актеры и актрисы.

Все. Пожалуй... пожалуй... сочиним! сочиним!

Разорваки. Для этого сядем по местам! Садитесь все по местам!..

Разорваки садится на скамейке. Беспардонный — на другой. Князь и Кутило — на траве. Миловидов — в беседке. Либенталь вынимает из кармана бумажник и карандаш и взлезает на дерево.

Либенталь. Здесь поближе к небесам!

Разорваки. Уселись? Начнем!.. *(Подумав.)* Вот куплеты... Господа, рифму!..

Либенталь *(с дерева)*. Разогреты...

Миловидов *(из беседки)*. Почему же разогреты?

Либенталь. Неподдельными нашими чувствами разогреты...

Разорваки. Я лучше вас всех понимаю поэзию: я человек южный, из Нежина.

Князь. Я из Казани.

Разорваки. Не перебивать!.. слушайте!.. Вот куплеты — Мы поэты — В вашу честь — Написали вместе —

Миловидов. Написали вместе — В этом лесе.

Разорваки. Это не рифма.

Кутило. Это сад.

Миловидов. Ну, в этом саде.

Разорваки. Не перебивать!.. Написали вместе — На своем всяк месте — Нас здесь шесть.— Вот это так!.. Далее! Мы вас знаем... Ах! идет .. Аграфена Панкратьевна идет... Ну! нечего делать! Так, как есть, каждый на своем месте, давайте петь; я начинаю...

ЯВЛЕНИЕ II

Те же, Чупурлина и Лизавета. Они сходят с крыльца в сад. Чупурлина ведет на ленточке моську. Женихи поют на голос «Frère Jacques». Разорваки начинает.

Вот куплеты,
Мы, поэты,
В вашу честь (*bis*) [1]
Написали вместе,
На своем всяк месте,
Здесь нас шесть,
Нас здесь шесть.

Аграфена Панкратьевна и Лизавета Платоновна смотрят с удивлением во все стороны.

Разорваки. Господа! второй куплет экспромтом. Каждый давай свою рифму. Я начинаю.

Поют каждый отдельно по одному стиху в следующем порядке:

Разорваки

Мы вас знаем.

Кутило

Ублажаем.

Князь

Услаждаем.

Миловидов

Занимаем.

Беспардонный

Сохраняем.

Либенталь

Забавляем.

---

[1] Дважды (*лат.*).— *Ред.*

Р а з о р в а к и. Довольно! довольно!

В с е
(продолжают хором)

Всякий час,
Всякий час!..

Р а з о р в а к и

Вы на нас взгляните.

М и л о в и д о в

И нас обнимите.

Х о р

А мы вас!
А мы вас!

При последнем стихе все идут к Аграфене Панкратьевне с распростертыми объятиями.

Ч у п у р л и н а. Благодарю вас, благодарю вас!

Л и б е н т а л ь *(бежит вперед)*. Милостивая государыня, почтенная Аграфена Панкратьевна, лестная для меня маменька!

К н я з ь. Почтеннейшая Аграфена Панкратьевна!

К у т и л о. Благодетельница!

Р а з о р в а к и. Такая благодетельница, что просто ух! целовал бы, да и только.

К у т и л о *(в сторону)*. Какие у этого грека всё сильные выражения. Совсем не умеет себя удерживать.

Беспардонный подходит, отворяет рот, но от внутреннего волнения не может сказать ничего.

М и л о в и д о в *(перебивая выразительные знаки Беспардонного)*. Ну, что ж, матушка, надумались? Вот мы все налицо. Кто из нас лучше? говорите. Да ну же, говорите.

Ч у п у р л и н а. Тише, мой батюшка, тише, вишь, какой вострый, как приступает! Моя Лизанька не какая-

нибудь такая, чтоб я ее вот так взяла да и отдала первому встречному; я своей Лизанькой дорожу. *(Гладит моську.)* Она мне лучше дочери! Я не отдам ее какому-нибудь фанфарону! *(Окидывая Миловидова с ног до головы.)* Небось ты, батюшка, всё на балах разные антраша выкидывал да какие-нибудь труфели жевал под сахаром, а теперь спустил денежки, да и востришь зубы на Лизанькино приданое! Нет, батюшка, тпрр!! Пусть-ка прежде каждый из вас скажет, какие у него есть средства, чтоб составить ее счастье *(гладит моську)*, а без того не видать вам Лизаньки, как своей поясницы!

Миловидов *(в сторону)*. Вишь, баба! вишь, какая баба!

Либенталь *(к моське)*. Усиньки, усиньки, тю, тю, тю!

Миловидов. Средства будут!

Чупурлина. Какие, мой батюшка?

Миловидов. А приданое-то? Как получу его, так будут и средства, и чем больше приданое, тем больше средства.

Чупурлина. Ну вот, я так и знала. Фанфарон, просто фанфарон! что его слушать! *(К Завалдайскому)*. Ну, а ты, батюшка?

Либенталь. Маменька, позвольте, кажется, моська заступила за ленточку левою ножкой! клянусь вам!

Чупурлина. Спасибо, батюшка. Ну, а ты, Мартын Мартынович?

Кутило. Сударыня, позвольте вас уверить, что, вступив в брак с Лизаветой Платоновной, я всегда буду соблюдать пристойность...

Чупурлина. Нет, я не о том. Какие у тебя надежды? Есть ли у тебя фабрика?

Кутило. Нет-с, фабрики не имею.

Чупурлина. Ну, так как же?

Кутило. У меня, сударыня, более нравственный капитал. Вы на это не смотрите, что мое такое имя: Кутило-Завалдайский. Иной подумает и бог знает что! А я совсем не то. Это мой батюшка был такой и вот дядя есть еще; а я нет. Я человек целомудренный и стыдливый. Меня даже хотели сделать брандмейстером.

Чупурлина. Фу ты, фанфарон! право, фанфарон, фанфарон, фанфарон, да и только. *(Князю.)* Авось ты, батюшка, посолнднее. Посмотрим, чем ты составишь счастье Лизаньки?

Князь. Большею частью мылом... *(Вынимает из кармана куски мыла.)* У меня здесь для всех. *(Раздает.)* Вам, сударыня, для рук, а этим господам бритвенное. *(К Миловидову.)* Вам, кроме бритвенного, особенный кусок для рук.

Миловидов *(принимает с благодарностию, но смотрит на руки пристально)*. Благодарю!

Чупурлина. Благодарствуйте, князь. *(К Разорваки.)* Ну, тебя, Фемистокл Мильтиадович, я не спрашиваю; ведь ты не в самом же деле вздумал жениться на Лизаньке. Где тебе?

Разорваки. Нет-с, я не шучу. Серьезно прошу руки Лизаветы Платоновны. Я происхождения восточного, человек южный, у меня есть страсти.

Чупурлина. Неужто? Ну, какие же у тебя средства?

Разорваки. Сударыня, Аграфена Панкратьевна! я человек южный, положительный, у меня нет несбыточных мечтаний. Мои средства ближе к действительности. Я полагаю занять капитал в триста тысяч рублей серебром и сделать одно из двух: или пустить в рост — или основать мозольную лечебницу, на большой ноге.

Чупурлина. Мозольную лечебницу?

Разорваки. На большой ноге.

Чупурлина. Что ж это? на какие ж это деньги? Нешто на Лизанькино приданое?

Разорваки. Я сказал: занять капитал в триста тысяч рублей серебром.

Чупурлина. Да у кого же занять, батюшка?

Разорваки. Подумайте, триста тысяч рублей серебром. Это миллион на ассигнации.

Чупурлина. Да кто тебе их даст? Ведь это, выходит, ты говоришь пустяки!

Разорваки. Миллион пятьдесят тысяч на ассигнации.

Чупурлина. Пустяки, пустяки, и слышать не хочу! Господин Беспардонный, вы что?

Беспардонный (*встрепенувшись*). Сударыня, извините... я надеюсь... не щадя живота своего... для Лизаветы Платоновны... до последней капли крови...

Либенталь (*перебивая*). Маменька, послушайте, лучшее средство есть трудолюбие, почтение к старшим и бережливость, почтение к старшим, трудолюбие... (*Нагибается к моське.*)

Чупурлина. Что ты, батюшка, на ней увидел?

Либенталь. Маменька, ушко завернулось у Фантазии.

Чупурлина. В этом молодом человеке есть прок.

Либенталь (*к моське*). Усиньки, тю, тю, тю, фить, фить, фить!

Чупурлина. Он хорошо изъясняется.

Либенталь. Фить, фить, фить, тю, тю, тю!

Чупурлина. Спасибо тебе за то, что ты такой внимательный.

Миловидов. Ну что ж, матушка, довольно наговорились про всякий вздор! пора, братец, сказать, кто из нас лучше!..

Чупурлина. Тише, тише, мой батюшка. Вишь, как опять приступает! так и видно, что целый век играл на гитаре!

Кутило (*в сторону*). Миловидов действует неприлично.

Миловидов. Да пора ж кончить!

Разорваки. Миллион пятьдесят тысяч на ассигнации!

Чупурлина. Да нечего говорить, всех-то вас толковее Адам Карлыч.

Разорваки (*берет Чупурлину в сторону*). Сударыня, принимая в вас живейшее участие, я должен вам сказать, что однажды Адам Карлыч на Крестовском... (*Шепчет ей на ухо.*)

Чупурлина. Как! Возможно ли? какие гадости! Адам Карлович, Адам Карлович, поди сюда! Правда, что ты однажды на Крестовском... (*Говорит на ухо Либенталю.*)

Либенталь (*с ужасом*). Помилуйте, маменька, никогда на свете!

Чупурлина. Ну, то-то; я так и думала... Видишь, Фемистокл Мильтиадович, это был не Адам Карлович. Это кто-нибудь другой.

Разорваки (*ей*). Действительно. Это, кажется, был Миловидов.

Чупурлина. Ну, Адам Карлыч, коли ты понравишься Лизаньке, бери ее, и дело с концом. Поди, объяснись с ней, она здесь где-то в саду. Прощайте, родимые, спасибо вам за честь. Прощайте, князь, благодарствуйте за мыло!

Женихи уходят. Чупурлина останавливает Разорваки.

Ты, батюшка, погоди немного. Я не совсем поняла, что ты мне сказал насчет мозольной фабрики.

Разорваки. Мозольной лечебницы.

Чупурлина. Да, бишь, лечебницы. Как же это ты полагаешь?

Разорваки. Очень просто. Во-первых, я занимаю капитал в триста тысяч рублей серебром...

Уходят в разговоре.

ЯВЛЕНИЕ III

Либенталь (*несколько времени молча скачет на одной ноге*). Ах, вот она! вот она!.. идет и несет цветы!.. Начну.

Лизавета Платоновна проходит с цветами, не замечая его.

Лизавета Платоновна!.. я говорю: Лизавета Платоновна!..

Лизавета Платоновна. Ах, здравствуйте, Адам Карлыч!

Либенталь. Лизавета Платоновна, где вы покупаете ваши косметики?

Лизавета Платоновна. Какие это?

Либенталь. Под этим словом я разумею: духи, помаду, мыло, о-де-лаван и бергамотовое масло.

Лизавета Платоновна. В гостином дворе, выключая казанского мыла, которое с некоторых пор поставляет мне большею частию князь Батог-Батыев. Но зачем вы это спрашиваете?

Либенталь (*подойдя к ней близко*). Затем, что от вас гораздо приятнее пахнет, нежели от этих самых цветов. (*В сторону.*) Она засмеялась. (*Ей.*) Лизавета Платоновна! я сейчас объяснил дражайшей Аграфене Панкратьевне цель моей жизни и средства моего существования... Я обнажил перед ней... клянусь вам! всю душу мою и все изгибы моего чувствительного и стремящегося к известному предмету сердца... Я ей сказал об себе и упомянул об вас... Она выгнала всех вон... а мне приказала идти к вам... я иду... вы сами идете... (*Показывая на бантик.*) Как это к вам идет! Без всякого сомнения, несравненная Лизавета Платоновна! я не смею даже думать об этом, но Аграфена Панкратьевна мне приказали...

Лизавета Платоновна. Но что же такое, Адам Карлыч!

Либенталь. О! я обязан исполнить приказание этой преклонной особы и потому, собравшись с духом, говорю (*падает на колени*): Лизавета Платоновна! реши, душка, судьбу мою или восхитительным ответом, или ударом!.. (*Поет на голос d'un pensiero из «Сомнамбулы».*)

Елизавета, мой друг,
Сладкий и страстный недуг
Переполняет мой дух!
    Об тебе всё твердит
    И к тебе всё манит!
Е...

Лакей (*вбегает*). Мвс! мвс!.. Фантазия!.. Фантазия!.. Барышня, не видали барыниной моськи?..

Лизавета Платоновна. Не видала.

Либенталь (*вставая*). И я не видал.

Лакей (*уходя*). Фантазия!.. Фантазия!.. (*Уходит.*)

Либенталь. Я продолжаю (*становится на колени*):

Елизавета, мой друг,
Ну, порази же мой слух,
Будто нечаянно, вдруг,
Словом приятным: супруг.

Лизавета Платоновна

Ах, нет, нет...

Горничная *(вбегает)*. Фантазия!.. Фантазия!.. Барышня, барыниной моськи не видали?

Лизавета Платоновна. Не видала.

Либенталь *(вставая)*. И я не видал.

Горничная *(уходя)*. Фантазия!.. Фантазия!.. *(Уходит.)*

Либенталь. Вы, кажется, начали отнекиваться, Лизавета Платоновна?

Лизавета Платоновна. Да, я хотела сказать вам... *(Продолжает петь.)*

Ах, нет, нет, я боюсь,
Ни за что не решусь.
Я от страха трясусь.

Либенталь
(в сторону).

Ах, какой она трус!

Лизавета Платоновна

Я боюсь, *(bis)*
Я страшусь, *(bis)*
Не решусь! *(ter)* [1]

Либенталь
(в сторону).

Ах, какой она трус!

Лизавета Платоновна

Я боюсь,
Я страшусь...

Оба вместе

Она трус!
Не решусь!

---

[1] Трижды *(лат.)*.— *Ред.*

Либенталь
(падая на колени)

Е...

Акулина *(вбегает)*. Хвантазия!.. Хвантазия!.. Барышня, ведь у барыни моська пропала. Вы не видали?

Лизавета Платоновна. Нет, не видала.

Либенталь *(встает)*. И я не видал.

Акулина. Что ты будешь делать? Барыня изволит плакать, изволит сердиться, из себя изволит выходить, изволит орать во всю глотку: «Дайте мне мою моську! Где моя Хвантазия?..» *(Уходя)*. Хвантазия! а Хвантазия!.. *(Уходит.)*

Либенталь *(становится на колени)*. Я продолжаю:

Елизавета, мой друг,
Твой неприличный испуг
Напоминает старух...
Между тем как любовь
Всё волнует мне кровь.
Е...

Повар *(вбегает. Он в колпаке, с засученными рукавами, с кастрюлей в одной руке и с пуком репы в другой)*. Конфузия! Конфузия!.. Барышня, Конфузия не с вами?

Либенталь *(вставая)*. Ах, пошел вон! прервал на решительном месте!

Повар. Да чем же я виноват, что меня послали собаку искать.

Лизавета Платоновна. Я не видала.

Либенталь. И я не видал.

Повар *(уходя)*. Конфузия!.. Конфузия!.. *(Уходит.)*

Либенталь

Елизавета, мой друг,
Ну, порази же мой слух,
Будто нечаянно, вдруг,
Словом приятным...

Лизавета Платоновна
(робко)

Супруг!..

Либенталь *(падает на колени)*. Небесная Лизавета!.. *(Целует ее руку.)* Эфирное создание!..

ЯВЛЕНИЕ IV

На сцену вбегают с разных сторон лакеи, горничные, казачок, Акулина, повар и кучер с криком: «Фантазия!.. Конфузия!.. Хвантазия!..» Лизавета Платоновна и Либенталь, не замечая ничего, смотрят друг другу в глаза с любовию и нежностию. Через несколько времени вбегает Аграфена Панкратьевна и кричит громче всех.

Чупурлина. Фантазия!.. Фантазия!.. Не нашли?.. Дайте мне мою собачку, собачонку, собачоночку!.. *(Наталкивается на повара.)* Собака! не видишь, куда бежишь? Да что это вы толчетесь на одном месте? А? В разные стороны бегите и непременно отыщите мне мою собачку!..

Все люди уходят в разные стороны, крича в один голос: «Фантазия! Фантазия!»

Лизавета Платоновна и Либенталь *(подходя к Чупурлиной с обеих сторон, с робостию говорят вместе)*. Маменька!.. маменька!..

Чупурлина. Что вам надобно? Чего вы хотите от меня?

Либенталь. Они согласны...

Лизавета Платоновна *(Чупурлиной)*. Если вы согласны — я согласна...

Чупурлина. Как?.. Все люди ищут мою собаку и, как угорелые кошки, бегают по разным направлениям... а вы... что вы здесь делали?.. *(Ей.)* Вот твоя благодарность ко мне за все мои попечения!.. Негодная! выбрала время говорить мне про разные гадости, когда я не в духе, когда я плачу, терзаюсь!.. *(Плачет.)* Боже мой! до чего я дожила!.. На старости лет не иметь Фантазии!.. Какое горестное! какое ужасное положение... *(Им обоим.)* Вон!..

ЯВЛЕНИЕ V

Поспешно входят Разорваки, Беспардонный, Миловидов, Батог-Батыев, Кутило-Завалдайский.

Беспардонный *(с беспокойством)*. С кем случилось?

Кутило. Кого постигло?

Князь. Отчего этот шум?

Миловидов. По какой причине такая возня?

Чупурлина. Вам что нужно?.. Зачем пришли?.. Что вы здесь забыли?

Беспардонный. Мы слышали крик.

Князь. Беготню.

Миловидов. Визготню.

Кутило. Темные рассуждения о фантазии.

Чупурлина. Это собака моя — Фантазия!.. и вовсе не темная, а светло-желтая!.. Она пропала!.. Она убежала!.. Ее похитили!..

Либенталь. Аграфена Панкратьевна!.. да я сию же минуту брошусь искать вашу Фантазию!.. могу вас уверить!.. и употреблю все мои силы, характер и способности, дабы отыскать вашу моську... клянусь вам!.. До свидания, Лизавета Платоновна!.. *(Убегает.)*

Чупурлина *(кричит ему вслед)*. И знай же наперед, Адам ты этакой, что пока не сыщешь моей Фантазии... не получишь ее руки! *(Ко всем женихам.)* Кто принесет мне мою Фантазию, тот в награду получит и приданое и Лизавету!.. Слышите? Я в своем слове тверда!.. *(К Лизавете Платоновне.)* Пошла вперед!.. Да ну же, поворачивайся!..

Аграфена Панкратьевна и Лизавета Платоновна уходят.

ЯВЛЕНИЕ VI

Князь. Какое страшное событие!

Миловидов. Просто черт знает что!

Беспардонный. Как иногда судьба... Кто знает? Может быть, теперь именно мне Лизавета Платоновна... Боже! если б это было возможно!

ЯВЛЕНИЕ VII

Разорваки (*входит*). Ничего нет необыкновенного. Это случилось очень просто, я тут был.

Все. Вы видели, как это случилось! Расскажите, расскажите!

Разорваки. Слушайте! (*Поет.*)

Уж смерклось, в гостиной старушка,
Сидевши, вязала чулок...
Под нею лежала подушка,
Собачка лежала у ног.
В подушке своей потонувши,
Она всё вязала чулок,
Но вдруг, неприметно заснувши,
Из рук упустила клубок.
Скатился клубок по собачке,
Она завизжала, и вот —
Старуха, не дав ей потачки,
Ее же толкнула в живот.
Сама испугавшись в потемках,
Вздрогнув, закричала она:
Ей вдруг показалось впросонках,
Что лезет солдат из окна.
Дрожа перед мнимым служивым,
Велит она кликнуть людей
И вместе пинком неучтивым
Толкает меня из дверей.
С солдатом готовясь на драку,
С людьми прихожу я назад,—
Старуха кричит нам: «Собаку,
Собаку похитил солдат!
Собаку, собаку, собаку,
Собаку похитил солдат».

А совсем не солдат! Врет старуха! просто сама убежала моська.

Кутило. Я давно заметил в этой старухе склонность к жестокому обращению и неприличным приемам.

Миловидов. Что ж думать? пойдем искать моську!

Князь. Искать моськи! Легко сказать, а где ее найти! Разве объявить в полиции? Ну, да бог знает, найдут ли?

Кутило *(в сторону)*. Он сомневается!

Разорваки. А если и найдет какой-нибудь городовой, то Аграфена Панкратьевна тут же за него и выдаст воспитанницу.

Все. Нет, нет, нельзя объявить!

Разорваки. Счастливая мысль!

Князь. Ура! придумал!

Беспардонный. Кажется, как будто придумал!

Миловидов. Обдумал!

Кутило *(в сторону)*. Что бы могли придумать такие развратники? Заранее краснею!

Разорваки *(в сторону)*. Положим, моськи не найдется. Я для Аграфены Панкратьевны достану другую собаку, гораздо лучше. Мне известен один пудель. Человек служащий... то есть, господин этого пуделя служащий человек, чиновник серьезный, мой искренний друг, он на всё согласится. Я ему обрею... на что ему? Он пустяками не занимается, с подчиненными такой строгий. Оставлю только два бакенбарта, вроде полумесяцев!

Кутило *(в сторону)*. Вот оно, вот оно! Заслуженному чиновнику, может быть, отцу семейства, оставлю только два бакенбарта!

Князь *(в сторону)*. У моей старой тетки, девицы Непрочной, есть собачонка, не больше этой. Называется Утешительный. Его бы взять как-нибудь, да и принести Аграфене Панкратьевне.

Кутило *(в сторону)*. Это, выходит, он хочет обокрасть свою родную тетку.

Беспардонный *(в сторону)*. Если не найду Фантазии, я думаю, можно... я видел одну моську... чрезвычайно похожа на Фантазию... просили очень дорого... но у меня есть порядочная бритвенница и еще есть портрет одного знаменитого незнакомца; очень похож; всё это... всё это... продам для Лизаветы Платоновны!

Миловидов. Я не стану таскаться по улицам за всякой дрянью. Пойду, поймаю что попадется, да и принесу старухе!

Кутило *(в сторону)*. Почему бы и мне не попробовать? В этом нет ничего предосудительного.

Разорваки *(берет Миловидова в сторону)*. Знае-

те что? Чем вам понапрасну искать, так лучше... *(Говорит ему на ухо.)*

Миловидов. Оно бы недурно; я даже знаю одну няньку, от которой можно достать; только, боюсь, заметят!

Разорваки. Никто не заметит! Решительно никто не заметит, я готов присягнуть. К тому же я вас поддержу; уж положитесь на меня!

Миловидов. Благодарю. Можно попробовать. Только поддержите!

Разорваки. Уж положитесь на меня!

Хор
(поют, меняя тоны)

Тише, тише, осторожно
Мы отселе побредем!..
Если что найти возможно,
Всеконечно мы найдем!

Разорваки

Совершенно я обрею
Эти пуделю места!

Кутило

Я заранее краснею,
Будет всюду нагота!

Князь

К тетке сбегаю нарочно,
Буду тетку целовать,
Лишь бы только от Непрочной
Утешительного взять!

Кутило

Я попробую; авось-ка,
Ей понравится моя!

Беспардонный

Небо, дай, чтобы та моська
Походила на ея!

Миловидов
(Разорваки)

Опасаюсь я немного,
Чтобы с помощью огня
Не заметили подлога...

Разорваки

Положитесь на меня!

Все

Тише, тише, осторожно
Мы отселе побредем!
Если что найти возможно,
Всеконечно мы найдем! *(bis)*

(Уходят.)

Антракт. Сцена остается несколько времени пуста. Набегают тучи, слышен дождь, ветер и гром. Оркестр играет ту же симфонию, как и в «Севильском цирюльнике» в подобном же случае. По сцене пробегает моська. Через несколько секунд спустя пробегает незнакомый бульдог. Затем буря утихает.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Разорваки, Беспардонный, князь Батог-Батыев, Миловидов и Кутило-Завалдайский входят завернутые в плащи, один за другим, не видя друг друга, и говорят каждый в сторону.

Разорваки. Здесь кто-то есть.
Беспардонный. Кто здесь?
Миловидов. Я!..
Князь. Они здесь!
Кутило. Мы здесь!
Беспардонный. С моськой?
Миловидов. Без моськи!
Князь. Без моськи!
Разорваки. Без моськи!
Беспардонный. Благодарю тебя, природа... они без мосек!
Кутило *(в сторону)*. Они без мосек.

Миловидов. Господа! чего секретничать! моськи не нашли, так уж, верно, что-нибудь другое принесли!

Все. Принес! принес! принес! принес!

Разорваки. Покажем при Аграфене Панкратьевне.

Беспардонный. Меня беспокоит одна мысль. Вот это какая мысль. Как бы это выразить точнее? Мы все без Фантазии; ну, а если Адам Карлович с Фантазией?

Князь. Да, оно немножко страшно. Он человек бойкий; пожалуй, найдет!

Кутило. Да, он человек вот какой! *(Свистит.)*

Миловидов. Дрянь. А все-таки страшно.

Разорваки. Ничуть не страшно. Чем он страшнее нас! Вы думаете, потому что он вот этак вертит, так уж и бог знает что! Вздор, вздор; он такой же человек, как и мы; я его давно знаю; могу совершенно описать его характер. *(Поет.)*

Либенталь не спесив,
Аккуратен, учтив,
Точен. *(Хор.)*
Но охотник солгать,
Да и любит болтать
Очень! *(Хор.)*
Он молчать не привык
И свой держит язык
Слабо! *(Хор.)*
Скоро так говорит,
Как на рынке пищит
Баба. *(Хор.)*
Судит он в простоте
О своей красоте
Гордо. *(Хор.)*
И вполне убежден,
Что пред ним Аполлон —
Морда. *(Хор.)*
Он искусен во всем,
И ему нипочем
Полька! *(Хор.)*
А до дела дойдет,
Так коленки согнет
Только! *(Хор.)*

ЯВЛЕНИЕ IX

Дворня проходит с фонарями.

Все *(спрашивают друг друга).* Нашел Фантазию! Нашла Хвантазию! Где Конфузия? Не нашел Фантазии! Хвантазии не видал! Конфузии нет?

Разорваки. Слышите, господа? Фантазии не нашли! Стало быть, мы можем надеяться. Победа за нами!

Все

Победа! победа! моськи не нашли!

Хор

(La trompette guerrière [1]*)*

Триумф, триумф, триумф, триумф!
Гоп, гоп, гоп, ай-люли!
Собаки, собаки, собаки не нашли *(bis).*
Не нашли,
Не нашли,
Не нашли, не нашли, не нашли, не нашли!
Ай-люли!

ЯВЛЕНИЕ X

Те же, Чупурлина и Лизанька.

Чупурлина. Что это? что это? Нашли Фангазию? Где она? где она?

Миловидов. Не нашли моськи!

Чупурлина. Ах, варвары!

Разорваки. Кое-что принес получше моськи!

Чупурлина. Лучше Фантазии? Варвары!

Князь. Будет гораздо приятнее!

Чупурлина. Какую-нибудь дрянь!

Князь. Она не знает, что говорит, и легкомысленно порочит Утешительного!

Беспардонный. Право, будет почти так же хорошо.

---

[1] Военная труба *(франц.)* — *Ред.*

М и л о в и д о в. Будет почище!

Ч у п у р л и н а *(Разорваки)*. Покажи, батюшка, что у тебя?

Р а з о р в а к и *(снимая шинель и показывая пуделя)*. Вот что!

Ч у п у р л и н а. Что это, батюшка! скорей на барана похоже! Ну видано ли, слыхано ли, чтобы этакое могло стоить Фантазии? Фу! Право, сказала бы неприличное слово, да в пятницу как-то совестно! А как его зовут, батюшка?

Р а з о р в а к и . Космополит, сударыня!

Ч у п у р л и н а. Чем палит?

Р а з о р в а к и. Ничем! просто Космополит!

Ч у п у р л и н а. А штуки делает?

Р а з о р в а к и. Делает разные штуки. Хотите, сударыня, он вам вскочит на шею и стащит с вас чепчик?

Ч у п у р л и н а. Нет, не хочу. Вот вздумал что! на какую пакость вышколил своего. . как, бишь, его?

Р а з о р в а к и. Космополит, сударыня!..

Ч у п у р л и н а. Своего пуделя. *(К князю)* Ну, а у тебя что?

К н я з ь *(снимает шинель и показывает собачонку весьма небольшого размера)*. А у меня вот что! Известный Утешительный, принадлежащий родной моей тетушке, девице Непрочной.

Ч у п у р л и н а. Постой, батюшка, дай очки надеть. Экой мелкий. Как зовут?

К н я з ь. Утешительный!

Ч у п у р л и н а. Штуки делает?

К н я з ь. Бывает-с.

Ч у п у р л и н а. Немножко маловат. Вот хоть бы настолько был побольше. *(К Кутиле.)* Ну, а у тебя?

К у т и л о *(снимает шинель и показывает датскую собаку с намордником)*. Самая чистейшая моська!

Ч у п у р л и н а. Что это за урод? Да как ты смел с этим приступать ко мне? Разве бывают этакие моськи?

К у т и л о. Сударыня, смею вас уверить, что это самая наичистейшая моська. Вам, может быть, странно, что она такая большая. Но на это я вам доложу, что между моськами бывают и большие и маленькие, так же,

как и между людьми. Вот, например, князь Батог-Батыев мал, а господин Миловидов и господин Разорваки велики; между тем они все трое люди. Так точно и моськи.

Чупурлина. Дичь, дичь! Ты говоришь дичь, батюшка. Князь и Миловидов совсем другое. А как зовут твою уродину?

Кутило. Фифи, сударыня!

Чупурлина. Штуки делает?

Кутило. В пять минут съедает десять фунтов говядины, давит волков, снимает шляпу и поливает цветы!

Чупурлина. Дичь, дичь! На что мне этакая собака? У меня есть садовник... *(Миловидову.)* Ну, а ты, батюшка?

Миловидов *(снимает шинель и показывает деревянную собачку с механикой.)* Вот мое! смотрите! только издали!

Все. Что это? что это?

Чупурлина. Что это? никак, игрушка?

Миловидов. Подберите фалды! смотрите издали!

Чупурлина. Что ты, с ума сошел?

Миловидов. Говорю вам, подберите фалды; он зол до чрезвычайности!

Чупурлина. Фуй! какие гадости! Фуй, игрушка!

Миловидов. Нет, не игрушка, а моська! и имя не игрушечье, а собачье: называется Венер!

Чупурлина. Ах ты бесстыдник! Да как у тебя язык поворотился говорить этакое!

Миловидов. Что, небось на попятный двор! Как получила моську, так Лизаветы жаль стало? Нет, брат, ата́нде! Вот тебе Фантазия, давай Лизавету. *(Разорваки.)* Да ну же, поддерживайте!

Разорваки. Игрушка! просто игрушка!

Все. Просто игрушка! Какая Фантазия, какая Фантазия! просто игрушка!

Миловидов. Ну, положим, игрушка! Эка беда! Разве я какой взяточник или ростовщик, чтоб на живых собак деньги тратить! *(Берет Разорваки в сторону.)* А ведь это подло! вы же присоветовали!

Чупурлина. Прочь, прочь! *(Беспардонному.)* Ну, батюшка, вы что?

Беспардонный показывает ей свою моську.

Ах, боже мой! да это уже не она ли?.. Она!.. она — Фантазия!..

Беспардонный. Нет... не она... но... *(С чувством подавая ей моську.)* Аграфена Панкратьевна...

Чупурлина. Не она?.. Врешь!.: Да как же она похожа на нее!.. две капли воды моя Фантазия!.. Благодетель мой!.. ты согласен мне отдать ее?

Беспардонный *(дрожа)*. С у... с... с у... с удовольствием! *(Отдает ей моську.)*

Чупурлина. Родной ты мой!.. *(Целует моську и плачет.)* Так вот же, возьми... вот тебе Лизанька моя!..

Беспардонный *(задыхаясь от радости)*. Что... что... что... что я слышу?!

Чупурлина. Ты, верно, дружок, на ухо туг. *(Кричит ему на ухо.)* Говорю: ты подарил мне собаку, а я дарю тебе Лизаньку с приданым!..

Беспардонный. Аграфена... Лизавета... Агра... Агравета!.. Лизафена!..

Лизавета Платоновна. Маменька! вы шутите?..

Чупурлина. Я шучу?.. с чего ты это взяла?.. что ты, ослепла, что ли? али в рассудке помешалась?.. Ты видишь это или нет? *(Показывает ей моську.)* Взявши собаку, мой первый и священный долг — отдать тебя!..

Лиза. Маменька,— это безрассудно!..

Чупурлина. Ты еще ругаешься?

Лиза *(становится перед нею на колени)*. Маменька!..

Беспардонный *(подходит к Лизе и становится возле нее на колени)*. Лизавета Платоновна!

Чупурлина *(ей)*. Оставь меня!.. *(Указывая на Беспардонного.)* Слушай, что он тебе говорит!..

Лизавета Платоновна и Беспардонный *(стоя на коленах, говорят друг другу в одно время)*.

Послушайте... всё зависит от вас... откажитесь от меня... вы человек благородный... я вас знаю... откажитесь от меня... умоляю... заклинаю вас...

Послушайте... все зависит от вас .. не отказывайтесь от меня... вы добры, как ангел... я вас знаю... не отказывайтесь от меня... умоляю... заклинаю вас!..

Чупурлина. Ну, перестань, Лизанька. Ты и меня растрогала... я сама плачу!..

Становится сзади их на колени и плачет. Все прочие также по ее примеру преклоняют колена и вынимают носовые платки.

Будьте счастливы!.. благословляю вас!.. Мосинька моя!.. Мосинька!..

ЯВЛЕНИЕ XI

За сценой слышен голос Либенталя: «Нашел! нашел!» Все, оставаясь на коленах, перестают плакать и слушают со вниманием.

Либенталь *(вбегая)*. Нашел! Нашел! *(Падает, встает, плюет на то место, где упал, и, подбегая на авансцену, показывает всем моську.)* Нашел!.. нашел!..

Сцена общего изумления. Разорваки, Миловидов, князь Батог-Батыев и Кутило-Завалдайский встают и подходят к Либенталю.

Аграфена Панкратьевна!.. моська!.. Лизавета Платоновна!.. моська!..

Чупурлина. Ах! *(Бросает на пол моську Беспардонного и падает в обморок.)*

Лиза. Ах! *(Падает в обморок.)*

Беспардонный остается, испуганный и неподвижный, на коленах. Либенталь кладет Фантазию в объятия Чупурлиной и бросается к Лизавете Платоновне, чтобы привести ее в чувства.

Разорваки. Старуху-то и бросили совсем!

Кутило *(показывая на людей, стоящих с фонарями.)* Они все заняты. Человеколюбие требует, чтоб мы оказали ей помощь!..

Разорваки, Миловидов, князь Батог-Батыев и Кутило-Завалдайский подходят к фонтану, черпают в шляпы и фуражки воды и выливают на Чупурлину.

Чупурлина *(приподнимаясь)*. Кто это?.. Зачем я здесь?.. Отчего я мокра?.. Что со мною хотели сделать?.. *(Увидев моську.)* Собачка моя!.. моська моя!.. Это не обман?

Либенталь. Нет, это Фантазия!..

Чупурлина. Кто же принес?

Либенталь. Это я, маменька.

Чупурлина *(встает)*. Ты прав: я твоя мать! А ты — мой отец и благодетель! *(Показывая на Лизу.)* Вот твоя жена!.. Дай бог, чтоб у вас были сыновья и дочери!.. Вставай, Лизанька, да ну же, вставай! Господа! помогите же... что она так долго кобенится!

Кутило *(в сторону)*. Я говорил, что эта старуха не по летам жестокого характера!

Миловидов, Разорваки, князь и Кутило-Завалдайский черпают из фонтана воды и подходят к Лизе.

Либенталь. Не надо! не надо! она опомнилась! она очнулась!

Лиза встает, ее поддерживает Либенталь. Миловидов, князь, Разорваки и Кутило выливают воду на Беспардонного, который все это время стоял на коленах. Беспардонный вскакивает.

Чупурлина *(Беспардонному)*. Ну, батюшка... твоя собачка только что похожа на мою... а эта моя настоящая Фантазия! Прощай, ты более не нужен ни мне, ни Лизаньке. Пошел вон!.. А вас, милые дети, я благословляю. Будьте счастливы и благополучны; размножайтесь и любите как себя взаимно, так и своих будущих многочисленных детей, точно так же, как я люблю свою Фантазию. *(Целует моську.)* Теперь пойдемте домой! *(Уходит с Либенталем и Лизой.)*

Разорваки, Миловидов, Беспардонный, князь Батог-Батыев и Кутило-Завалдайский следуют за ними гуськом.

(Оборачивается.) А вам что нужно?

Разорваки. Не кричите!

Чупурлина. Стыдись, старик!

Миловидов. Старуха, не школьничай!

Кутило. Поправьте чепец!

Князь. Не получишь более мыла от меня ни вот столько!

Беспардонный. Бог с вами!

Чупурлина (*обращаясь к своим людям*). Эй! Пошлите за полицией!.. Жандармов приведите сюда побольше и посильнее!..

Люди уходят.

Разорваки. Мы сами не намерены здесь оставаться.

Миловидов. Я только не хочу рук марать!

Князь. И старое-то мыло назад отыму!

Кутило. Прикройте шею!

Беспардонный. Бог с вами! вы изменили мне.

Разорваки. Провожая эту старуху, споемте, господа, ей куплеты, подобные тем, которыми ее встретили... да только в обратном смысле.

Поют. Разорваки начинает.

Аграфена,
Нам измена
Не страшна,
Не страшна.
Хоть и пред тобою
Не черней душою
Сатана,
Сатана.

Разорваки

Мы вас знаем.

Кутило

Обижаем.

Князь

Презираем.

Беспардонный
(*уходя*)

Убегаем.

Миловидов

И пугаем.

Кутило

И ругаем.

Хор

Каждый час. *(bis)*

Разорваки

Вы на нас кричите,
И всех нас браните...

Хор

А мы вас. *(bis)*

При последних словах Чупурлина, Лиза и Либенталь уходят. Разорваки, Миловидов, Кутило-Завалдайский и князь Батог-Батыев оканчивают куплет одни, плюют в ту сторону, куда ушла Чупурлина, и сами уходят в противоположную.

ЯВЛЕНИЕ XII

Кутило *(осматривается и, видя, что все ушли выходит на авансцену)*. Господин контрбас! Пст! пст! Господин контрбас! одолжите афишку. Весьма любопытно видеть, кто автор этой пьесы? *(Смотрит на афишку.)* Нет! Имени не выставлено! Это значит осторожность, это значит совесть не чиста! А должен быть человек самый безнравственный! Я, право, не понимаю даже, как дирекция могла допустить этакую пьесу. Это очевидная пасквиль. По крайней мере, я тем доволен, что, с своей стороны, не позволил себе никакой неприличности, несмотря на все старания автора. Уж чего мне суфлер ни подсказывал! То есть, если б я хоть раз повторил громко, все бы из театра вышли вон. Но я, ему назло, говорил всё противное. Он мне шепчет одно, а я говорю другое. И прочие актеры тоже совсем другое говорили. От этого и пьеса вышла лучше. А то нельзя было б играть. Такой, право, нехороший сюжет! Уж будто нельзя было выбрать другого! Например, что вот там один молодой человек любит одну девицу. Их родители соглашаются на брак, и в то время, как молодые идут по коридору, из чулана выходит тень прабабушки

и мимоходом их благословляет... Или вот что намедни случилось, после венгерской войны. Что один офицер, будучи обручен с одной девицей, отправился с отрядом одного очень хорошего генерала и был ранен пулей в нос. Потом пуля заросла, и когда кончилась война, он возвратился в Вышний Волочок и обвенчался со своей невестой... Только уж ночью, когда они остались одни, он, по известному обычаю, хотел подойти к ручке жены своей,— неожиданно чихнул,— пуля вылетела у него из носу и убила жену наповал. Вот это называется сюжет! Оно и нравственно, и назидательно, и есть драматический эффект.

Занавесь начинает опускаться.

Или там еще, что один золотопромышленник, будучи чрезвычайно строптивого характера,

Занавесь опустилась.

поехал в Новый год с поздравлением вместо того, чтобы к одному,— к другому...

Оркестр прерывает его слова.

1850

Примечания

Четвертый том настоящего издания состоит из двух частей. В первую вошли драматическая поэма «Дон Жуан», драма «Посадник» и написанный вместе с А. М. Жемчужниковым водевиль «Фантазия», неизменно печатавшийся в составе Полного собрания сочинений Козьмы Пруткова.

Вторую часть тома составляют избранные письма Толстого.

ДОН ЖУАН

Впервые — «Русский вестник», 1862, № 4, стр. 581—692. Через три месяца там же (№ 7, стр. 213—227) появилась «Переделанная сцена из „Дон Жуана"» (сцена на кладбище) в сопровождении «Письма к издателю».

В «Русском вестнике» конец последней сцены иной. После слов статуи: «Погибни ж, червь»,— появлялись духи и сатана:

Духи
(являются с неба)

Назад, слепая сила!
Оставь того, кто верует и любит!

Сатана
(вырастает из земли)

Он мой! Отверг он покаянье!
Он богохульствует! Он мой!

Духи

Его спасет любви сознанье,
Не кончен путь его земной!

Сатана

Нет, это против договора!
Уж ад над ним разинул пасть!

Хватай его, стату́я командора,
Как исполнительная власть!

Статуя стоит неподвижно.

Меж двух начальств колеблется усердье
И преданность вдруг чувствует зазор?
Хватай его, назло земле и тверди —
Иль провались, булыжный командор!

Статуя проваливается. Духи становятся между сатаной и Дон Жуаном, который падает в обморок. Сатана исчезает.

Духи

Пути творца необъяснимы,
Его судеб таинствен ход;
Всю жизнь обманами водимый
Теперь к сознанию придет!
Любовь есть сердца покаянье,
Любовь есть веры ключ живой,
Его спасет любви сознанье,
Не кончен путь его земной!

(Исчезают.)

Дальше в «Русском вестнике» шла еще одна сцена и эпилог, вовсе отсутствующие в окончательном тексте:

УТРО

Дон Жуан лежит на кровати без чувств. Лепорелло старается привести его в память.

Лепорелло

Сеньор, очнитесь! Добрые известья!
Очнитеся, сеньор!
(В сторону.)
С чего вчера
Он в обморок упал?

Дон Жуан
(приходит в себя)
Тяжелый сон!
Ужасные во мне воспоминанья
Остались от него.

(Увидя Лепорелло.)
Ты здесь?

Лепорелло

Да, да,
Я с вами, здесь, и радостную новость
Я вам принес: во-первых, та галера...

Дон Жуан
(вскакивая с кровати)

Где донна Анна?

Лепорелло
(пожимая плечами)

Кончена исторья!
Близ нашей виллы труп ее нашли —
Но слушайте известия, сеньор:
Во-первых, та галера, на которой
Плыл дон Иеро́нимо, разбита бурей
И сам он потонул; а во-вторых,
Все члены Sant' Officio сменены.
На место их назначены другие,
И ваш процесс покамест прекращен.
Вы можете свое обделать дело.
Да, да, сеньор, позвольте вас поздравить!

Дон Жуан
(в изнеможении опускаясь в кресла)

Она погибла. Это был не сон.
Изо всего, что в эту ночь случилось,
Мне ясно лишь одно: она погибла!
Все остальное, может быть, мечта —
Но это правда!

Лепорелло

Сто́ит ли, сеньор,
Так долго размышлять об этом? Право,
Как будто это первый случай с нами?

Дон Жуан
(в раздумье)

Я мнил восстать как ангел-истребитель,
Войну хотел я жизни объявить —
И вместе с ложью то, что было чисто,
Светло как день, как истина правдиво,
В безумии ногами я попрал!

Лепорелло

Что ж делать! Вы отыщете другую.
От вас зависит снова закутить!

Дон Жуан

Закон вселенной — это равновесье.
Возмездьями лишь держится она.
Но чем вознаградить, что́ я разрушил?

Лепорелло

На вашем месте, я б сейчас в Севилью
Отправился, и прерванные связи б
Связал опять, да золота побольше
Рассыпал бы направо и налево!

Дон Жуан

Как я был слеп! Как счастье было близко!

Лепорелло

Сеньор, развеселитесь! Ей-же-богу,
Я вас не узнаю.

Дон Жуан

Чем кончу я?
Искать любви мне боле невозможно,
А жизни мстить я право потерял.
Убить себя? То было бы легко:
Несостоятельные должники
Выходят часто так из затрудненья;
Но этим долга выплатить нельзя —
Я должен жить. Я умереть не смею!

Лепорелло

Храни вас бог! Зачем нам умирать!
Давайте жить, сеньор, и веселиться!

Дон Жуан

Я должен жить. И жаль, что слишком скоро
Меня избавит смерть от этой муки.
О, если б мог я вечно, вечно жить!

Лепорелло

По крайней мере, сколько можно доле.
Теперь, сеньор, нам нечего бояться!
Теперь все трын-трава!

Дон Жуан

Оставь меня.

Лепорелло уходит; Дон Жуан облокачивается на стол и закрывает лицо руками.

ЭПИЛОГ

Монастырь близ Севильи

Престарелый настоятель сидит в креслах. Перед ним стоит монах.

Настоятель

Как чувствует себя больной?

Монах

Отец мой,
Все в том же положенье брат Жуан:
Болезни в нем совсем почти не видно,
Но с каждым часом пульс его слабей.

Настоятель

Душевная болезнь его снедает.
Раскаянья такого постоянство
Высокий есть для братии пример.
До сей поры он ходит в власянице,
Ни разу он не снял своих вериг.
Я не видал подобного смиренья!

Монах

Вчера к себе он призывал всю братью,
У каждого прощенье он просил
И каялся в грехах передо всеми.

Настоятель

Нам исповедь его давно известна:
Владела им когда-то суета,
Шептала нá ухо мирская прелесть
И нашептала много грешных дел.
Но он уж их загладил покаяньем,
А все еще покоя нет ему!
Доселе все не хочет он постричься —
Достойным не находит он себя.

Монах

Своей он смерти чует приближенье
И нас просил, в последнюю послугу,
Похоронить его на том кладбище,
Где тело командора дон Альвара,
Убитого им некогда, лежит
И где потом была погребена
Дочь командора, донна Анна.

Настоятель

Это
С уставом нашим было б несогласно.
У нас для братий общее кладбище;
Особенного места выбирать
Никто себе не волен. Впрочем, он
Не произнес последнего обета
И в этом смысле есть еще мирянин.
Да сбудется его желанье.

Другой монах
(входит)

Отче,
Пожалуй в келью, брат Жуан отходит!

Слышно протяжное пение. Входят, попарно, братия с зажженными свечами.

Братия

С нашей жизнью вечно смежная,
Вечно имущая нас,

Смерть приходит, неизбежная,
В каждый день и в каждый час.
Благо было Недремавшему,
Мирно гостью ожидавшему,
Неусыпно посылавшему
К небесам молящий глас!

Настоятель
(вставая)

Подайте мне мой посох. И сказать,
Чтобы в отходный колокол звонили.

Братия

В это страшное мгновение
Ты услышь его, господь!
Дай ему успокоение,
Дай последнее мучение
激 Упованьем побороть!
Мысли прежние, крамольные,
Обращенному прости,
Отыми земное, дольнее,
Дай успение безбольное
И невольное и вольное
Прегрешенье отпусти!

Раздаются мерные удары отходного колокола.

Мы моление соборное
Ныне шлем к тебе, господь:
В жизни долго непокорная
Скоро прахом будет плоть,
В дни былые дерзновенного
Скоро кончится борьба;
Ты ж помилуй сокрушенного,
Ныне верою смиренного,
В вечный мир от мира бренного
Отходящего раба!

Процессия уходит, попарно, вслед за настоятелем. Слышно постепенно удаляющееся пение, сопровождаемое колокольным звоном.

Замысел «Дон Жуана» возник у Толстого в конце 1858 или в начале 1859 г., а первый его набросок относится к лету или осени 1859 г. 20 марта (1 апреля) 1860 г. Толстой сообщил Маркевичу, что «писал и переделывал драму „Дон Жуан"», которую читал В. П. Боткину и Н. Ф. Крузе, одобрившим ее.

Через год после этого между Толстым и Маркевичем, написавшим ему подробное письмо с изложением своих критических замечаний о драме, возник спор — об образах Дон Жуана и Донны Анны, о прологе, который, по мнению Маркевича, «почти не нужен», и пр. (см. письмо Маркевича от 15 мая [1] и

[1] Письма Б. М. Маркевича к графу А. К. Толстому, П. К. Щебальскому и др., СПб., 1888, стр. 1—16, 69—85.

письма к нему Толстого от 10 и 11 июня 1861 г). Маркевича смущало также и то обстоятельство, что Дон Жуан не появлялся в эпилоге (которым заканчивался журнальный текст драмы); он считал необходимым совершенно переработать развязку и предложил Толстому подробный план этой переработки. «Зачем Вам еще видеть Дон Жуана в эпилоге?..— спрашивал его Толстой.— Что мог он еще в минуту смерти сказать такого, чего читатель не мог бы легко угадать? Тут нет никакой утайки, раз мы знаем, что Дон Жуан монах и смерть его близка». Толстой не последовал совету Маркевича, печатая драму в «Русском вестнике», а при подготовке издания 1867 г. просто отсек последние страницы пьесы, рисующие раскаяние и перерождение героя.

Маркевич рекомендовал Толстому отложить печатание «Дон Жуана», ограничившись пока четырьмя или пятью сценами. Однако его настойчивые предложения о существенной переработке драмы были отвергнуты: «Я готов переделать кое-какие детали, но не всю драму целиком, и, окончательно отшлифовав, я опубликую ее такой, какая она есть, с тем чтобы в дальнейшем написать лучшую».

Осенью 1861 г. во время пребывания в Москве Толстой читал «Дон Жуана» И. С. Аксакову и М. Н. Каткову. В связи со сделанными ему замечаниями он внес в драму ряд изменений, а в конце марта 1862 г. отослал ее в редакцию «Русского вестника». Толстой подчеркнул в качестве непременного условия, чтобы в «Дон Жуане» «не было ни изменено, ни вычеркнуто цензурой ни единого слова».

Как указано выше, скоро после появления «Дон Жуана» в «Русском вестнике» Толстой переделал сцену на кладбище; в июне 1862 г. она вместе с «Письмом к издателю» была отослана в редакцию журнала. В этом «Письме» Толстой полемически истолковал своего «Дон Жуана» как явление чистого искусства, противостоящее тенденциозной, социально направленной литературе. «Это был случайный и невольный протест против практического направления нашей беллетристики»,— заявил он.

При жизни Толстого «Дон Жуан» не ставился. В 1891 г. постановка его была признана цензурою «неудобной» (см. список пьесы с резолюцией цензора в Театральной библиотеке им. А. В. Луначарского). Лишь в 1901 г. сцены из него исполнялись в спектакле памяти Толстого, организованном Литературным фондом, в Александринском театре. По свидетельству современника, хорош был один К. А. Варламов в роли Лепорелло («Новости», 1901, № 29). Вся пьеса (с существенными цензурными купюрами) была впервые поставлена на русской сцене в 1905 г. в Петербурге братьями Адельгеймами.

Музыку к драматической поэме Толстого написал Э. Ф. Направник; на слова серенады «Гаснут дальней Альпухарры...» имеется романс П. И. Чайковского; песню соловья и хор духов положил на музыку С. В. Рахманинов; следует отметить также оперу Б. А. Фитингофа-Шеля «Жуан де Тенорио».

Эпиграф — из рассказа Э.-Т.-А. Гофмана «Дон Жуан».

Пролог. *Выя* — шея. *Акафист* — хвалебное церковное песнопение. *Бурбон* — *грубый*, невежественный человек; первона-

чально — об офицере, выслужившемся из солдат. «Не держусь и за словечко «бурбон»,— сообщил Толстой Маркевичу 11 июня 1861 года,— которое... озадачило публику. Если Вы принадлежите к тем, кому это выражение неизвестно,— сообщу Вам, что на армейском языке оно означает в ы с к о ч к у». *Сонм* — собрание, множество, толпа. *Дела давно минувших дней* и т. д.— цитата из поэмы Пушкина «Руслан и Людмила». *Адъюнкт* — помощник профессора. *Галванисм* (гальванизм) — электрические явления при соприкосновении разнородных металлов, открытые итальянским физиологом Л. Гальвани; в середине XIX в. широко применялись с медицинскими целями.

Ч а с т ь 1. *Мориски* — мавры, принявшие христианство. Это не спасло их, однако, от преследований инквизиции, и впоследствии они были также изгнаны из Испании. Строки «Он говорит, что мавры и мориски» и т. д. Толстой использовал впоследствии как аргумент против националистических взглядов Каткова, Маркевича и Щербины (письма к М. М. Стасюлевичу от 7 февраля и к Маркевичу от 26 апреля 1869 г.). В. И. Ленин вспомнил слова Толстого в статье «Нужен ли обязательный государственный язык?». «Мы не хотим загонять в рай дубиной...— писал он.— Мы думаем, что великий и могучий русский язык не нуждается в том, чтобы кто бы то ни было должен был изучать его и з-п о д п а л к и» (Полн. собр. соч., т. 24, стр. 295). *Тиара* — головной убор древних восточных царей, а также корона папы римского. *Сид* — прозвание Родрига (Руи) Диаса де Бивар (ок. 1040—1099), испанского рыцаря, прославившегося своими военными подвигами, героя испанских народных преданий.

Ч а с т ь 2. *Гидальго* — испанский дворянин. *Прислал он отпущений про запас.* Речь идет об индульгенциях — папских грамотах об отпущении, прощении грехов, которые продавала верующим католическая церковь. *Пилат* — римский наместник в Иудее. Вопрос «Что есть истина?», по евангельскому преданию, Пилат задал Иисусу Христу в связи со словами последнего, что он пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине. *Глагол* — слово. выражение. *Аллилуйя!.. Осанна!* — молитвенные возгласы, славословящие бога. *Петра наместник.* Католическая церковь считала папу римского наместником апостола Петра на земле. *Альгамбра* — старинная крепость и дворец мавританских халифов. *Доминиканцы* — члены католического монашеского ордена св. Доминика; в их ведении находились инквизиционные трибуналы. *Эпитимья* (епитимья) — церковное наказание. *Патерностер* (Pater noster — Отче наш) и *Ave Maria* — католические молитвы.

ПОСАДНИК

Впервые полностью — Полное собрание стихотворений, 2-е изд., СПб., 1877, стр. 269—378.

После окончания «Царя Бориса» Толстой стал думать о новой пьесе. 2 января 1870 г. он писал Маркевичу, что путь к

«Дмитрию Самозванцу» подготовлен тремя его предшествующими драмами, но «им слишком много занимались» Поиски продолжались полгода, и только в июле 1870 г. Толстой известил жену, что «сюжет для драмы — человеческой», т. е. психологической, найден: «Человек, чтобы спасти город, берет на себя кажущуюся подлость. Но нужно вдвинуть это в рамку, и Новгород — была бы самая лучшая». В связи с этим поэт просил ее «собрать все, что было написано о Новгороде, обычаях той эпохи и вообще все, что известно о вече и об отношениях его с князем». Не дожидаясь получения материала, он начал писать «новгородскую драму» и 3 (15) августа сообщил жене, что обдумал план и написал первую сцену. Толстой снова просил· «А ты узнай мне все про Новгород. Мне нужно и обычаи, и имена и улиц и должностей, и пр., и пр.». Сначала Толстой стал писать драму в прозе, «чтобы войти в охоту и набросить краски». Он надеялся, что работа будет протекать более гладко и легко, чем над другими пьесами, поскольку «канва драмы написана акт за актом», и он, по-видимому, мало что изменит (письмо к жене, август 1870 г.). В письме к жене от 18 (30) августа 1870 г. речь идет об одном из мотивов первоначального плана, не получившем осуществления в известном нам тексте «Посадника». «Найди мне,— читаем здесь,— домашнее занятие для патрицианских женщин в Новгороде... Когда я говорю о патрицианских женщинах, я не подразумеваю только одних боярынь. Мне надо семейство посадника, т. е. его жену и дочь его: дочь — главное. Надо, чтобы сцена открывалась домашними занятиями, насколько можно более прозаичными, чтобы это произвело контраст с ролью немного героичною, в которую взойдет впоследствии дочь».

В середине сентября Толстой уже читал своим дрезденским знакомым (в том числе К. К. Павловой) половину первого действия и все второе, заслужившие горячие похвалы. Сообщая об этом чтении жене, Толстой в письме от 19 сентября (1 октября) 1870 г. заметил: «И все это в прозе, и, кажется, до конца будет в прозе. И там будет 4 резких характера, 2 мужских и 2 женских». Вернувшись из-за границы, Толстой известил Маркевича, что написал три действия (письмо от 18 ноября 1870 г.).

Однако надежды Толстого на то, что работа будет протекать относительно гладко, не оправдались. Болезнь, хозяйственные заботы, мнение С. А. Толстой, что драма не удалась,— все это мешало завершению пьесы. Толстой не раз порывался закончить ее, но дело ограничивалось обработкой уже написанного. Из писем к Я. П. Полонскому (от 25 февраля 1871 г.) и к Маркевичу (от 9 мая 1871 г.) мы узнаем, что Толстой стал перелагать написанное прозой в стихи, проделав эту работу над первым действием (первые его страницы — возбужденные разговоры возвращающихся с веча — Толстой, по-видимому, не предполагал подвергать этой операции). «На днях заглянул в рукопись,— писал он Полонскому,— и с горя стал перекладывать прозу в стихи, и о чудо! тотчас все очистилось, все бесполезное отпало само собой, и мне стало ясно, что для меня писать стихами легче, чем прозой! Тут всякая болтовня так ярко выступает, что ее херишь да херишь!» В ноябре — декабре

1871 г. во время пребывания в Дрездене Толстой отшлифовал первый акт «Посадника». «Посадник — главная фигура,— писал он в связи с этим Маркевичу,— и, отделывая стих, я также отделывал и характер, который, как мне представляется, уже с самой экспозиции дан вполне определенным образом. Этого я и добивался—ведь экспозиция не должна оставлять сомнений насчет характеров. Она должна заключать в себе семена развития как будущих событий, так и каждого действующего лица, и читатель должен вполне отчетливо видеть, какого рода перед ним семена, чтобы в дальнейшем для него не было неожиданностей... Если даст бог жизни, надеюсь в Венеции или в Пизе завершить свое начинание» (письмо от 8 (20) декабря 1871 г.).

Через три месяца в письме из Венеции к К. Сайн-Витгенштейн Толстой называет «Посадника» своей главной работой, которая «прервана головными болями и отсутствием нравственного спокойствия». «Одно действие окончено,— писал он,— другие же только набросаны, и я жду «счастливой минуты», чтобы засесть за работу... Эта работа меня привлекает; лишь бы наступил благоприятный час, я надеюсь ее скоро докончить». 26 марта (7 апреля) 1873 г. Толстой сообщил тому же адресату: «Несмотря на весь интерес, который я чувствую к ней, вот уже целый год, как я до нее не дотрагивался — die Stimmung fehlt mir» [1]. Наконец, за полгода до смерти Толстой писал ей: «Вы меня спрашиваете, что делает новгородский мэр? Он на бумаге не подвинулся ни на шаг... но он крепко сидит у меня в голове с изменениями, которыми я обязан Вашему поэтическому и артистическому чувству, т. е. я решительно заставлю его умереть в последней сцене».

В письме в редакцию газеты «Голос» (1877, № 30) Д. Н. Цертелев рассказал в общих чертах, руководствуясь отчасти личными воспоминаниями, отчасти не дошедшими до нас черновыми набросками писателя, о дальнейшем развитии сюжета «Посадника». Самих набросков Цертелев не привел, указав, что они «слишком отрывочны».

В четвертом действии, по словам Цертелева, «посадник сидит у стола; посадница в углу плачет. Дочь молча смотрит на отца. Входит боярыня Мамелфа; она предлагает посаднице и ее дочери переселиться к ней, говоря, что они не виноваты, что она берет их под свое покровительство и что, когда они будут жить у нее, никто не посмеет сказать про них худа. Посадница отвечает нерешительно, и боярыня говорит ей:

Я, матушка, тебя
Не уговаривать пришла;
Коль хочешь,
Останься с ним,
Добро в твоей то воле,
Тогда прости!

Она уходит. Является жених Веры, Василько, и повторяет свое предложение, но та отказывается, говоря, что пойдет за не-

[1] У меня нет настроения *(нем.)*.

го только в том случае, если отец ее будет оправдан. Василько обращается к посаднику, прося его уговорить дочь. «Иди»,— говорит ей отец. Но она все-таки не соглашается. Наконец, Вера остается с отцом наедине и спрашивает его: «Скажи ты мне, что этого не сделал». Но посадник отвечает только: «Почем ты знаешь?» Входит посадница, говоря, что от него требуют сдачи печати и казны. Является Чермный. Он отбил приступ, но отчаивается найти вора.

Посадник спрашивает жену, пойдет ли она за ним в изгнание. Та отвечает нерешительно. «А ты, Вера?» — говорит он дочери.— «Нет, у меня другое дело: когда воевода отчаивается найти виновного, так я его найду».

Оскорбление за оскорблением сыплются на посадника. Он уже подходит к валу, чтоб оставить город, когда Вере удается отыскать Наталью, которая во всем сознается перед народом. Посадник оправдан, но не хочет оставаться в Новгороде. Все упрашивают его. Входит Чермный, одержавший решительную победу над суздальцами. Затем, в намерении автора, посадник должен был умирать на сцене».

Вопрос об исторических источниках «Посадника» детально не исследован. С какими именно книгами ознакомилась по просьбе Толстого его жена, что именно, вернувшись из-за границы, прочитал он сам,— обо всем этом не сохранилось никаких точных данных. Можно, однако, утверждать, что основными источниками его сведений были первые тома «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина [1] и особенно двухтомное сочинение Н. И. Костомарова «Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада» (СПб., 1863).

Так, здесь мы находим следующие имена персонажей драмы: Вышата, Жирох, Кривцевич, Ставр, Радько, Рагуйло, Чермный и др. (Карамзин, т. 2, стр. 69, 445; т. 3, стр. 447; т. 4, стр. 315, 340; Костомаров, т.1, стр. 54, 103; т. 2, стр. 109). Здесь упоминаются также новгородские улицы—Добрынина и Люгоша (Карамзин, т. 3, стр. 482; т. 4, стр. 457), Прусские ворота (Костомаров, т. 2, стр. 6) и др. Отсюда же заимствованы, по-видимому, и сведения о «должностях» и «сословиях»: мечнике (по Карамзину, то же, что «гриден», член воинской дружины — см. т. 1, стр. 240, т. 3, стр. 198—199, 455 и др.), подвойском (должностное лицо, исполнявшее разные поручения, по словам Костомарова, являлся «гонцом с объявлением воли веча», «звал к суду» ответчика и пр.— см. т. 2, стр. 53, 54), огнищанах («высшее сословие» в Новгороде, именитые граждане — Карамзин, т. 2, стр. 44, 48; т. 3, стр. 455; Костомаров, т. 2, стр. 19—20).

Самая атмосфера древнего Новгорода и психологический облик его жителей в изображении Толстого сопоставлялись уже в научной литературе с сочинением Костомарова: изменение отношения к пользовавшемуся прежде непререкаемым авторитетом посаднику — с подчеркнутой Костомаровым переменчивостью в

---

[1] Дальше ссылки даны на 1-е издание «Истории государства Российского»: тт. 1—3, СПб., 1816; т. 4, СПб., 1817.

настроениях новгородцев, их импульсивностью и т. п.; образы клеветников Фомы Григорьевича и Жироха — с аналогичными лицами, о которых Костомаров пишет, что они созывали вече и в корыстных целях обвиняли влиятельных людей в измене; взаимоотношения «улиц» и столкновения между ними — опять-таки с тем, что об этом сообщает Костомаров.

Отметим и нечто другое, что, пожалуй, с большим основанием может быть возведено к указанным источникам. Существенное место в идейном содержании «Посадника» занимают представления новгородцев об их отношениях с князьями, их ссылки на грамоты Ярослава, установившие характер этих отношений, право не только избирать князей, но и «указывать им путь», т. е. изгонять их, если они нарушат то, что утверждено обычаем. Обо всем этом говорится на многих страницах «Истории» Карамзина (т. 2, стр. 38, 338; т. 3, стр. 11, 169, 193, 250, 391; т. 4, стр. 101, 333, 416) и сочинения Костомарова (т. 1, стр. 46, 49, 54, 59, 104, 151; т. 2, стр. 27, 187). Мы узнаем отсюда, что Новгород постоянно указывал на грамоты Ярослава как на хартию своей вольности. Пришедши в Новгород, князь давал клятву «на всей воле Новгородской и на всех грамотах Ярославлих», обязывался править и судить «по пошлине», т. е. по обычаю, на старых условиях. Новгород отдавал князьям свои земли в управление и пользование, но не в вотчину; если князь не выполнял принятых им на себя обязательств, новгородцы считали себя вправе «указать ему путь».

В драме Толстого изображены сторонники суздальского князя и их интриги против посадника и нового воеводы. Руководят ими коммерческие, торговые интересы. Карамзин отмечает, что тесная связь с суздальским князем обещала выгоды для внутренней торговли (т. 3, стр. 84), а Костомаров в ряде мест своего труда (т. 1, стр. 72—73, 78, 81, 83—84 и др.) говорит о наличии «суздальской партии» в Новгороде; нередко она приобретала большое влияние, «потому что в ней состояли богатые торговцы, которые разорялись при вражде с Суздальскою землею». «Суздальская партия» иногда захватывала руководящие посты, читаем в другом месте, и «заметно при этом играли большую роль торговые интересы».

В 1877 г. «Посадник» был поставлен в Петербурге труппой Александринского театра. Роль посадника исполнял Л. Л. Леонидов, Чермного — А. А. Нильский, Натальи — молодая М. Г. Савина, Мамелфы Дмитриевны — Е Н. Жулева. В следующем году в Малом театре посадника играл И. В. Самарин, Чермного — Н. В Васильев, Мамелфу Дмитриевну — Х. И. Таланова, а Наталью — молодая М. Н. Ермолова [1].

[1] В 1876 г., дозволяя «Посадника» для сцены, цензурное ведомство считало необходимым оговорить: «Для провинций списывать и играть не дозволяется без разрешения». Через четверть века, в 1902 г., на другом цензурном экземпляре «Посадника» сделана следующая надпись· «К представлению на сценах народных театров признано неудобным». Оба экземпляра хранятся в Театральной библиотеке им. А. В Луначарского Только в 1907 г этот запрет был отменен

Обе постановки не вызвали у публики особого интереса. Зато большой успех выпал на долю «Посадника» в первые годы Советской власти. В 1918 г. он шел в Малом театре с А. И. Южиным в роли посадника, П. М. Садовским в роли Чермного и М. Н. Ермоловой в роли Мамелфы Дмитриевны. Поставленная в то время, когда окруженная врагами Советская страна героически защищала свою свободу и независимость, драма, по свидетельству А. В. Луначарского, «всей совокупностью эмоционально художественного настроения» производила на рабочую и красноармейскую массу «неотразимое революционное впечатление». «Я никогда не забуду,— писал он,— тот спектакль, на котором весь зал был наполнен проходившим через Москву на запад полком из красноармейцев-крестьян, набранных в захолустных уездах Заволжья. С огромным, каким-то подавленным вниманием, а в решительном моменте даже со слезами, смотрели красные солдаты на внезапно раскрывшееся перед ними зрелище» [1].

Очень удачно, как спектакль о народной вольнице, был поставлен «Посадник» и в б. Александринском театре в 1922 г. Здесь посадника играли Р. Б. Аполлонский и Я. О. Малютин, Чермного — Ю. М. Юрьев, Наталью — Е. И. Тиме, Фому Григорьевича — К. Н. Яковлев, Мамелфу Дмитриевну — В. А. Мичурина-Самойлова, Веру — М. П. Домашева; декорации и костюмы были выполнены по эскизам Б. М. Кустодиева.

Действие первое. *Плотницкие.* Древний Новгород делился на пять «концов» (районов): Гончарский, Загородный, Неревский, Славенский и Плотницкий. Отсюда — «плотницкие» и ниже «славенские ребята», «гончарские». Славенский и Плотницкий концы входили в Торговую сторону, остальные три — в Софийскую. *На щит возьмут* — возьмут в плен. *Низовые.* Низовской землей новгородцы называли Суздальское княжество, а низовыми — его население. *Облежание* — осада. *Посад* — торгово-промышленная часть города за пределами крепостной стены. *Туры* — высокие корзины, наполнявшиеся землей и употреблявшиеся как прикрытие. По словам Костомарова, когда приходилось брать укрепленное место, «ставили туры на колеса, так, чтобы они были в уровень с неприятельскими стенами, и оттуда бросали через стены зажигательные снаряды» (т. 2, стр. 85). *Сиденье* — оборона. *Передние ли люди иль младшие, Чудская емь, Уличане, Степенный посадник* — см. примеч. к «Садко», т. 1, стр. 641—642. *Гуменце* — темя. *Святая София* — Софийский собор в Новгороде. *Облом* — выступ на крепостной стене. *Вежа* — башня. *Маяк* — условный сигнал. *В Свенельдов враг* — т. е. овраг. *Любские купцы* — т. е. купцы из города Любека, стоявшего во главе Ганзейского союза. *Крятун* — ворон. *Хоть выходи из сотни.* Городское население делилось на сотни; выход из сотни лишал некоторых привилегий. *Детинец* — центр города, обнесенный стеной, кремль, крепость. *Студное* — постыдное, позорное. *Обык* — обычай. *Повольники или ушкуйники* — см. т. 1, стр. 637.

---

[1] А. В. Луначарский. О театре и драматургии, т 1. М, 1958, стр. 308, статья «Староста Малого театра» (1922).

Студено море — Белое море. *Сарай* — столица татарской Золотой орды. *Корзно* — старинный плащ. *Убил бобра* — обманулся в расчетах. *Вежество* — приличие, вежливое обращение.

Действие второе. *Завалы* — наскоро устроенные заграждения из деревьев, камней и пр. для преграждения пути неприятелю. *Окруты* — одежда. *Городище* — село под Новгородом, местопребывание князя или его наместника. *Притин* — место, где ставится часовой.

Действие третье. *Вор* — здесь: обманщик, изменник. *Послух* — свидетель. *Обыск* — здесь: допрос, дознание. *Вира* — штраф за убийство по древнерусскому праву. *Опишет животы* — т. е. скот или вообще имущество. *Раскат* — насыпь или помост под валом крепости для постановки пушки.

ФАНТАЗИЯ

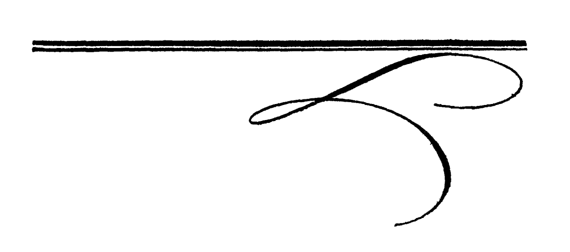
Впервые — Полн. собр. соч. Козьмы Пруткова, СПб., 1884, стр. 133—183.

«Фантазия» шла на сцене (в Александринском театре) только один раз — 8 января 1851 г. и была запрещена по распоряжению присутствовавшего на спектакле Николая I. Попытка опубликовать ее делалась В. М. Жемчужниковым в 1865 г., а затем в 1881 г. (см. Сочинения Козьмы Пруткова, М., 1955, стр. 408—409), но безуспешно.

Счастливые часов не наблюдают — цитата из «Горя от ума» Грибоедова (д. 1, явл. 3, слова Софьи). *Вот вопрос!* Ср. слова Гамлета в трагедии Шекспира: «Вот в чем вопрос» (д. 3, сц. 1). *«Frère Jacques»* — старинная французская песенка. *Брантмейстер* — брандмейстер, начальник пожарной команды. *Не щадя живота своего* — то есть своей жизни. *На Крестовском.* На Крестовском острове в Петербурге находились в то время увеселительные заведения. *«Сомнамбула»* — опера итальянского композитора В. Беллини. Словами «d'un pensiero, d'un accento» (ни мыслью, ни словом) начинается одна из арий этой оперы. *Да в пятницу как-то совестно.* Среда и пятница были у православных постными днями. *Атанде* (от франц. attendez — подождите) — термин азартной игры, обозначающий: подождите, не ставьте больше; в переносном смысле: довольно, будет с вас. *После венгерской войны.* Имеется в виду интервенция Николая I в восставшей против австрийского владычества Венгрии в 1849 г.

И. Ямпольский

Избранные письма

Ввиду недостатка места в настоящий том включена лишь небольшая часть эпистолярного наследия А. К. Толстого, в первую очередь те письма, которые характеризуют литературные, эстетические и отчасти общественные взгляды писателя, содержат сведения о творческой истории его произведений.

Далеко не все письма Толстого дошли до нас. Некоторые из них, например, письма к жене, являющиеся весьма важным источником для изучения его жизни и творчества, известны только в отрывках.

Письма расположены в хронологическом порядке и имеют общую нумерацию.

Недописанные и сокращенно написанные слова дополнены без применения угловых скобок — кроме тех случаев, когда дополнение имеет предположительный характер и возможно другое чтение. Без оговорок исправлены явные описки.

Письма на французском и немецком языках печатаются в переводах. Иноязычные вставки в русских письмах, немецкие, английские, итальянские, латинские слова и выражения во французских письмах и т. п. оставлены в тексте и переведены в примечаниях. Русские слова в иноязычных письмах (за исключением имен собственных, названий, цитат, адресов и пр.) выделены разрядкой. Пометы «перевод с французского», «перевод с немецкого» сделаны лишь в тех случаях, когда сохранились автографы или точно известно, что письмо написано на этом языке. Отсутствие такой пометы не всегда обозначает, что письмо написано по-русски. Это относится, например, к письмам к жене, подлинники которых нам неизвестны. Значительная их часть была, по-видимому, написана по-французски, причем перевод был сделан очень небрежно, но устранить стилистические погрешности и неточности мы лишены возможности.

Даты унифицированы. Они приводятся перед текстом письма справа в таком порядке: число, месяц, год и название места, откуда письмо написано. Для писем из-за границы даны двойные даты — по старому и новому стилю; для писем, написанных в России,— только по старому стилю.

В немногих случаях допущены сокращения мест, неудобных для печати. Они обозначены многоточием в угловых скобках. В угловые скобки заключены также слова, вставленные редактором.

В письмах к друзьям Толстой нередко приводил свои новые стихотворения. Они не перепечатываются в составе писем, а после заглавия или первой строки дается отсылка к соответствующей странице первого тома настоящего издания, где стихотворение помещено. Разночтения между этими двумя текстами не оговариваются.

Письма на французском и немецком языках (кроме писем к А. Губернатису и К. Сайн-Витгенштейн) переведены А. В. Федоровым, письмо к Губернатису — Н. Я. Рыковой.

Для удобства примечания даны вслед за каждым письмом.

1. С. А. МИЛЛЕР

22 августа 1851 г., Пустынька.

Я здесь с понедельника. Погода такая жаркая, что днем нельзя выходить. Должно быть, не меньше 25 градусов. Я хожу, насколько больная нога позволяет,— а вечером езжу верхом.

Сейчас только вернулся из лесу, где искал и нашел много грибов. Мы раз как-то говорили о влиянии запахов и до какой степени они могут напомнить и восстановить в памяти то, что забыто уже много лет. Мне кажется, что лесные запахи обладают всего больше этим свойством. А впрочем, может быть, мне это так кажется, потому что я провел все детство в лесах. Свежий запах грибов возбуждает во мне целый ряд воспоминаний. Вот сейчас, нюхая рыжик, я увидал перед собой, как в молнии, все мое детство во всех подробностях до семилетнего возраста.

Это продолжалось, может быть, лишь одну тысячную секунды, не больше. Всякий сорт грибов имеет свое особенное свойство, но все они меня относят в прошедшее.

А потом являются все другие лесные ароматы, например, запах моха, древесной коры, старых деревьев, молодых, только что срубленных сосен, запах в лесу во время сильного зноя, запах леса после дождя... и так много еще других... не считая запаха цветов в лесу...

2. С. А. МИЛЛЕР
(Перевод с французского)

14 октября 1851 г., Пустынька.

...Бывают минуты, в которые моя душа при мысли о тебе как будто вспоминает далекие-далекие времена, когда мы знали друг друга еще лучше и были еще ближе, чем сейчас, а потом мне как бы чудится обещание, что мы опять станем так же близки, как были когда-то, и в такие минуты я испытываю счастье столь великое и столь отличное от всего доступного нашим представлениям здесь, что это — словно предвкушение или предчувствие будущей жизни. Не бойся лишиться своей индивидуальности, а пусть бы ты даже и лишилась ее, это ничего не значит, поскольку наша индивидуальность есть нечто приобретенное нами, естественное же и изначальное наше состояние есть добро, которое едино, однородно и безраздельно. Ложь, зло имеет тысячи форм и видов, а истина (или добро) может быть только единой. Итак, если несколько личностей возвращаются в свое естественное состояние, они неизбежно сливаются друг с другом, и в этом слиянии нет ничего ни прискорбного, ни огорчительного, поскольку оно приближает нас к богу...

...Но теперь поговорим о Тургеневе. Я верю, что он очень благородный и достойный человек, но я ничего не вижу юпитеровского в его лице!..

Просто хорошее лицо, довольно слабое и даже не очень красивое. Рот в особенности очень слаб. Форма лба хорошая, но череп покрыт жирными телесными слоями. Он весь мягкий — весь такой же мягкий, как мои ногти.

Я вчера остановился, рассказывая тебе, что я видел Улыбышева [1]. Там было еще два господина... из «мира *искусства*», и они принялись обсуждать вопрос о контрапункте, в котором я, конечно, ничего не понял,— но ты не можешь себе вообразить, с каким удовольствием я вижу людей, которые посвятили себя какому-нибудь искусству.

Видеть людей, которым за 50 лет, которые жили и живут во имя искусства и которые относятся к нему

серьезно, мне доставляет всегда большое удовольствие— потому что это так резко отделяется от так называемой *службы* и от всех людей, которые под предлогом, что они служат, живут интригами, одна грязнее другой.

А у этих добрых людей, вне служебного круга — и лица другие. Так и видно, что в них живут совсем другие мысли, и, смотря на них, можно отдохнуть.

Не хочется мне теперь о себе говорить, а когда-нибудь я тебе расскажу, как мало я рожден для служебной жизни и как мало я могу принести ей пользы.

Я родился художником, но все обстоятельства и вся моя жизнь до сих пор противились тому, чтобы я сделался *вполне* художником.

Вообще вся наша администрация и общий строй — явный неприятель всему, что есть художество,— начиная с поэзии и до устройства улиц...

Я никогда не мог бы быть ни министром, ни директором департамента, ни губернатором. Я делаю исключение только для службы в министерстве народного просвещения, которая, может быть, могла бы мне подойти — но к этому мы вернемся позже.

Я не вижу, отчего с людьми не было бы того же самого, что и с материалами.

Один материал годен для постройки домов, другой— для делания бутылок, третий — для изделия одежд, четвертый — для колоколов... но у нас камень или стекло, ткань или металл — все полезай в одну форму, в служебную!.. Иной и влезет, а у другого или ноги длинны, или голова велика — и хотел бы, да не впихаешь!

И выходит из него черт знает что такое.

Это люди или бесполезные, или вредные, но они сходят за людей, отплативших свой долг отечеству,— и в этих случаях принята фраза: «Надобно, чтобы каждый приносил по мере сил пользу государству».

Те же, которые не служат и живут у себя в деревне и занимаются участью тех, которые вверены им богом. называются праздношатающимися или вольнодумцами. Им ставят в пример тех полезных людей, которые в Петербурге танцуют, ездят на ученье или являются каждое утро в какую-нибудь канцелярию и пишут там страшную чепуху.

Что до меня касается, я не думаю, чтобы я мог быть хорошим сельским хозяином,— я сомневаюсь, чтобы я сумел поднять ценность имения, но мне кажется, что я мог бы иметь хорошее влияние нравственное на моих крестьян — быть по отношению к ним справедливым и отстранять всякие вредные возбуждения, внушая им уважение к тому же правительству, которое так дурно смотрит на людей не служащих.

Но если ты хочешь, чтобы я тебе сказал, какое мое настоящее призвание,— *быть писателем.*

Я еще ничего не сделал — меня никогда не поддерживали и всегда обескураживали, я очень ленив, это правда, но я чувствую, что я мог бы сделать что-нибудь хорошее,— лишь бы мне быть уверенным, что я найду артистическое эхо,— и теперь я его нашел... это ты.

Если я буду знать, что ты интересуешься моим писанием, я буду прилежнее и лучше работать.

Это — поприще, в котором я, без сомнения, буду обречен на неизвестность, по крайней мере, надолго, так как те, которые хотят быть напечатаны теперь, должны стараться писать как можно хуже — а я сделаю все возможное, чтобы писать хорошо... С раннего детства я чувствовал влечение к художеству и ощущал инстинктивное отвращение к «чиновнизму» и — к «капрализму».

Я не знаю, как это делается, но большею частью все, что я чувствую, я чувствую художественно.

Я рожден художником не только для литературы, но и для пластических искусств.

Хотя я сам ничего не могу сделать как живописец, но я чувствую и понимаю живопись и скульптуру также. Часто я сам себе говорю, смотря на картину: «Господи, если бы я мог это сделать... насколько бы я еще лучше сделал».

Музыка одна для меня недоступна; это — великолепный рай, который я вижу издали, который я отгадываю и вокруг которого я хожу — но не могу взойти в него.

...Так знай же, что я *не чиновник, а художник.*

. . . .

[1] Улыбышев А. Д. (1794—1858) — музыкальный критик, автор книги о Моцарте.

3. С. А. МИЛЛЕР

(Перевод с французского)

1851

...У меня столько противоречивых особенностей, которые приходят в столкновение, столько желаний, столько потребностей сердца, которые я силюсь примирить, но сто́ит только слегка прикоснуться, как все это приходит в движение, вступает в борьбу; от тебя я жду гармонии и примирения всех этих потребностей. Чувствую, что никто, кроме тебя, не может меня исцелить, ибо все мое существо растерзано. Я, как мог, зашивал и подправлял все это, но много еще надо переделывать, менять, заживлять. Я живу не в своей среде, не следую своему призванию, не делаю то, что хочу, во мне — полный разлад, и в этом, может быть, секрет моей лени, потому что я, в сущности, деятелен по природе... Те элементы, из которых составилось мое существо, сами хороши, но взяты они были наудачу и пропорции — не соблюдены. Ни в моей душе, ни в моем уме нет балласта. Ты должна вернуть мне равновесие... В твоем дневнике я нашел такие строки: «Для достижения истины надо раз в жизни освободиться от всех усвоенных взглядов и заново построить всю систему своих знаний». С какою бы радостью я при твоей помощи потрудился над этой перестройкой. Я — словно какой-нибудь сарай или обширная комната, полная всяких вещей, весьма полезных, порой — весьма драгоценных, но наваленных кое-как одна на другую; с тобой я и хотел бы разобраться и навести во всем этом порядок.

4. С. А. МИЛЛЕР

(Перевод с французского)

1851

...Есть такие муки и такие желания, которые нельзя выразить словами; всякое слово кажется мне мертвым, все, что я мог бы сказать, кажется мне слишком слабым. Друг мой, на душе у меня тяжело, я приехал с бал-

маскарада, где был не по своей охоте, а только из приличия — ради великого князя, которого видел нынче утром. Отправился я к половине двенадцатого, чтобы вернуться, как только повидаю великого князя. А он только что пригласил меня отужинать у него в половине второго; я второпях заехал домой, чтобы побеседовать с тобою в этом промежутке.

Как мне было там грустно! Не езди никогда на эти противные балы-маскарады!

Мне так бы хотелось освежить твое бедное сердце, так бы хотелось дать отдохнуть тебе от всей твоей жизни! Бедное дитя, с тех пор, как ты брошена в жизнь, ты знала только бури и грозы[1]. Даже и в самые лучшие минуты, те, когда мы находились вместе, тебя волновали какая-нибудь неотвязная забота, какое-нибудь предчувствие, какое-нибудь опасение.

Когда я об этом думаю, мне видится домик, полускрытый деревьями, видится деревня, слышатся звуки твоего рояля и этот голос, от которого я сразу же встрепенулся. И все, что противостоит этой жизни, спокойной и благостной, *вся сутолока света, честолюбие, тщеславие* и т. д., все искусственные средства, нужные для того, чтобы поддерживать в ущерб совести это неестественное существование, все это возникает передо мной вдалеке, как бы в недобром тумане, и я словно слышу твой голос, проникающий мне прямо в душу: «Я навсегда отказываюсь от этого ради любви к тебе». И тогда мной овладевает чувство безраздельного счастья, и слова, сказанные тобой, звучат и отдаются в моей душе, как уверение, что отныне ничто не может причинить тебе зла, и я понимаю тогда, что все это счастье, созданное мечтой, этот домик, эта благостная и спокойная жизнь, все это — в нас самих. *Это твое сердце поет от счастья, а мое его слушает*, а так как все это — в нас самих, то его у нас и нельзя отнять, и даже среди мирской суеты мы можем быть одни и быть счастливыми. Характер у меня — с надрывом, он чувствителен к малейшему прикосновению, но мелочности в нем нет — даю тебе слово.

...Я вернулся с вечера; сейчас половина третьего утра. Если это будет часто повторяться, я только еще сильнее стану жалеть о жизни в Смалькове[2], для которой я, в сущности, как будто и создан. В этом смысле

я никогда не испытывал разлада с самим собой, ибо, хотя и считая этикет вещью необходимой для многих случаев, всегда хотел, чтобы он существовал, но за пределами моей жизни. Даже в самом разгаре моих аристократических увлечений я всегда желал для самого себя простой деревенской жизни...

[1] Речь идет о тяжелых переживаниях Софьи Андреевны до ее встречи с Толстым: романе с кн. Вяземским, из-за которого один из ее братьев был убит на дуэли с ним; затем о неудачном браке с конногвардейским полковником Л. Ф. Миллером. О том же—в стих. «Слушая повесть твою, полюбил я тебя, моя радость!..»

[2] Смальково — имение брата Софьи Андреевны, П. А. Бахметева, в Саранском уезде, Пензенской губернии.

5. С. А. МИЛЛЕР

6 октября 1852 г., Пустынька.

Я прочел моей матери весь второй том «Записок охотника» [1], которые она прослушала с большим удовольствием. В самом деле, очень хорошо,— без окончательной формы... оно как-то переходит из одного в другое и принимает всевозможные формы, зависящие от настроения духа, в котором находишься... Мне напоминает это какую-то сонату Бетховена... что-то деревенское и простое...

...Какую великолепную вещь он мог бы сделать из Чертопханова! [2] Если бы только он разработал этот характер артистично, не удовлетворяясь лишь одним наброском, он мог бы совершить литературный и философический фокус,— он мог бы заставить всех преклоняться перед человеком без воспитания, неумным, грубым, грязным, пьяным, вращающимся в кругу неинтересном... Он мог бы возбудить к этому человеку общий энтузиазм...

Что до меня касается, я восхищался этим человеком — таким, каким он его сотворил,— одна только «присядка» в конце мне испортила картину.

Чертопханов может быть пьян и груб, но он не должен плясать, ему это не идет.

Когда я встречаю что-нибудь подобное,—я чувствую, что энтузиазм подымается к голове, по спинному хребту, так же, как когда я читаю прекрасные стихи. Многие из его характеров — драгоценные камни, но не обтесанные.

Мой ум медлен и находится под влиянием моих страстей, но он справедлив.

Думаешь ли ты, что из меня что-нибудь когда-нибудь выйдет?

И что́ может когда-нибудь из меня выйти?

Если бы дело было только в том, чтобы взять в руки факел и поджечь пороховую мину и себя взорвать вместе с нею, я сумел бы это сделать; но столько людей сумели бы также это сделать... Я чувствую в себе сердце, ум — и большое сердце, но на что оно мне?

Но у меня тоже есть луч света впереди, и мне всегда казалось, что я предназначен для чего-нибудь.

Андрей Шенье тоже это думал, но он ошибся [3], так же, как, может быть, и я ошибаюсь.

В этом луче света я всегда предвидел большую способность самоотвержения,— но во имя чего? В пользу кого? Не знаю...

[1] В 1852 г. «Записки охотника» вышли отдельным изданием в двух томах.

[2] Речь идет о рассказе «Чертопханов и Недопюскин».

[3] Об А. Шенье см. т. 1, стр. 660. Вероятно, Толстой имел в виду следующий факт. Поднявшись на эшафот, Шенье ударил себя по лбу и сказал: «Pourtant j'avais quelque chose là» («А все же у меня там кое-что было»).

6. С. А. МИЛЛЕР

(Перевод с французского)

6 января 1853 г.

...Подумай, что до 36 лет мне было некому поверять мои огорчения, некому излить мою душу. Все то, что печалило меня,— а бывало это часто, хотя и незаметно для посторонних взглядов,—все то, чему я хотел бы найти отклик в уме, в сердце друга, я подавлял в самом

себе, а пока мой дядя [1] был жив, то доверие, которое я питал к нему, сковывалось опасением его огорчить, порой — раздражить и уверенностью, что он будет со всем пылом восставать против некоторых идей и некоторых устремлений, составлявших существо моей умственной и душевной жизни. Помню, как я скрывал от него чтение некоторых книг, из которых черпал тогда свои *пуританские* принципы, ибо в том же источнике заключены были и те принципы свободолюбия и протестантского духа, с которыми бы он никогда не примирился и от которых я не хотел и не мог отказаться. От этого происходила постоянная неловкость, несмотря на то огромное доверие, которое у меня было к нему.

[1] А. А. Перовский (1787—1836). См. о нем во вступит. статье, т. 1, стр. 5.

7. С. А. МИЛЛЕР

31 июля 1853 г., Петербург.

...Есть эпоха моей жизни, о которой я тебе никогда не говорил или говорил поверхностно; это — *артистическая* эпоха моей жизни — *мой XVI-й век.*

Не знаю почему, но мне хочется говорить о ней сегодня. Мне было 13 лет, и мы были в Италии [1].

Ты не можешь себе представить, с какою жадностью и с каким чутьем я набрасывался на все *произведения искусства.* В очень короткое время я научился отличать прекрасное от посредственного, я выучил имена всех живописцев, всех скульпторов и немного из их биографии, и я почти что мог соревновать с знатоками в оценке картин и изваяний.

При виде картины я мог всегда назвать живописца и почти никогда не ошибался.

Я до сих пор ощущаю то лихорадочное чувство, с которым я обходил разные магазины в Венеции. Когда мой дядя [2] торговал какое-нибудь произведение искусства, меня просто трясла лихорадка, если это произведение мне нравилось.

Не зная еще никаких интересов жизни, которые впоследствии наполнили ее хорошо или дурно, я сосредоточил все свои мысли и все свои чувства на любви к искусству.

Эта любовь превратилась во мне в сильную и исключительную страсть.

Я жил всецело в веке *Медичи*[3], и я принимал к сердцу произведения этого столетия так же, как мог это сделать современник Бенвенуто Челлини[4].

С тех пор я сильно изменился, я заснул на этом, как на многих других вещах,— но разве есть возможность остаться художником при той жизни, которую мы ведем? Я думаю, что нельзя быть *художником одному, самому по себе*, когда нет художников среди окружающих вас...

Энтузиазм, каков бы он ни был, скоро уничтожается нашими условиями жизни; но тогда я не знал этих условий и вполне отдавался своему энтузиазму.

В Венеции жил молодой *граф Гримани*, единственный наследник семьи. Он разорился, как большинство венецианских аристократов, и продавал свой дворец целиком и частями.

Дворец был наполнен самыми прекрасными вещами на свете, но уверяю тебя, что, несмотря на надежду приобрести некоторые из них, мне было тяжело видеть эту разоренную семью, принужденную продавать своих предков, писанных во весь рост Тицианом, Тинторетто и другими.

Когда мы отправлялись в гондоле во дворец Гримани и когда мы проезжали мимо других дворцов, одинаково разрушенных, владельцы которых одинаково были разорены и в долгах, я ощущал смешанное чувство уважения, восхищения, жалости и алчности, так как тогда существовало во мне чувство собственности, которое я с тех пор совершенно утратил.

Моя алчность была, главным образом, возбуждена великолепною мраморною головой фавна, самого *Микеланджело*, удостоверенной столько же традициями, как и документами семейства Гримани, находившимися у них несколько веков.

Эта голова, немного больше натуральной величины, не имела ничего кривляющегося — это был красивый,

молодой фавн, улыбающийся, немного слишком материальный и напоминающий, в очень красивом виде, лицо Рубинштейна [5].

Он находится теперь в доме Бутурлиных на Почтамтской; очень дурно стоит и очень дурно освещен.

Когда после многих переговоров, которые заставляли мое сердце биться, в один прекрасный день торг был заключен, нам принесли фавна и много других художественных произведений в гостиницу, где мы жили, между прочим портрет дожа Антония Гримани в натуральную величину, писанного Тицианом, я не могу тебе рассказать, что́ со мной произошло... я прыгал, плакал от радости.

Бюст фавна поставили на пол — я целыми часами лежал около него, я пытался поднять его, мне хотелось знать, могу ли я его спасти в случае пожара; как только у меня была свободная минута, я бежал к нему... я не верил своему счастью...

Даже теперь, когда я вспоминаю об этом, мое сердце слегка волнуется. Какая красивая вещь этот фавн,— одна из самых красивых, которые я когда-либо видел! [6]

Когда я рассказываю тебе про Венецию, все эти воспоминания встают передо мной одно за другим; мне кажется, я слышу шум, с которым укладывались гондольерами весла в гондолу, когда подходили к какому-нибудь дворцу,— когда гребут, весла у них совсем не шумят,— мне кажется, я чувствую запах в каналах. дурной запах, но напоминающий хорошую эпоху моей жизни!..

Я думаю, что, если бы я поселился в Италии или где-нибудь в другом месте, но окруженный людьми, *любящими искусство*, я мог бы вернуться к тому, к чему я был предназначен.

Но как работать для искусства, когда слышишь со всех сторон слова: *служба, чин, вицмундир, начальство* и тому подобное?

Как быть поэтом, когда совсем уверен, что вас никогда не напечатают и вследствие того никто вас никогда не будет знать?

Я не могу восторгаться вицмундиром, и мне запрещают быть художником; что мне остается сделать, если не

заснуть? Правда, что *не следует* засыпать и что нужно искать другой круг деятельности, более полезный, более, очевидно, полезный, чем искусство; но это перемещение деятельности труднее для человека, родившегося художником, чем для другого...

[1] Сохранился дневник Толстого, в котором отражены его итальянские впечатления. См. Собр. соч., т. 4, М., 1964, стр. 7—36.

[2] А. А. Перовский.

[3] Медичи — флорентийский род, правивший во Флоренции с середины XV до середины XVIII в. (с перерывами).

[4] Челлини Б. (1500—1571) — итальянский скульптор и медальер.

[5] По-видимому, речь идет о композиторе и пианисте А. Г. Рубинштейне (1829—1894).

[6] Впоследствии Толстой узнал, что эта скульптура только приписывается Микеланджело (см. письмо № 68). Действительно, голова смеющегося сатира (или фавна) принадлежит не Микеланджело, а Б. Бандинелли.

8. С. А. МИЛЛЕР

3 ноября 1853 г.

...Я очень грустен, и я скучаю, насколько мое горе мне это позволяет.

...Работать мне слишком трудно... может быть, я мог бы писать смешные вещи, но ничего не могу писать такого грустного и серьезного, как моя душа теперь.

Я понимаю, отчего натуры такие глубоко печальные, как Мольер и Гоголь, могли быть такими комиками. Чтобы хорошо передать что-нибудь, хорошо оценить, нужно быть вне этого, так же как надо выйти из дому, чтобы срисовать фасад дома...

Мой двоюродный брат [1] приехал из Малороссии и привез с собой такие великолепные национальные мотивы! Они мне перевернули сердце...

...Никакая национальная музыка не выразила свою народность с таким величием и силой, как малороссий-

ская музыка, даже лучше великороссийской, которая так выразительна.

Слушая ее, ты бы постепенно видела открывающуюся перед тобой всю историю Малороссии, ты бы лучше поняла характер народностей, чем читая Гоголя или Конисского [2].

Это — резкие и неожиданные ощущения, которые иногда испытываешь и которые открывают перед нами горизонт, о котором мы не подозревали или который мы совсем забыли... Он пел без всякого аккомпанемента.

Если бы мне оставалось только десять лет жизни, я бы охотно отдал половину, чтобы обладать красивым голосом или большим музыкальным талантом.

[1] Художник Л. М. Жемчужников (1828—1912).

[2] Конисский Г. (1717—1795)—белорусский архиепископ, писатель; ему ошибочно приписывалась «История русов».

9. С. А. МИЛЛЕР

15 ноября 1853 г., Петербург.

Я оставил мать в Михайловском театре, где Рашель играет *Адриенн Лекуврер* [1], и я пришел поговорить с тобой...

Я вообще нахожу Рашель невыносимой и игру ее фальшивой и аффектированной; к тому же она окружена толпой негодяев, которые играют еще хуже ее.

В самом деле удивительна ее репутация.

Деланные эффекты, модуляции голоса, то умирающие, то крикливые, всегда подготовленные заранее, всегда фальшивые интонации, предназначенные, чтобы вырвать аплодисменты, и которые, по-моему, вызывают их точно из милости,— все это мне надоело и действует мне на нервы...

[1] Рашель (1820—1858) — французская трагическая артистка. Речь идет о пьесе Э. Скриба и Э. Легуве «Адриенна Лекуврер»

10. С. А. МИЛЛЕР

23 июня 1854 г., Петербург.

...Я провожу все время с Бобринским. Мы бегаем по городу, ходим к оружейникам, ищем парохода, которого найти не можем, но без которого обойдемся, ежели не найдем; но в этом случае наши действия будут затруднительнее и будут зависеть от случайности [1]...

Англичане, удалившиеся от Кронштадта, вернулись на расстояние 60-ти верст, в числе 6-ти судов.

Некоторые из наших думают, что они атакуют Кронштадт послезавтра, в день рождения государя, но мне это кажется невероятным [2].

Бобринский только что уехал в Тулу, чтоб наблюдать и торопить исполнение заказанных нами ружей... Я сейчас еду в Царское, чтоб хлопотать опять о наших делах, требующих большой предосторожности, ввиду того что мы не хотим действовать официально, боясь отказа или зачисления в какой-нибудь полк.

Я должен тебе сказать, что все наши люди будут именоваться матросами яхт-клуба и всякое действие с англичанами сойдет за случайную встречу; иначе мы найдем препятствие и противодействие со стороны властей. Сегодня вечером я еду в Петербург, и в следующем письме я опишу тебе проект нашего будущего отряда.

[1] Толстой вместе со своим приятелем А. П. Бобринским (1826—1890), впоследствии министром путей сообщения, предполагал организовать партизанский отряд для борьбы с ожидавшимся на балтийском побережье английским десантом. Затем план их изменился: они намеревались приобрести судно и вести войну против английского торгового флота под флагом петербургского яхт-клуба. Так как каперская война, согласно международным договорам, к тому времени была запрещена, план держался в тайне. Но то ли потому, что он получил огласку, то ли по другим причинам, осуществить его не удалось. В конце марта 1855 г. Толстой был зачислен в «Стрелковый полк императорской фамилии» в чине майора.

[2] Атака Кронштадта не была предпринята англичанами.

11. С. А. МИЛЛЕР

8 января 1855 г., Петербург.

...Еще 15 сестер милосердия заболели тифом... Завтра я поеду к цесаревичу; может быть, я узнаю еще что-нибудь про Севастополь... Пока могу тебе только сказать, что все находится в том же положении, но число французских перебежчиков увеличивается с каждым днем. Зуавы перебегают к нам в большом количестве, особенно с тех пор, как французское правительство выдало им полушубки. Они находят, что это — самый подходящий костюм, чтобы покидать свой лагерь.

Один из наших солдат, после продолжительного боя на штыках с англичанином, будучи ранен сам и видя своего врага раненым, сказал ему: «Комрад, комензи, бивштекс!» [1] — после чего они, поддерживая друг друга, пришли на русский перевязочный пункт, где их поместили рядом и где они стали лучшими друзьями.

Зуав писал своим родителям: «Милые родители, я пишу вам из Севастополя. „А! Севастополь, значит, взят!" — скажете вы. Вовсе нет, это я взят. „Ах, несчастный!" — скажете вы. Вовсе нет, я гораздо счастливее, чем у себя в лагере...»

Я пишу тебе анекдоты, а сердце мое обливается кровью...

Я прочел «Кто виноват» [2], которое одолжил мне Маркевич; это — замечательная повесть, прелестная, одно из тех произведений, которое останется навсегда и которое не может пройти незамеченным, так как оно все написано одним сердцем.

Стиль очень плохой (в смысле синтаксиса)... На всякой странице встречаются qui pro quo [3] — смешные двусмысленности... Но как чувство — очень хорошо, и злоба, которая высказывается в книге, окупается сердечною глубокостью; есть там тоже много вульгарностей, но все это искупается цельностью, которая великолепна...

Этот человек глубоко чувствует то, что он пишет... И название его повести может быть применимо ко многим другим положениям...

Рядом с такими пошлыми и вульгарными людьми есть такие благородные, такие хорошие, такие *правдивые* характеры!..

В самом деле, отличная книга!..

Насколько Писемский, Достоевский и все эти писатели *натуральной школы* скучны и утомительны сравнительно с этой книгой!

Тургенев, который гораздо тоньше и обработаннее в своих произведениях, ничего не написал такого, что стоило бы этой повести. Что касается до нынешней *натуральной школы*, это — просто дурной хлам, инвентарий мебели и пустые разговоры; просто жалко! и я не могу присутствовать при таких чтениях, не зевая... [4]

Я был сегодня вечером у Петра Шувалова, который увлек меня в свою ложу слушать второй акт «Гугенотов» [5]. Очень было прекрасно, но, к сожалению, я должен тебе сказать, что Тамберлик оказался гораздо ниже Марио... в сцене дуэли, единственной, которую я видел... [6]

[1] Товарищ, пойдемте, бифштекс! (*искаж. нем*).

[2] Роман А. И. Герцена.

[3] Путаница, недоразумение (*лат*), выражающиеся в том, что одни лица, вещи или понятия принимаются за другие.

[4] Об эстетических взглядах Толстого см. вступит. статью в т. 1.

[5] Опера Д. Мейербера.

[6] Э. Тамберлик (1820—1889) и Д. Марио (1812—1883) — итальянские певцы. Марио гастролировал в Петербурге в 1849 г.

12. С. А. МИЛЛЕР

26 августа 1856 г., Москва.

...Все для меня кончено, мой друг, сегодня моя судьба решилась; сегодня — день коронации... В этой общей тьме одна мысль является передо мной лучом света; может быть, я сумею из этой ночи, в которой все должны ходить с закрытыми глазами и заткнутыми ушами, вывести на божий свет какую-нибудь правду, идя *напролом* и с мыслью, что *пан или пропал!* [1]

Но если положительно я увижу, что в будущем я ничего не могу сделать,— мне кажется, будет грешно перед самим собой продолжать жизнь в направлении, диамет-

рально противном своей природе, и тогда, вернувшись к собственной жизни, я начну в 40 лет то, что я должен был начать в 20 лет, т. е. жить по влечению своей природы...

Я знаю, что может быть полезно даже ради истины лавировать и выжидать, но я не довольно ловок для этого: всякий должен лишь действовать по своим *дарованиям,* как говорит Deerslayer;[2] в моих дарованиях я чувствую только одну возможность действовать — *идти прямо к цели.* Чем скорее я пойму возможность или невозможность мне быть полезным, тем будет лучше.

Что я грустен, более чем когда-либо, нечего тебе и говорить!..

[1] В день коронации Александра II Толстой был произведен в подполковники и назначен флигель-адъютантом. Он пытался уклониться от этого назначения, но это ему не удалось.

[2] Deerslayer (буквально: охотник на оленей) — герой одноименного романа Ф. Купера, известного в русских переводах под заглавием «Зверобой».

13. С. А. МИЛЛЕР

7 сентября 1856 г., Москва.

...Я был сегодня утром у *Хомякова,* у которого я нашел *Константина Аксакова,*— достойный человек, которого я люблю всем сердцем,— и был еще там маленький Попов; говорят, что он славянофил [1].

Ты не можешь себе вообразить, как мое самолюбие было польщено всем тем, что они мне сказали насчет моих стихотворений... Хомяков мне сказал, что он, прочитав «Спесь» и «Колокол» [2], хотел мне написать письмо,— и они прибавили: «Ваши стихи такие самородные, в них такое отсутствие всякого подражания и такая сила и правда, что если бы Вы не подписали их, мы бы приняли их за старинные народные».

Эти слова для меня — самая лучшая хвала, которую я мог бы пожелать, и они не эти только два стихотворения хвалили.

Аксаков, увидав меня, бросился мне на шею.

Вообще меня гораздо больше знают в Москве, чем ты думаешь, и люди, которых я очень мало знаю и даже совсем не знаю, спрашивали меня:

«Вы ли тот, который написал то или другое стихотворение?»

Как объяснить потребность писать, которая мною овладевает, именно когда мне всего меньше времени и возможности писать?

...Все, что я чувствую, все, что я думаю,— я все выражаю в стихах...

...Если успею, напишу завтра несколько слов — я выхожу из дому в 8 утра, потом опять в 12 часов. Завтра народный праздник, чрезвычайно серьезное дело — я поговорю о нем с тобой в будущий раз... [3]

[1] Хомяков А. С. (1804—1860) — поэт, публицист, философ; Аксаков К. С. (1817—1860) — поэт, критик, филолог, публицист; теоретики славянофильства. Попов А. Н. (1820—1877)—историк; был близок к славянофилам.

[2] Речь идет о стих. «Ходит Спесь...» и «В колокол, мирно дремавший, с налета тяжелая бомба...»

[3] Имеется в виду празднество по поводу коронации Александра II.

14. С. А. МИЛЛЕР

(Перевод с французского)

6 октября 1856 г., Петербург.

...Знаешь,— хотя это приятно и хорошо, но мне часто мешает легкость, с которой мне дается стихотворство; когда я что-нибудь пишу, у меня всегда складываются 3—4 редакции той же мысли, той же картины, и мне нужно было бы *свежее ухо*, чтобы выбрать одну из редакций той же самой вещи,— и чем больше мне нравится мысль или картина, тем более я ее меняю и исправляю, так что иногда *теряю чутье суждения*.

Сегодня с утра я уже переменял и изменял «Ветку акации» так много, что я уже не знаю, что надо оставить и что надо выбросить из разных вариаций, которые

я написал; [1] когда лист бумаги исписан и весь перечеркнут, я переписываю заново, начисто, и через несколько времени новый лист так же перемаран и перечеркнут, как первый...

...У меня есть еще несколько вещей, относящихся к Крыму, которые я начал во время нашего путешествия. Одни хорошие, другие слабые, но они все добавляют цельность картины, и оттого я не решаюсь их уничтожить...

Я уже лег было и читал спокойно повесть Тургенева [2], но мне опять захотелось тебе писать... Я ощущаю такую потребность говорить с тобой о искусстве, о поэзии, поделиться с тобой всеми моими мыслями и теориями о искусстве, которые движутся в моем воображении.

Все это я чувствую ясно, но не умею ясно выразить; знаешь, что́ я тебе говорил про стихи, витающие в воздухе, и что достаточно их ухватить за один волос, чтобы привлечь их из первобытного мира в наш мир... Мне кажется, это также относится к музыке, к скульптуре, к живописи.

Мне кажется, что часто, ухватившись за маленький волосок этого древнего творчества, мы неловко дергаем, и в руке у нас остается нечто разорванное или искалеченное или изуродованное, и тогда мы дергаем и дергаем снова обрывок за обрывком, а потом пытаемся склеить их вместе или то, чего недостает, заменяем собственными измышлениями, подправляем то, что сами напортили своей неловкостью, и отсюда — наша неуверенность и наши недостатки, оскорбляющие художественный инстинкт... Чтобы не портить и не губить то, что мы хотим внести в наш мир, нужны либо очень зоркий взгляд, либо совершенно полная отрешенность от внешних влияний, великая тишина вокруг нас самих и сосредоточенное внимание, или же любовь, подобная моей, но свободная от скорби и тревог.

Тургенев написал повесть, которую я тебе пришлю и задача которой мне кажется легче исполнения; говорится в ней о женщине 28 лет, богато одаренной природой, но которая из-за своего воспитания жила всегда далеко от всякого художественного занятия и всякого чтения, возбуждающего воображение, и которой в 28 лет читают

в первый раз «Фауста», о котором она никогда ничего не слыхала и никакого понятия не имела, так же как и о Гёте.

...Я не знаю еще, чем это кончится, но развитие ее врожденных артистических чувств, которые вдруг просыпаются, довольно слабо описано...

Повесть Тургенева... вроде его апельсина в «Трех встречах».

Ты не знаешь, как хорошо я себя чувствую, как хорошо любится и разные вещи пишутся.

Я начал одну вещь, в которой я говорил об óбразах, витающих в воздухе... [3]

Очень странно развивать теорию в стихах, но я думаю, что это мне удастся.

Так как этот сюжет требует много анализа, я выбрал гекзаметр — самые легкие стихи... а вместе с тем это стихотворение дает мне много труда,— так легко впасть в педантизм.

Неужто я себя чувствую больше поэтом и художником с тех пор, как я ношу платье антихудожественное и антипоэтическое?

[1] Речь идет о стих. «Ты помнишь ли вечер, как море шумело...» (из цикла «Крымские очерки»). См. т. 1, стр. 98. Известны четыре автографа этого стихотворения.

[2] «Фауст» («Современник», 1856, № 10).

[3] Стих. «Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты создатель...».

15. С. А. МИЛЛЕР

26 октября 1856 г.

...Я лег и стал читать «Онегина». ...Многие страницы были давно мне знакомы, но в этот раз они мне так понравились, что я невольно сказал несколько раз: «Как прекрасно! как хорошо!» ...А когда я дошел до описания зимы в деревне, у меня брызнули слезы из глаз...

Мои так часто льющиеся слезы, может быть, слабость с моей стороны, и с другими это бывает лишь в минуты экзальтации, больших возбуждений, в минуты апо-

геи любви и т. д.,— но что же мне делать, если всякая минута моей жизни проходит в экзальтации и апогее! [1]

[1] Через месяц, 25 ноября 1856 г., Толстой писал Софье Андреевне: «*Я всегда рад признаваться в своих ошибках: вообрази* себе, что я стал энтузиастом Пушкина,— не всего, но известной категории его стихотворений».

16. С. А. МИЛЛЕР

1 декабря 1856 г.

...Чем ближе я всматриваюсь в дело Комитета [1], тем сильнее я чувствую, что моя совесть смущена, и тем яснее я вижу, откладывая всякие соображения в сторону, что я не создан для такой службы. Несмотря на это, я не могу все это оставить, прежде чем во все вполне окунуться, чтобы иметь право удалиться, вполне зная, в чем дело. Это — такое дело, в котором не видишь ясно дороги, по которой следует идти. Мне невозможно выразиться понятнее в письме. Но в этом случае я не согласен с самим собою, и бог знает, достигну ли я этого примирения!..

Если бы, например, меня употребили на дело освобождения крестьян, я бы шел своей дорогой, с чистою и ясною совестью, даже если бы пришлось идти против всех. Но в этом деле, в котором я нахожусь,— совсем не то, и не могли сделать худшего выбора.

Бог со всем этим, *что будет, то будет!..*

...Всякий день я сильнее убеждаюсь, что моя жизнь пошла по неверному пути и что все мои мысли, 20 лет тому назад, были справедливы, по крайней мере, что касается самого себя... Если я буду призван дать совет Юрию [2], я дам ему совет следовать своему призванию, если у него такое будет, и не ломать своей природы... Но в этом он счастливее меня,— никто и не подумает навязывать ему искусственную природу.

[1] В октябре 1856 г. Толстой, несмотря на его возражения, был назначен делопроизводителем «Секретного комитета о раскольниках» и исполнял эти обязанности до весны 1858 г.

[2] Ю. П. Бахметеву, племяннику Софьи Андреевны.

17. Н. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

28 ноября 1858 г., Погорельцы.

Любезный друг, во-первых, постарайся приехать; от Москвы всего много-много 500 верст, да и того не будет. Я зову всех твоих братьев (моих двоюродных). Чего доброго, приедет и Владимир [1]. Во-вторых, будучи в Чуфут-Кале, я возобновил знакомство с одним из образованнейших и приятнейших людей, а именно с караимским раввином Беймом. Он написал историю караимов и хотел печатать оную в Симферополе. История эта чрезвычайно любопытна и беспристрастна и служит лучшим ответом на другую историю, недавно явившуюся и раскритикованную в «Атенее». Я ему советовал послать свой труд прямо к тебе и печатать его в университетской типографии, для чего и дал ему твой адрес. Итак, когда получишь рукопись, тисни ее без пощады [2]. Если бы недоставало у него финансов, я рад буду подвинуть (avancer) сотни две рублей, разумеется, чем меньше, тем лучше.

А между тем все-таки приезжай, если не можешь зимой, то приезжай весной, а еще бы лучше приехать зимой и встретить здесь весну. Погорельцы — одно из самых диких, тенистых и оригинальных мест, с сосновым бором, огромным озером, заросшим камышами, где весной миллионы уток и всякой болотной дичи, которую стреляют на лодках. Дом старый, полуразрушенный, но теплый. Сад заросший, с огромными деревьями всех сортов. Домов в кучке здесь четыре, двор также покрыт старыми деревьями вроде леса. Здесь очень большая и даже хорошая библиотека, но книги большею частью старинные; есть хорошие и редкие издания, как, например, большое описание Египта, составленное по распоряжению Наполеона [3], и множество очень старинных книг о магии. Из флигеля, в котором они были, мы переносим их в спальную Софьи Андреевны, где они покроют все стены. Столько же книг, и, кроме того, древние рукописи есть и в Красном Рогу, отсюда 120 верст, но я не решился их выписать, потому не знаю, уместятся ли. Охота теперь: козья, медвежья, лосиная и кабанья, не считая лисиц, волков, тетеревей, куропаток и огромного коли-

чества рябчиков. Я выписал польского ловчего, немцев заткнет за пояс, хотя и не поет: «Es kann doch nicht immer so bleiben hier unter dem scheinenden Mond!»[4] Он даже совсем не поет, ниже[5] по-польски. Из Погорелец можно ездить всякий день в новое красивое место; есть и хутора, есть и Блистова, другое лесистое, дикое и сильно симпатическое место, 40 верст отсюда. Скажу тебе, Николаюшка, приезжай, жалеть не будешь. Есть здесь отвратительная соседка, которая, кажется, ездить больше к нам не будет, ибо не встретила в нас сочувствия своему образу мыслей, который состоит в том, что она, со слезами на глазах, соболезнует о том, что разрушается союз любви и смирения и страха между помещиками и мужиками через уничтожение крепостного состояния. У нее есть кошка, вся избитая ее крепостными людьми, за то, говорит она, что они знают ее к ней привязанность. У нее также есть сын, отличный, говорящий в присутствии матери в пользу освобождения; при чем он сильно кричит, а она затыкает уши, говоря: «Ах, ах, страшно слышать!» Я звал его к нам почаще, но, кажется, его не пускает мать. Если приедет Алексей, я ожидаю большого наслаждения от визита, который уговорю его сделать со мною этой соседке.

[1] Жемчужников В. М. (1830—1884) и упомянутый ниже известный в свое время поэт Жемчужников А. М. (1821—1908) — создатели, вместе с Толстым, Козьмы Пруткова.

[2] Напечатана не была. Какую «другую историю» караимов имел в виду Толстой — установить не удалось. В журнале «Атеней» за 1858 г. отзыв о ней не появлялся. О Бейме см. т. 1, стр. 611.

[3] Многотомное издание «Description de l'Egypte ou recueil des observations et des recherches qui ont été faites en Egypte pendant l'expédition de l'armée francaise publie par les ordres de sa majesté l'empereur Napoleon le Grand», Paris, 1809—1813.

[4] Не может же вечно так оставаться под этой сияющей луной! *(нем.)* — начало песни А. Коцебу, музыка Ф.-Г. Гиммеля.

[5] даже.

18. И. С. АКСАКОВУ

31 декабря 1858 г., Погорельцы.

Спасибо Вам, любезный Иван Сергеевич, за письмо Ваше от 14 декабря, которое я получил только вчера. Оно шло 16 дней из Москвы, всего 600 верст. Уж не за-

езжало ли оно в Петербург? Нельзя расчесть, куда может занести письмо *противный ветер* [1]. Известия действительно печальные. Хорошо ли Вы делаете, что, в отношении к «Парусу», следуете примеру Юлия Кесаря, сказавшего при подобном случае: jacta est alea? [2] Вы говорите, чтобы я не дивился, получив 1-й №. Берегитесь, чтоб Ваш 1-й № не был и последним. Этак Вы плохую услугу окажете литературе, да и вообще движению вперед [3]. Не только не обижаюсь, но от души благодарю Вас за откровенное суждение об «Иоанне» [4] и «Грешнице». Одно мне гадко, что Вы меня сравниваете с самым пакостным изо всех живописцев итальянской школы, Carlo Dolci. Я ненавижу этого лизуна, писавшего более языком, чем кистью, и, по чести, не нахожу в себе ни малейшего с ним сходства. Признаюсь, что, когда я писал «Грешницу», передо мной носился отчасти Paolo Veronese, и когда я был в Киеве, то Грабовский сравнил меня с ним, что мне очень польстило, но я себе не судья [5]. То, что Вы говорите об академисме, кажется мне более справедливым, а что я сделал un charmant Jésus [6], в этом, воля Ваша, не признаюсь.

Уступаю Вам охотно *паки и паки*. Эта глава была для меня самая трудная, и на нее пошло у меня менее всего старания и любви [7]. Вообще эпическая сторона мне не дается, все тянет меня в лирисм, а иногда в драматисм. Драматисма французского я, подобно Вам, не терплю, но что касается до Шекспира, то должен Вам признаться, может быть, на свою голову, что я в нем вижу так же мало натуры, как и в Расине. Герои Расина позируют, а герои Шекспира кривляются. Хоть убей, не могу переварить их разговоров. Если б я был на месте Фезея, я приколотил бы Ферамена за неуместную риторику: «A peine nous sortions» и пр. [8], а если бы был на месте какого-нибудь шекспирца, то десять раз проткнул бы своего противника среди его затейливых рассуждений. Знаю, что опасно признаваться в нелюбви к *сыну перчаточника*, как говорит Павлова [9], но не могу притворяться. Пожалуйста, заставьте меня любить Шекспира, мне самому этого хочется. Вспомните хоть сцену между Ричардом III и вдовствующей королевой; она почти такая: Ричард, во время погребения короля, вздумал строить куры его вдове. К о р о л е в а. Как, мошенник,

ты убил моего мужа, а мне строишь куры! Ричард. Правда, я изверг, вот тебе мой меч, пронзи меня. (Королева хочет его пронзить, он прибавляет:) Но к этому злодейству побудила меня твоя красота! (Королева опускает занесенный меч.) Ричард. Я убил твоего мужа и еще твоего дядю. (Королева заносит меч.) Ричард. Но к этому побудили меня твои прекрасные глаза! (Королева опускает меч.) Ричард. Я убил еще твоих братьев и племянников. (Королева подымает меч.) Ричард. Но к этому побудили меня твои прелести. (Королева опускает меч.) И так далее, не помню всех родственников [10]. Говорят: это психологическое явление, описанное в драматической форме. Но я спрашиваю, имеет ли драматический писатель право для проведения психологической идеи попирать ногами всякую правдоподобность, всякую возможность действия? Тогда уже лучше пиши психологические анализы, философические статьи вроде Montaigne, из которого, мимоходом буди сказано, крал Шекспир [11], а не пиши невозможных драм. Не говоря уже о совершенной невозможности его разговоров в данные мгновения. Этот Шекспир сидит у меня на затылке, и я доказываю Вам мое неограниченное доверие, en me livrant à Vous, pieds et poings liés [12]. Если принять в соображение время, в которое он писал, если смотреть на него с археологической и, пожалуй, с психологической стороны, тогда дело другое. Если смотреть на него как на справедливого противника глупых условий французской драмы, тогда опять дело другое. Но неужели он *драматический* писатель? Неужели его герои так, как они движутся *на сцене*, возможны?

Простите эту выходку, но, будучи не в состоянии разделять *откровенно* всеобщий восторг, я желал бы, чтоб кто-нибудь натолкнул меня на настоящую колею. С удовольствием буду присылать Вам для «Беседы» и «Паруса» стихи по мере их рождения, а Вы, пожалуйста, продолжайте мне говорить Ваше мнение беспощадно. Прощайте, очень любезный Иван Сергеевич, крепко обнимаю Вас и с нетерпением ожидаю «Паруса» и «Беседы». Христос с Вами, желаю Вам счастья на новый и на многие другие годы.

Весь Ваш

Ал. Толстой.

Спасибо за отдельные экземпляры «Иоанна», которые Вы хотите мне прислать. Поклонитесь *непременно* от меня Крузе [13], которому от всей души жму руку.

[1] Намек на перлюстрацию (тайный просмотр) корреспонденции.

[2] Жребий брошен *(лат.)*. Слова, сказанные Юлием Цезарем перед тем, как он, вопреки запрещению сената, перешел границу своей провинции — реку Рубикон и начал гражданскую войну. Эти слова стали ходовым выражением для обозначения решительного шага.

[3] «Парус» — славянофильская газета, выходившая под редакцией И. С. Аксакова. Была прекращена правительством после выхода второго номера.

[4] Поэма «Иоанн Дамаскин», появившаяся, как и «Грешница», в славянофильском журнале «Русская беседа»; в 1859 г. ее фактическим редактором был И. С. Аксаков.

[5] Dolci (Дольчи) К. (1616—1686) и Veronese (Веронезе) П. (1528—1588) — итальянские живописцы. Грабовский М. А. (1805—1863)—польский критик и писатель; большую часть жизни провел на Украине.

[6] очаровательного Иисуса (*франц.*). Речь идет о поэме «Грешница».

[7] Имеется в виду первая часть седьмой главы «Иоанна Дамаскина», написанная гекзаметром.

[8] Фезей (Тезей) и Ферамен (Терамен) — персонажи трагедии Ж. Расина «Федра». «A peine nous sortions...» («Едва мы вышли...») — начало монолога Терамена, в котором он рассказывает о гибели Ипполита.

[9] См. строки о Шекспире в «Разговоре в Кремле» К. Павловой:

Да, можете сказать вы гордо,
Что спросит путник не один
Дорогу к улице Стратфорда,
Где жил перчаточника сын.

[10] Это пародийный пересказ второй сцены первого действия хроники Шекспира «Ричард III». Вдову принца Уэльского Анну Толстой ошибочно называет «вдовствующей королевой».

[11] Исследователи неоднократно отмечали воздействие на Шекспира французского мыслителя М. Монтеня (1553—1592). В частности, влияние его скептицизма усматривалось в образе Гамлета.

[12] и предаюсь Вам, связав себя по рукам и ногам (*франц.*).

[13] Крузе Н. Ф. (1823—1901) — в 1855—1858 гг. цензор Московского цензурного комитета.

19. Б. М. МАРКЕВИЧУ

(Перевод с французского)

4 февраля 1859 г., Погорельцы.

Благодарю Вас, дорогой друг, за Ваше милое письмо от 23 января. Прежде всего хочу Вам сказать, как я был огорчен, узнав, что Вы больны, но не окажется ли возможным соединить Ваше путешествие за границу с небольшой поездкой на Украину? От нас только 200 верст до Киева, а оттуда до Бродов уже два шага. А теперь — вот что я должен ответить по поводу «Св. Иоанна Дамаскина» [1].

Те, кто говорит, что для своей песни он должен был бы взять иной мотив, нежели тот, какой он взял, просто не читали его жизни. Пусть они откроют Четьи-Минеи [2]—они увидят, что все было точно так, как я описал. Если бы я написал иначе, я бы отступил от предания. Они также увидят, что речь богородицы была длиннее, чем сделано у меня. Если бы этот старый хрыч монах захотел той порой развлечься созерцанием наряда, в котором явилось видение, времени у него хватило бы, но на такое неприличие он был не способен. Что касается замечания Бобринского [3], что младенец мог бы проснуться, то и это верно, но я дурного тут не вижу и уверен, что он не стал бы компрометировать свою мать. Остается еще упрек Тургенева — хромые рифмы. Возможно ли, что Тургенев принадлежит к французской школе, желающей удовлетворить требованиям зрения, а не слуха, не решающейся рифмовать assoir с dressoirs во множественном числе? Я составил списочек моих неточных рифм, правда, далеко не полный. Вот он:

1. широкой
   потока
2. стремнины
   долину
3. пустыня
   отныне
4. знаменитый
   разбита
5. имя
   ими
6. пробужденье
   дуновенья
7. неугодны
   свободно
8. чуя
   всуе
9. суровый
   слово
10. синклита
    ланиты
11. сына
    кручины
12. нивах
    счастливых

и так далее.

Гласные в конце рифмы, *если ударение на них не падает*, по моему мнению, совершенно безразличны и значения не имеют. В счет идут и образуют рифму только согласные. По-моему, *безмолвно* и *волны* рифмуют куда лучше, чем *шалость* и *младость*, чем *грузно* и *дружно*, где гласные в точности соблюдены. Мне кажется, что только малоискушенный слух может требовать совпадения гласных, и он его требует потому, что делает уступку *зрению*. Я могу ошибаться, но это мне подсказывает внутреннее ощущение, эвфоническое чутье, а Вы знаете, что слух у меня чрезвычайно требовательный. В «Св. Иоанне» я нашел только одну рискованную рифму, а именно: *свыше* и *услышал*, и все-таки, если бы я слушался только самого себя, я бы готов был ее повторить. Сказав, что гласные безразличны, я слишком увлекся: я не хотел бы рифмовать *у* с *и*, но *а*, *о*, *ы*, *у* вполне близки друг к другу, так же как близки *и*, *е* и *я*, и что меня касается, то мне наплевать. Не подумайте, что это я хочу защищать свою поэму, я защищаю только определенную систему. Что же касается самой поэмы, то, как мне кажется, она могла бы с большим основанием вызвать справедливые нападки в других отношениях. Начало, например, представляется мне пресным и скучным, глава, написанная гекзаметрами, не вяжется с остальными. А что — черт его возьми — означает циркуляр Делянова? Защита ли в нем? Или преследование? [4] Как Вы были правы, когда сказали: sint ut sunt, aut non sint [5], и я Вам приношу благодарность. Надеюсь, впрочем, что все это оказалось ненужным и что в настоящее время «Св. Иоанн» уже напечатан в «Беседе», ибо мне известно, что Крузе его пропустил [6]. То, что Вы мне пишете о приеме, который мои стихи встретили у тех, кому Вы их читали, право же, радует меня. «Серебряным» я занимался, но не кончил его — недоставало душевного спокойствия. При том состоянии духа, в котором я нахожусь,— а оно все еще *im Werden*,— läβt es sich leichter singen, als schreiben [7]. Всем нам сильно не терпится прочитать «Помещичье гнездо», но мы еще не получали в этом году ни «Современника», ни других журналов, хотя и подписаны на многие периодические издания [8]. Можете себе представить, как своими похвалами Вы возбудили ожидание у Софьи Андреевны, да и я, еще

не знающий нового Тургенева, испытываю не меньшее нетерпение. Пожалуйста, кланяйтесь ему от меня и попросите его написать мне или сообщить Вам свои замечания по поводу моей эвфонической системы. Это может вызвать любопытный спор. Между прочим, и все английские стихи подтверждают мою правоту, но я не иду так далеко, как англичане. *Приблизительность* рифмы *в известных пределах*, совсем не пугающая меня, может, по-моему, сравниться с смелыми мазками венецианской школы, которая самой своей неточностью, или, вернее, небрежностью, добивается эффекта, какого никогда не достичь Карло Дольчи, а чтобы не называть имя этого гнусного мошенника, она достигает эффектов, на которые не должен надеяться и Рафаэль при всей чистоте своего рисунка. Я не устану повторять, что я защищаю не себя, а всю школу. Да хранит Вас господь, будьте здоровы, а чтобы не болеть, не думайте в часы досуга о Буткове [9]. Чтобы забыть о нем на некоторое время, приезжайте в наши леса, поживите в Погорельцах. Не забудьте адреса: *Черниговской губернии, в Елёнку.*

Весь Ваш
Ал. Толстой.

Софья Андреевна, так же как и Варвара Сергеевна [10] и все здешние жители, присоединяются ко мне, чтобы передать Вам тысячу дружеских приветов. А Аксакову я предсказал, что газета его будет запрещена, и еще по поводу первого номера написал ему, что я думаю [11].

[1] «Св. Иоанн Дамаскин» — поэма Толстого «Иоанн Дамаскин».

[2] Четьи-Минеи — книга для чтения на каждый день, содержащая жития святых православной церкви.

[3] Приятеля Толстого А. П. Бобринского.

[4] Делянов И. Д. (1818—1897) — в 1858—1866 гг. попечитель петербургского учебного округа. О каком циркуляре идет речь — установить не удалось.

[5] пусть будут, какие они есть, или не будут совсем (*лат.*).

[6] В первой книжке «Русской беседы» за 1859 г., где был напечатан «Иоанн Дамаскин», под цензурным разрешением зна-

чатся подпись цензора Н. П. Гилярова-Платонова, а не Н. Ф. Крузе, к тому времени уже уволенного за «послабления печати». Об истории печатания поэмы см. в т. 1, стр. 657.

[7] в состоянии становления, легче поется, чем пишется *(нем.)*.

[8] Имеется в виду «Дворянское гнездо» И. С. Тургенева, напечатанное в № 1 «Современника» за 1859 г.

[9] В конце 50-х годов Маркевич служил в Государственной канцелярии под начальством государственного секретаря В. П. Буткова (1814—1881).

[10] В. С. Лантинг (1828—1878), родственница Софьи Андреевны.

[11] Речь идет о «Парусе». См. примеч. 3 к № 18.

20. АЛЕКСАНДРУ II

(Перевод с французского)

Август или сентябрь 1860 г.

Ваше величество,

Вследствие нового жестокого приступа моей болезни я несколько дней не был в состоянии двигаться и, так как еще и сейчас не могу выходить, то лишен возможности лично довести до сведения Вашего величества следующий факт: профессор Костомаров[1], вернувшись из поездки с научными целями в Новгород и Псков, навестил меня и рассказал, что в Новгороде затевается неразумная и противоречащая данным археологии реставрация древней каменной стены, которую она испортит. Кроме того, когда великий князь Михаил высказал намерение построить в Новгороде церковь в честь своего святого, там, вместо того чтобы просто исполнить это его желание, уже снесли древнюю церковь св. Михаила, относившуюся к XIV веку. Церковь св. Лазаря, относившуюся к тому же времени и нуждавшуюся только в обычном ремонте, точно так же снесли. Во Пскове в настоящее время разрушают древнюю стену, чтобы заменить ее новой в псевдостаринном вкусе. В Изборске древнюю стену всячески стараются изуродовать ненужными пристройками. Древнейшая в России Староладожская церковь, относящая-

ся к XI веку (!!!), была несколько лет тому назад изувечена усилиями настоятеля, распорядившегося отбить молотком фрески времен Ярослава, сына святого Владимира, чтобы заменить их росписью, соответствующей его вкусу.

На моих глазах, Ваше величество, лет шесть тому назад в Москве снесли древнюю колокольню Страстного монастыря, и она рухнула на мостовую, как поваленное дерево, так что не отломился ни один кирпич, настолько прочна была кладка, а на ее месте соорудили новую псевдорусскую колокольню. Той же участи подверглась церковь Николы Явленого на Арбате, относившаяся ко времени царствования Ивана Васильевича Грозного и построенная так прочно, что и с помощью железных ломов еле удавалось отделить кирпичи один от другого.

Наконец, на этих днях я просто не узнал в Москве прелестную маленькую церковь Трифона Напрудного, с которой связано одно из преданий об охоте Ивана Васильевича Грозного. Ее облепили отвратительными пристройками, заново отделали внутри и поручили какому-то богомазу переписать наружную фреску, изображающую святого Трифона на коне и с соколом в руке [2].

Простите мне, Ваше величество, если по этому случаю я назову еще три здания в Москве, за которые всегда дрожу, когда еду туда. Это прежде всего на Дмитровке прелестная церковка Спаса в Паутинках, названная так, вероятно, благодаря изысканной тонкости орнаментовки,[3] далее — церковь Грузинской божьей матери и, в-третьих,— Крутицкие ворота, своеобразное сооружение, всё в изразцах. Последние два памятника более или менее невредимы, но к первому уже успели пристроить ворота в современном духе, режущие глаз по своей нелепости — настолько они противоречат целому. Когда спрашиваешь у настоятелей, по каким основаниям производятся все эти разрушения и наносятся все эти увечья, они с гордостью отвечают, что возможность сделать все эти прелести им дали доброхотные датели, и с презрением прибавляют: «О прежней нечего жалеть, она была старая!» И все это бессмысленное и непоправимое варварство творится по всей России на глазах и с благословения губернаторов и высшего духовенства. Именно духовенство — отъявленный враг стари-

ны, и оно присвоило себе право разрушать то, что ему надлежит охранять, и насколько оно упорно в своем консерватизме и косно по части идей, настолько оно усердствует по части истребления памятников.

Что пощадили татары и огонь, оно берется уничтожить. Уже не раскольников ли признать более просвещенными, чем митрополита Филарета? [4]

Государь, я знаю, что Вашему величеству не безразлично то уважение, которое наука и наше внутреннее чувство питают к памятникам древности, столь малочисленным у нас по сравнению с другими странами. Обращая внимание на этот беспримерный вандализм, принявший уже характер хронического неистовства, заставляющего вспомнить о византийских иконоборцах, я, как мне кажется, действую в видах Вашего величества, которое, узнав обо всем, наверно, сжалится над нашими памятниками старины и строгим указом предотвратит опасность их систематического и окончательного разрушения...

[1] Костомаров — см. примеч. 2 к № 37.

[2] Московская церковь Трифона Напрудного была перестроена в 1860 г. Об этом упоминается также на последних страницах «Князя Серебряного».

[3] Имеется в виду сохранившаяся до наших дней церковь «Рождества богородицы, в Путинках».

[4] Филарет (В. М. Дроздов, 1782—1867) — московский митрополит.

21. Н. Ф. КРУЗЕ

12 марта 1861 г., Красный Рог.

Любезнейший Николай Федорович!

Настоящее письмо имеет только целью напомнить Вам о себе, или лучше сказать, поблагодарить Вас за Вашу добрую память. Часто думаю я <о> Вас и вспоминаю о наших беседах, о наших прениях о духах, о Юме [1] и пр. Как не верить в так называемое сверхъестествен-

ное, когда не далее как на прошлой неделе был такой необыкновенный случай в наших краях, что, рассказывая Вам его, я боюсь, что Вы и меня почтете лжецом? А именно: Орловской губернии, Трубчевского уезда в деревне Вшивой Горке пойман был управляющим помещика Новососкина, из мещан Артемием Никифоровым — дикий генерал, в полной форме, в ботфортах и с знаком XXV-летней беспорочной службы. Он совсем отвык говорить, а только очень внятно командовал, и перед поимкой его крестьяне, выезжавшие в лес за дровами, замечали уже несколько дней сряду, что он на заре выходил на небольшую поляну токовать по случаю весны, причем распускал фалды мундира в виде павлиньего хвоста и, повертываясь направо и налево, что-то такое пел, но крестьяне не могут сказать, что́ именно, а различили только слова: «Славься, славься!» [2] Один бессрочно отпускной, выезжавший также за дровами, утверждает, что генерал пел не славься, славься! а просто разные пехотные сигналы. Полагают, что он зиму провел под корнем сосны, где найдены его испражнения, и думают, что он питался сосаньем ботфорт. Как бы то ни было, исправник Трубчевского уезда препроводил его при рапорте в город Орел. Какого он вероисповеданья — не могли дознаться. Один случай при его поимке возродил даже сомнение насчет его пола; а именно: когда его схватили, он снес яйцо величиною с обыкновенное гусиное, но с крапинами темно-кирпичного цвета. Яйцо в присутствии понятых положено под индейку, но еще не известно, что из него выйдет.

Прощайте, любезнейший Николай Федорович, не забывайте меня и при случае настрочите слова два. Целую ручку у Лизаветы Аркадьевны [3] и детушек ваших целую.

Весь Ваш

Ал. Толстой.

[1] Юм — американский спирит, приезжавший в Россию в конце 50-х годов.

[2] «Славься, славься, наш русский царь» и т. д. — гимн из оперы М. И. Глинки «Жизнь за царя» («Иван Сусанин»), либретто барона Е. Ф. Розена.

[3] Жена Крузе. О самом Крузе см. примеч. 13 к № 18 и примеч. 6 к № 19.

22. Б. М. МАРКЕВИЧУ

(Перевод с французского)

21 марта 1861 г., Красный Рог.

Дорогой мой Маркевич!

Приехав сюда недели три тому назад, я нашел очень давнее (больше года) письмо от Вас. Благодарю Вас за него, но не отвечаю, так как за это время мы с Вами не раз переписывались. Несколько слов по поводу *манифеста* и впечатления, произведенного им, а потом буду говорить о литературе — ведь в ней, в сущности, вся наша жизнь, и Ваша и моя. Весьма жаль, что *манифест* так длинен и так невразумителен в части, обращенной к крестьянам. Я читал им его сам (помимо священников) в трех разных деревнях. Они, что вполне естественно, ничего не поняли, но как будто поверили моим объяснениям и вообще вели себя весьма прилично: не было ни пьянства, ни отказа работать и т. д. Каково же было мое удивление, когда я узнал, что в одной из этих трех деревень они *сместили* старосту и десятника и что они собираются сместить моих лесничих, и все это под тем предлогом, что (как они утверждают между собой) священник и я читали им *фальшивый манифест!* По счастию, новые объяснения, с манифестом в руке, и уговоры привели их в порядок. Вот вам образчик того, что может случиться, если помещик не сохранит присутствия духа. Положения, служащие, так сказать, дополнением к манифесту, столь пространны и столь сложны, что черт ногу сломит, и я не сомневаюсь, что во многих местах крестьяне сочтут их чем-то апокрифическим. Перейдем теперь к литературе. Я не мог до сих пор послать императрице моего «Дон Жуана» по той причине, что в Германии мне было некому дать его переписать. Теперь это сделано; один еврей в Почепе переплетает рукопись, и с ближайшей же почтой она отправится в Петербург. Сделайте мне удовольствие — ознакомьтесь с ней у m-lle Тютчевой [1]. Не знаю, понравится ли «Дон Жуан» в России, но почту себя счастливым, если он будет иметь хотя половину того успеха, какой имел в Германии. Надо Вам сказать, что

в Дрездене я познакомился с г-жой Павловой и что она перевела весь пролог и часть самой драмы. Право же, я никогда, ни на одном языке не читал перевода столь прекрасного, как этот; г-жа Павлова так же, как и несколько немецких литераторов, которым она читала свой перевод, а остальное переводила с листа, наговорили мне такого, что я не осмелюсь и повторить, но даже и за вычетом всех преувеличений и беря в расчет всю их снисходительность, могу сказать, остается еще достаточно, чтобы мне чувствовать себя счастливым и утешиться после великого фиаско, который мое чтение потерпело у великой княгини Марии. Я был бы очень рад, если бы императрица поручила Вам прочитать ей мою драму, с толком, с чувством, с расстановкой [2]. Но Вы, во всяком случае, прочитайте ее и напишите мне все pro и contra [3].

Я окончил также мой большой роман «Князь Серебряный». Со своей стороны, я им доволен, но надо переделать некоторые главы. Не знаю, увидят ли когда-нибудь свет «Дон Жуан» и «Князь Серебряный», потому что писал я того и другого с тщанием и любовью, так, как будто вовсе не существовало цензуры. У меня также есть несколько небольших стихотворений, которых Вы не знаете, а они тоже войдут в сборник, который надо выпустить в свет. Что до г-жи Павловой, то ее мнение о «Серебряном» не уступает тому, что она говорила о «Дон Жуане», и язык у меня не повернется, чтобы это повторить. Словом, раз Вы ее знаете, то судите о ее мнении по тому, что она — как она это несколько раз повторяла — ставит меня выше себя. Я познакомился также с г-жой Ильиной, которая в Дрездене производит немалое впечатление и с которой я часто разговаривал о Вас. Видели ли Вы Павла Булгакова и передал ли он Вам мою фотографию?

Вот маленький образец перевода г-жи Павловой:

Nur in Gott kann sich erhalten —
Nur in Gott sich eignen ganz
Alles Seins vollkommnes Walten,
Alles Lichts gesammter Glanz.
Kämpfend fließt durch Raum und Zeiten
Dessen Strömung ab und zu,
Und es wogt ein ewges Streiten
Um der Allmacht ewge Ruh'.

Der Gestaltung gab, ergrimmend,
Der gestillte Chaos Raum —
In verkehrter Spieglung schwimmend,
Gottes Bild auf seinem Schaum.
Hochreif wallt das dunkle Gähren
Voller zornger Ungeduld,
Sich bemühend, zu versehren
Jedes Werk der ewgen Huld.

Und den Haß der finstern Mächte
Duldet er, der Herr und Gott,
Läßt das Unrecht sich dem Rechten
Wiedersetzen immerfort,
Und es darf das schwere Ringen
Um und um zu Ende gehn,
Seinen Segen muß es bringen,
Muß bewirken und bedingen
Alles Daseins Fortbestehn!
etc.[4]

Да хранит Вас господь, мой милый Маркевич. Софья Андреевна и Николай Жемчужников просят передать тысячу приветов, я дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Алексей Толстой.

Мой адрес: в Почеп, Черниговской губернии.

Если даст бог жизни, то вернусь в Пустыньку еще с чем-нибудь новым.

Не кажется ли Вам, что имя «Иван» — нечто вроде плодоносной почвы для меня: св. Иоанн-евангелист, св. Иоанн Дамаскин, Иван Грозный и, наконец, Дон Джованни?[5] Г-жа Павлова по этому поводу сказала, что я на Ваньках выезжаю.

[1] Тютчева А. Ф. (1829—1889) — дочь поэта Ф. И. Тютчева, фрейлина императрицы; с 1866 г.— жена И. С. Аксакова.

[2] Слова из «Горя от ума» А. С. Грибоедова. Чтение состоялось в Царском Селе 10 мая 1861 г.

[3] за и против (*лат.*).

[4] Перевод отрывка из пролога (стр. 8 наст. тома). Речь идет о поэтессе и переводчице К. К. Павловой (1807—1893). С конца 50-х годов она жила за границей. Толстой познакомился с нею в 1861 г. и затем неоднократно встречался. Перевод «Дон Жуана», сделанный Павловой, вышел в Дрездене в 1863 г.

Кроме «Дон Жуана», она перевела на немецкий язык «Смерть Иоанна Грозного», «Царя Федора Иоанновича» и ряд стихотворений Толстого.

[5] Перечислены герои поэм Толстого «Грешница» и «Иоанн Дамаскин», трагедии «Смерть Иоанна Грозного» и драматической поэмы «Дон Жуан».

23. Б. М. МАРКЕВИЧУ

(Перевод с французского)

10 июня 1861 г., Красный Рог.

Тысячу раз благодарю Вас, дорогой друг, за милое и длинное письмо от 15 мая [1]. Я получил его нынче вечером и отвечаю наскоро, так как завтра уезжаю в Саратовскую губернию, а вернусь в Пустыньку в июле месяце. Прежде всего позвольте Вас обнять, поздравить и пожелать Вам всего того счастья, которого Вы заслуживаете. Да хранит Вас господь, Вас и Вашу жену, милый мой Маркевич! Вы мне советуете защищаться против Вашей критики, и я бы рад стараться, но, к несчастью, у меня нет времени завязать, как следовало бы, длинную полемику с Вами, и я откладываю это до конца июля, когда надеюсь еще застать Вас в Петербурге. Вы предлагаете произвести коренные изменения в моей драме, или, лучше сказать, предлагаете написать другую драму. Это, дорогой друг, не в моих силах, ибо, если драма не получилась, то не потому, что я недостаточно обдумывал ее или поторопился ее кончить. Ничуть не бывало: я начал, вернее — набросал ее без малого два года тому назад, и если я не сделал ее лучше, то потому, что не смог сделать лучше. Итак, я вынужден сказать: Sit ut est! [2] Теперь скрестим шпаги. Вы упрекаете дон Жуана в том, что он ведет себя с донной Анной как придворный щеголь, как какой-нибудь Лозён, Ришелье, Фоблас [3] или еще кто-либо в этом роде, но мне кажется, что, несмотря на все внимание, с каким Вы читали драму, от Вас ускользнули некоторые существенные моменты. Дон Жуан *начал* именно так, как это Вам представляется, т. е. в ранней молодости он любил по-настоящему, но, постоянно обманываясь в своих чаяниях,

он в конце концов перестал верить в идеал и горькое наслаждение стал находить, попирая ногами все то, чему он некогда поклонялся. *Я изображаю его в этот второй период.* Привыкнув отрицать добро и совершенство, он не верит в них и тогда, когда встречает их в образе донны Анны. Свое чувство он принимает за похотливое желание, а между тем это любовь. Вы сами никогда не бывали в таком положении? Вы отрицаете возможность подобной ситуации? Его любовь к донне Анне — любовь, зародившаяся тайно, открывшаяся ему в смертный час, а не взрыв или утонченная прихоть, как говорите Вы. Дон Жуан больше не верит в любовь, но наделен воображением столь пылким, что эта вера возвращается к нему всякий раз, как *он отдается своему чувству*, и в сцене с донной Анной он ему отдался, несмотря на то, что раньше намеревался ее соблазнить.

Вы помните, что он говорит в своем монологе:

Не стану разбирать, какое чувство
Меня теперь приводит к донне Анне!
Я к ней влеком — она моею будет!
Не нужно мне лукавить, ни хитрить,
Воображенью дать лишь стоит волю,
Оно меня на крыльях унесет,
Минутной верой мне наполнит душу,
Искусственной любовью опьянит;
Красноречиво жгучие слова
Из уст польются. Как актер на сцене
Я непритворно в роль мою войду
И до развязки сам себе поверю!

Значит, *он верил* во все, что говорил донне Анне, пока командор (ло пер [4]) не вернул его к действительности, ко всем его минувшим разочарованиям и к его теперешнему скептицизму, о котором он на минуту позабыл.

Не могу согласиться с Вами, что сатана и ангелы — лица бездейственные и бесполезные. Они — не актеры драмы, но они в ней составляют *хор*. В прологе они нужны для того, чтобы развить мысль о *необходимости зла*, мысль, главенствующую в прологе, а на кладбище — роль их в том, чтобы путем анализа пролить свет на характер и чувства дон Жуана. Влияние, которое они оказывают на дон Жуана, не заметно для невооруженного глаза, но оно существует. Сатана показывает ему образ

каждой женщины, ангелы же обращаются к его сердцу или к его совести в минуты покоя, например, во время сна:

В безмолвии ночи
Мы с ним говорили,
Мы спящие очи
Его прояснили,
и пр.

Я с Вами согласен, что появление и сатаны и статуи с первого взгляда представляется плеоназмом, но статуя у меня — не статуя, она также и не привидение, как в опере, это — идея чисто кабалистическая, это — сила, вызванная сатаной. Помните, как он вызывал ее:

Позвольте мне сюда ту силу пригласить,
Которая, без воли и сознанья,
Привыкла первому служить,
Кто только даст ей приказанье.
Кто б ей ни овладел, порок иль благодать,
Слепа, могуча, равнодушна,
Готова сила та крушить иль созидать,
Добру и злу равно послушна.
Ты, что философы зовут душой земли,—
и пр.

Я думаю, милый Маркевич, что если Вы еще раз перечитаете «Дон Жуана», то откажетесь от некоторых из Ваших обвинений, что отнюдь не означает, будто я считаю его чем-то совершенным; но переделывать все целиком — невозможно. Каждый, впрочем, понимает «Дон Жуана» на свой лад, а что до меня, то я смотрю на него так же, как Гофман:[5] сперва дон Жуан верит, потом озлобляется и становится скептиком; обманываясь столько раз, он больше не верит даже и в очевидность.

Откровенно говоря, я не думал, что наибольшим успехом будет пользоваться именно серенада[6], так как, между нами, я считаю ее довольно незначительной, но если уж она понравилась, то вот ее немецкий перевод:

Auf der Sierra höchsten Stufen
Bleicht des Abends goldnes Licht —
Höre der Gitarre Rufen,
Süßes Lieb, o säume nicht!
Jeden, der den Preis erteilen
Einer andern will, als dir,

Jeden fordre, sonder eilen,
Ich zum Todeskampfe hier.
Die Nachtlüfte wehen,
O laß mir zum Lohn,
Niceta, dich sehen
Auf deinem Balkon!
Bis zum Fuß der Alpuharra,
Ganz Kastilien entlang
Tönt das Schwirren der Gitarren,
Tönt der Degen heller Klang,
Quillt den Schönen zu Gefallen,
Eine Blut- und Liederflut —
Nimm du, Schönste unter allen
Du mein Lied und du mein Blut! [7]

Переведено не так хорошо, как все остальное, но если бы старому еврею захотелось положить это на музыку, я был бы весьма польщен. Вы, мне кажется, слишком уж строги к нему [8].

Прощайте же и до свиданья, дорогой друг! Доброта императрицы и ее память обо мне трогают меня, но... только бы эта доброта не обернулась для меня рабством! Цепи — всегда цепи, даже цепи из цветов. Продолжая Ваше сравнение с Ахиллом, выходящим из своей палатки, скажу Вам, что вместо трупа Гектора я собираюсь воспользоваться моим романом «Серебряный», который я закончил и всюду уже таскаю с собой [9]. Он, я думаю, будет нравиться больше, чем «Дон Жуан». Кстати — по поводу последнего: как я рад, что Вас не спросили, как меня спросили в Париже во время чтения моей драмы: «А где же Церлина?» [10] Мне пришлось ответить, что я забыл о ней, но собираюсь вывести ее в 3-м акте, который буду писать, как только вернусь домой. Забыл сказать, что Вы ошиблись, приписав дон Жуану затею — устроить собственные похороны. Это не он, а Эмануэль де Манара смотрел сам на свое погребение перед воротами Севильи, как о том рассказывает в «Испанских легендах» Вашингтон Ирвинг [11].

До свиданья же в конце июля, дражайший мой Маркевич. Надеюсь на доброе расположение ко мне Вашей будущей жены. Не были ли Вы немножко влюблены в г-жу Ильину? Я часто виделся с нею в Дрездене, и мы много говорили о Вас, но она мне сказала, что Вы ее терпеть не можете, а это заставило меня заподозрить противоположное. Софья Андреевна дружески жмет Вам

руку и просит передать Вам все то, что только можно сказать мужчине в подобных обстоятельствах. Жемчужников уехал третьего дня — женить своего брата Александра. Еще раз да хранит Вас господь.

Сердечно Ваш
Ал. Толстой.

Если у Вас есть немного свободного времени, я Вас похищу у Вашей жены хотя бы на один день, чтобы увезти в Пустыньку, где я буду один с Бахметевым и где Вы найдете великолепный Эрар [12].

Сердечное спасибо за Ваши фотографии. Не знаю, которая из них — поэтическая, а которая — прозаическая? Софья Андреевна также горячо благодарит Вас.

[1] Напечатано в кн.: «Письма Б. М. Маркевича к графу А. К. Толстому, П. К. Щебальскому и друг.», СПб., 1888, стр. 1—16, 69—85. В этом письме изложены не только суждения самого Маркевича, но переданы также впечатления лиц, присутствовавших на чтении «Дон Жуана» у П. А. Вяземского и у царицы.

[2] Да будет так, как есть! *(лат.)*

[3] Толстой называет здесь А. Лозена Номпер де Комона (1633—1723), маршала Франции, авантюриста, героя романа и комедии Поля Мюссе; Л. Ришелье (1696—1788) — племянника знаменитого кардинала, маршала Франции, прославившегося своими любовными похождениями, и Фобласа — героя романа французского писателя Ж.-Б. Луве де Кувре (1760—1797) «Похождения кавалера Фобласа».

[4] Здесь соединен испанский артикль с французским словом «père» (отец).

[5] Имеется в виду рассказ Гофмана «Дон Жуан».

[6] «Романс под балконом чудесен,— писал Маркевич.— Тютчев выучил его немедленно наизусть. В этой вещи есть пылкость, рыцарство, изящество, вполне подходящие к характеру лица и его родины».

[7] См. стр. 58 наст. тома.

[8] Речь идет о Д. Мейербере. Маркевич сообщил Толстому: «П. А. Бартенева, уезжающая за границу, хочет непременно получить слова этого романса, чтобы заказать к ним музыку Мейерберу, чему я воспротивился». Мейербер, по его мнению, «не способен изобресть достаточно молодую, теплую и яркую мелодию для этих прелестных слов, точно вдохновленных андалузской музой».

[9] Настаивая на коренной переработке «Дон Жуана», Маркевич писал Толстому: «Вы, может быть, единственный ныне литературный человек в России, который себя поставил вне современного движения... Дабы иметь нравственное право удалиться в свой шатер, необходимо выйти когда-нибудь оттуда, как Ахилл, чтобы

влачить Гектора, привязанного к Вашей триумфальной колеснице; надо создать прекрасное произведение, которое найдет в своей красоте оправдание недостатку злободневности».

[10] Церлина — персонаж из оперы Моцарта, крестьянка, которую хочет соблазнить Дон Жуан.

[11] Имеется в виду новелла американского писателя В. Ирвинга (1783—1859) «Дон Жуан».

[12] То есть рояль знаменитой фабрики музыкальных инструментов Эрар (имя ее основателя).

24. Б. М. МАРКЕВИЧУ

(Перевод с французского)

11 июня 1861 г., Красный Рог.

Этой ночью, дражайший Маркевич, я второпях ответил на Ваше письмо, исполненное такого интереса ко мне и к моему «Дон Жуану». Я предполагал уехатъ сегодня, но так как мой отъезд отложен на завтра, хочу воспользоваться оставшимся временем, чтобы еще побеседовать с Вами. Перечитав Ваше письмо, я готов признать, что конец моей драмы мог быть лучше, и я ничего не имею против того, который Вы мне предлагаете [1], но, чтобы прийти к нему, мне пришлось бы целиком изменить развитие сюжета, а этого я не могу, именно в силу пословицы: non bis in idem [2].—Дело сделано, переделывать я не могу, могу лишь поправить тут и там некоторые детали. Не подумайте, что в этом мне мешает самолюбие; тут — другое. Ich habe mich im Laufe von drittehalb Jahren in meine Personagen *eingelebt* [3], и мне невозможно представить их себе иными, чем они мне явились. Донна Анна *должна* умереть не от любви к дон Жуану (как Вы говорите), а оттого, что она ему отдалась. Она не отравляется (как Вы говорите) после того, что устроила ему сцену, а приходит к нему, *уже отравившаяся.* Это ясно сказано в сцене последней встречи:

— Надеюсь, Вы не думали, что я
Жива останусь, дон Жуан?
. . . .
Мой срок короток — я должна спешить —
. . . .
Услышьте умирающей слова...

и т. д. и т. д. и т. д.

Возвращаясь к дон Жуану, скажу Вам, что, по-моему, такой дон Жуан, который *вопреки всему* и несмотря на 3003 женщины, продолжал бы *верить*, проявил бы терпение слишком большое для этой пламенной натуры и был бы похож на дурачка. Он *должен* перестать верить хотя бы на 3004-й и в конце концов *рассердиться*. А если эта 3004-я именно та, которой было предназначено оправдать его обманутую веру и если он в своей мстительной ярости попрал ее ногами, то что произошло бы, когда он осознал бы свою ошибку? Он убил бы себя или пошел бы в монахи. Это он и сделал, когда гибель донны Анны раскрыла ему глаза на ее любовь. *Именно гибель* донны Анны заставляет его прозреть. Поверьте мне, дорогой Маркевич, что это совершенно естественно и в порядке вещей. Перечитайте, если можно, драму и посмотрите, могло ли все произойти иначе. В случае, если даже после нового чтения у Вас все еще будут оставаться сомнения насчет моего замысла, я буду готов поставить все точки над i, но о том, чтобы переделывать *самую основу*, я уже и думать не могу, а кроме того, я *тут* и не согласен с Вами.

Вот в нескольких словах канва драмы.

Дон Жуан ищет идеала, не находит его и, рассерженный этим, бросает вызов творцу, издеваясь над его созданиями и попирая их ногами. Он встречает донну Анну, но и в этой встрече видит лишь любовное приключение, *потому что не верит в собственную любовь*. Слова донны Анны в ту минуту, когда она в последней сцене покидает его, озаряют его как молния. *В тот миг, когда он ее теряет, он понимает, что любит ее*, но уже слишком поздно, приглашенная статуя является, чтобы окончательно открыть ему глаза,— в согласии с тем, что было решено на кладбище. Эта статуя не есть ни каменное изваяние, ни дух командора. *Это — астральная сила, исполнительница решений, сила, служащая равно и добру и злу* и уравновешиваемая противоречиями между волей сатаны и волей ангелов (положение, подготовленное еще в сцене на кладбище), кабалистическая идея, встречающаяся во всех трудах по герметике, а в наши дни незримо возникающая вновь в каждом изъявлении нашей воли, зримо же — в каждом явлении магнетического и магического свойства. Сатана не может

взять дон Жуана своими руками, он нуждается в посредствующем лице, чтобы окончательно им овладеть, и это посредствующее лицо воплощается в подобие статуи, приглашенной дон Жуаном. Овладение совершается не в физическом, а всецело в духовном смысле, однако в символической форме.

Знаю, что говорю неясно, но для ясности нам надо было бы вместе почитать Парацельса, Генриха Кунрата, Ван-Гельмонта, доктора Теста, Дю Поте или еще кого-либо из магнетистов. Если есть в этом деле туман, пусть он покамест и остается. Главное—чтобы читатель понял, что глаза дон Жуану открывает гибель донны Анны, и если это я выразил недостаточно ясно, я готов сказать это более четко. Но зачем Вам *еще видеть* дон Жуана в эпилоге? Разве мало его последних слов:

Убить себя? То было бы легко!
Несостоятельные должники
Выходят часто так из затрудненья;
Я должен жить — я умереть не смею —
Я должен жить. И жаль, что слишком скоро
Меня избавит смерть от этой муки!

Что мог он еще в минуту смерти сказать такого, чего читатель не мог бы легко угадать? Тут нет никакой утайки, раз мы знаем, что дон Жуан монах и смерть его близка. Мне, напротив, казалось требованием хорошего вкуса — не выводить умирающего на сцену, в уста монаха вложить слова, из которых читатель узнал бы о его смерти [4]. Что же касается астральной силы (алхимического азота), воплощенной в статуе-призраке, то Тургенев, которому я читал поэму в Париже, прекрасно понял мою мысль, и его замечания касались других сторон драмы, но не этой. Вообще скажу Вам, что переделывать готовую вещь, т. е. *изменять ее план*, ist eine mißliche Sache [5]. Никогда ведь не отделаться от первоначально созданного плана, и оказываешься между двух стульев...

Вот почему, нисколько не сердясь и от всего сердца благодаря Вас за Ваши замечания, я вынужден отклонить Ваш совет — послать Каткову [6] лишь несколько сцен. Я готов переделать кое-какие детали, но не всю драму целиком, и, окончательно отшлифовав, я опубликую ее такой, какая она есть, с тем чтобы в дальнейшем на-

писать лучшую. Например, я охотно пожертвую министром народного просвещения, который понадобился лишь затем, чтобы показать два крайних проявления одного и того же образа, одно — величественное, другое — смехотворное [7]. Не держусь и за словечко «бурбон», которое, судя по тому, что мне пишут Вяземский и Борис Перовский, озадачило публику. Если Вы принадлежите к тем, кому это выражение неизвестно, сообщу Вам, что на армейском языке оно означает *выскочку* [8].

Заканчивая это обстоятельное послание, повторяю, что в сцене с донной Анной дон Жуан *верит* во все, что он говорит, и что он нисколько не играет комедию, *хотя явился он именно с этой целью*. Правда, он *решил* погубить донну Анну, когда был вдали от нее, но, оказавшись с ней лицом к лицу, он не бьет себя в грудь, а *отдается ей во власть и забывает о своем скептицизме*, к которому его возвращает своими брачными проектами командор. Если я плохо выразил эту последовательность чувств — моя вина, но именно эта, а не какая-либо иная их последовательность должна найти выражение! Приводя в письме историю Франчески да Римини, Вы ошиблись: возлюбленный ее не Гвидо, а *Паоло*, и эпизод этот принадлежит у Данте не к «Чистилищу», а к «Аду».

А теперь обнимаю Вас и жму Вам руку. Не бойтесь меня критиковать, и пусть Вас не смущает, что защищаюсь я с некоторым упорством. В общем же Вы нашли в моей драме и хорошее, и я доволен. Как истинный гасконец обращу Ваше внимание на одно из ее достоинств, не замеченное Вами. Это — чрезвычайная простота фабулы и малое число действующих лиц, потому что сатана и ангелы — не действующие лица, они составляют *хор*.

Прощайте же, до свиданья, дражайший мой Маркевич,— надеюсь, что Вы еще не уедете, когда я вернусь из Саратова.

А. Т.

Было бы мило с Вашей стороны черкнуть мне несколько слов, *но тотчас же* — в Нижний Новгород на квартиру барона Розена в Удельной конторе. На обратном пути я буду проездом в Нижнем.

То, что Вы сомневаетесь относительно роли священ-

ной Германдады, повергло меня в трепет. Ведь если Вы правы,— а мне кажется, что это так,— придется переделывать ряд стихов [9].

Вы скоро получите миниатюру, изображающую молодого Вакха. Он хорошо написан, но для меня его достоинство заключается в том, что он как две капли воды похож на Вас. Когда получите его, знайте — это от меня. Расстаюсь с ним только потому, что у меня есть Ваш фотографический портрет.

[1] Маркевич предлагал коренным образом изменить конец драмы «Дон Жуан», в частности изобразить «дон Жуана обессиленным аскетизмом и стремящимся быть святым человеком... Его смерть была бы вызвана его самопожертвованием: он лечил и хоронил зачумленных» (см. «Письма Б. М. Маркевича...», стр. 13—16, 81—84).

[2] Дважды не судят за одно и то же *(лат.)*. Здесь: нельзя дважды делать одно и то же.

[3] За два с половиной года я сжился с моими персонажами *(нем.)*.

[4] Журнальный текст «Дон Жуана» заканчивался эпилогом, действие которого происходит в монастыре близ Севильи (см. стр. 250 наст. тома).

[5] Тяжелое, неприятное дело *(нем.)*.

[6] Катков — см. примеч. 5 к № 46.

[7] Маркевича смутил, между прочим, и «вицмундир» сатаны: «Что общего у великого непокорного духа с русским министром, особенно народного просвещения!» — писал он.

[8] Письма П. А. Вяземского и Б. А. Перовского не сохранились. Но в дневнике последнего (запись от 10 мая 1861 г.) отразилось его недоумение: «Почему он <сатана> говорит, что он Бурбон? Я не понимаю» (Центр. гос. исторический архив СССР). Перовский Б. А. (1815—1881) — брат матери Толстого и его приятель; в 1860—62 гг. воспитатель великих князей.

[9] «Вы, кажется, смешиваете S. Hermandad с Sant'officio; S. Hermandad не было ли чисто полицейским установлением?» — писал Маркевич. В связи с этим замечанием Толстой внес несколько исправлений.

25. АЛЕКСАНДРУ II

(Перевод с французского)

Август или сентябрь 1861 г.

Ваше величество, долго думал я о том, каким образом мне изложить Вам дело, глубоко затрагивающее

меня, и пришел к убеждению, что прямой путь и здесь, как и во всех других обстоятельствах, является самым лучшим. Государь, служба, *какова бы она ни была,* глубоко противна моей натуре; знаю, что каждый должен в меру своих сил приносить пользу отечеству, но есть разные способы приносить пользу. Путь, указанный мне для этого провидением,— мое *литературное дарование,* и всякий иной путь для меня невозможен. Из меня всегда будет плохой военный и плохой чиновник, но, как мне кажется, я, не впадая в самомнение, могу сказать, что я хороший писатель. Это не новое для меня призвание; я бы уже давно отдался ему, если бы в течение известного времени (до сорока лет) не насиловал себя из чувства долга, считаясь с моими родными, у которых на это были другие взгляды. Итак, я сперва находился на гражданской службе, потом, когда вспыхнула война, я, как все, стал военным. После окончания войны я уже готов был оставить службу, чтобы всецело посвятить себя литературе, когда Вашему величеству угодно было сообщить мне через посредство моего дяди Перовского [1] о Вашем намерении, чтобы я состоял при Вашей особе. Мои сомнения и колебания я изложил моему дяде в письме, с которым он Вас знакомил, но так как он еще раз подтвердил мне принятое Вашим величеством решение, я подчинился ему и стал флигель-адъютантом Вашего величества. Я думал тогда, что мне удастся победить в себе натуру художника, но опыт показал, что я напрасно боролся с ней. *Служба и искусство несовместимы,* одно вредит другому, и надо делать выбор. Большей похвалы заслуживало бы, конечно, непосредственное деятельное участие в государственных делах, но призвания к этому у меня нет, в то время как другое призвание мне дано. Ваше величество, мое положение смущает меня: я ношу мундир, а связанные с этим обязанности не могу исполнять должным образом.

Благородное сердце Вашего величества простит мне, если я умоляю уволить меня окончательно в отставку, не для того чтобы удалиться от Вас, но чтобы идти ясно определившимся путем и не быть больше птицей, щеголяющей в чужих перьях. Что же касается до Вас, государь, которого я никогда не перестану любить и уважать, то у меня есть средство служить Вашей особе, и я счаст-

лив, что могу предложить его Вам: это средство — *говорить во что бы то ни стало правду*, и это — единственная должность, возможная для меня и, к счастью, не требующая мундира. Я не был бы достоин ее, государь, если бы в настоящем моем прошении прибегал к каким-либо умолчаниям или искал мнимых предлогов.

Я всецело открыл Вам мое сердце и всегда готов буду открыть его Вам, ибо предпочитаю вызвать Ваше неудовольствие, чем лишиться Вашего уважения. Если бы, однако, Вашему величеству угодно было предоставить право приближаться к особе Вашего величества только лицам, облеченным официальным званием, позвольте мне, как и до войны, скромно стать камер-юнкером, ибо мое единственное честолюбивое желание, государь,— оставаться Вашего величества самым верным и преданным подданным.

Гр. А. Толстой.

[1] Л. А. Перовского (1792—1856); в 1841—1852 гг. министр внутренних дел, в 1852—1856 гг. министр уделов.

26. С. А. ТОЛСТОЙ

29 июня (11 июля) 1864 г., Карлсбад.

...Я читаю теперь «Марево»; [1] это черт знает что. И талант есть, и некоторые удачные описания, и кой-какие хорошие выражения, рядом с сильным лакейством. Роман написан вприпрыжку, так что иной раз и ничего понять нельзя.

Такой-то вышел из комнаты... даже уехал,— и тотчас опять тут, и говорит как ни в чем не бывало. Вдруг явится какой-нибудь господин, о котором и речи не было, и продолжает что-нибудь такое, чему никогда не было начала. А начинается оно так.— Молодая девушка купается в пруду. Подходит незнакомый ей человек, граф Бронский, и вступает с ней в разговор.

Она приглашает его обедать.

Они садятся в лодку и плывут на хутор. Доро́гой девушка убивает из ружья четыре домашние утки. Граф Бронский прикусывает им шеи (что девушке не нравится), а она, когда они вошли в дом, отдает их повару вме-

сте с живым ежом, которого принесла в платье, при чем она говорит: «На! Сдери с него шкуру!» Уток ощипывает сама; потом обедают. Она чрезвычайно образованна, чувства ее самые возвышенные, много начитанности, и все в нее влюбляются. Потом идет страшная чепуха с заговорами, повстанцами, мировыми посредниками, гимназистами и т. д.

Все это вертится на недавних событиях и потому как будто представляет какой-то интерес. Автор перещеголял даже Кохановскую [2] новостью языка. У него беспрестанно: — Здравствуйте! — почесался Николай Иваныч.— Нет, этому не бывать! — уехал Петр Данилыч.— Желал бы видеть вас на моем месте! — женился Пуд Савич, и т. д.

[1] Антинигилистический роман реакционного писателя В. П. Клюшникова (1841—1892), навеянный событиями польского восстания 1863 г. (напечатан в «Русском вестнике» в 1864 г.). Русская передовая мысль, революционное движение, крестьянские волнения изображаются в нем резко отрицательно, как результат «польской интриги».

[2] Кохановская Н. (псевдоним Н. С. Соханской, 1825—1884) — писательница, близкая к славянофильским кругам.

27. К. К. ПАВЛОВОЙ

(Перевод с французского)

11 сентября 1864 г., Пустынька.

Дорогая госпожа Павлова,

Сейчас Вы уже, вероятно, получили мое письмо с приложениями к нему. Добавлением служит и это письмо, а посмотрев на оборот листа, Вы увидите, daß es Souvoroff ernst meint [1]. Теперь вот что мне надо Вам сообщить. Если Вы еще не начали печатания трагедии, отложите его до тех пор, пока я не пришлю Вам кое-какие изменения, которые считаю необходимыми в связи с новой драмой, обдумываемой мной [2]. Пока она не будет сотворена, спектакль в Веймаре пусть идет так, как есть, но что касается печатного издания, то мне не хотелось бы, чтобы оно слишком отличалось от русского. А так как я собираюсь написать один эпизод из

царствования Федора, куда войдет и угличская катастрофа, то некоторые удары грома в моей нынешней драме мне надо ослабить до степени отдаленных раскатов. А самые громы я хочу сохранить для новой драмы. Да хранит Вас господь, жена шлет Вам самые добрые пожелания.

Весь Ваш

Алексей Толстой.

[1] что Суворов отнесся к делу серьезно *(нем.).* Суворов А. А. (1804—1882) — петербургский генерал-губернатор. Письмо написано на обороте отношения от 2 сентября 1864 г., адресованного Толстому; здесь говорится, что Павловой разрешено дальнейшее пребывание за границей и что об этом сообщено «от его светлости г. товарищу министра иностранных дел».

[2] Имеется в виду трагедия «Царь Федор Иоаннович».

28. К. К. ПАВЛОВОЙ

(Перевод с французского)

12 января 1865 г., Красный Рог.

После долгого молчания я испытываю потребность поговорить с Вами, и вот по какому поводу: с величайшим удовольствием, смешанным с завистью, я читаю переписку Гёте и Шиллера и говорю себе, что эти два негодяя были счастливы, имея возможность проверять друг друга. Дорого бы я дал, чтобы сейчас быть с Вами und mir von Ihnen einen Schwung geben zu lassen. Die Produktionskraft ist da, und ist auch nicht müßig, aber Sie sollten mich anregen und begrenzen, denn das Massenhafte des Stoßes will mich schier erdrücken[1]. Это — выражения, буквально заимствованные, если не ошибаюсь, из одного письма Шиллера по поводу «Валленштейна»[2], а я нахожусь в аналогичном положении с «Царем Федором Иоанновичем», первое действие которого закончил. Вот ситуация: две разные силы (Борис Годунов и Шуйские) находятся в состоянии антагонизма и борются друг с другом в царствование Федора. От него зависит, чтобы восторжествовала та или другая сторона, но из-за своей слабости и доброты он колеблется

между ними и заставляет ту и другую действовать auf ihre eigene Hand [3], что в конечном итоге приводит к угличской катастрофе. Как Вы видите, героем является Федор, но героем в негативном смысле, welcher unwillkürlich allen den Ausschlag gibt [4]. Два дня тому назад я читал первый акт Софье Андреевне, Варваре Сергеевне [5] и еще одному Жемчужникову, которого Вы не знаете, и все они говорят, что отрывок, который они слушали, значительно превосходит «Смерть Иоанна». Знаете новость? Вы ведь думаете, что перевели трагедию в 5 действиях под названием «Смерть Иоанна»? Ничуть не бывало! Вы перевели только пролог к большой драматической поэме, которая будет называться «Борис Годунов». Прошу прощения у Пушкина, но ничего не могу поделать. «Царь Федор», которого я в настоящее время пишу, средняя часть этой поэмы; конец будет называться «Дмитрий Самозванец» [6]. Любопытно вот что: я Вам сказал, что Федор герой негативный, но есть и положительный герой, Шуйский, и зовут его Иван Петрович! От Ванек мне решительно никуда не уйти [7]. Я придерживаюсь истории, как только могу, а так как история говорит, что Нагие во время их пребывания в Угличе были обвинены в том, что хотели посадить на престол своего племянника вместо Федора и по этому случаю вступили в заговор с Шуйскими, то я вижу здесь вполне естественную для Бориса причину, помимо его честолюбия (на пользу которому она и послужила), чтобы избавиться от Дмитрия. Он в некотором смысле вынужден устранить это орудие и этот повод для смуты, что сообщает его преступлению характер государственной необходимости. А знаете, какое еще открытие я сделал, читая переписку Шиллера и Гёте? Она подтвердила мысль, которая всегда у меня была. Оказывается, что первоначально «Пикколомини» и «Смерть Валленштейна» составляли одну трагедию и что Шиллер, которого испугало das Massenhafte [8], разделил ее на две. Ведь, в сущности, «Пикколомини» сами по себе не составляют целого и, несмотря на свою красоту, können nicht Anspruch machen, auf ihren eigenen Beinen zu stehen [9]. Это превосходная з а в я з к а без всякой р а з в я з к и. А в свою очередь, «Смерть Валленштейна», взятая в отдельности, требует таких Voraussetzungen [10], которыми никто не мо-

жет располагать, если он не читал «Пикколомини». По-моему, это недостаток. Мне кажется, что драма или трагедия, wenn sie sich auch an ein großes Ganzes anschließt, doch, selbst und für sich, ein Ganzes sein muß, in sich selbst verständlich und befriedigend [11]. Эту-то ошибку я и собираюсь совершить, если мне не удастся вместить das Massenhafte «Царя Федора» в пределы единого целого, чего я всем сердцем желаю. Иначе мне придется сделать две части, что будет очень досадно. Наш друг Битяговский уже появился в первом действии, но, к сожалению, я Вам должен сообщить, что его затмит сынок, ein hoffnungsvoller Jüngling, der das übernimmt, wovon sein Papa zurückschaudert [12]. Во второй половине первого действия я вывожу на сцену новых лиц, именно трех архиепископов, что отнимает у меня даже проблеск надежды увидеть когда-нибудь на театре мою трагедию [13], а раз уж я с первого же действия сжигаю корабли, то хочу не стеснять себя и пуститься во весь опор. Если бы думать о цензуре, которая подвержена переменам, никогда нельзя было бы достигнуть истины, которая неизменна. Но довольно говорить о себе. Скажите, что Вы поделываете и что поделывает «Валленштейн»? Недавно я перечитывал его и, возвращаясь к той части Вашего перевода, которая мне известна, я не раз задавал себе вопрос: как, черт возьми, она сумела это перевести? Мне это кажется непереводимым! Надеюсь, что дело у Вас сильно подвинулось. Уверяю Вас, что у меня просто Heimweh [14] по русскому «Валленштейну» и что я и с удовольствием и с грустью вспоминаю о тех прекрасных часах, которые мы с Вами провели вместе, сопоставляя оба текста этого шедевра. Напишите, до какого места Вы дошли? А главное — напишите, что состояние здоровья не помешало Вам продолжать работу. Получили ли Вы письмо от сына? Напишите мне что-нибудь и о наших общих друзьях, о Глюмерах, о Баудиссинах и даже о Вольфсоне [15]. Написал ли он в конце концов что-нибудь о «Серебряном»? И видели ли Вы французский перевод? Я-то его не видел и даже не знаю, появился ли он отдельной книгой и кем сделан [16]. Но вот мне опять приходится заговорить о себе. В сентябре, будучи проездом в Москве, я читал Каткову «Смерть Иоанна» и по уговору с ним, даже по его просьбе, послал ему отсюда рукопись,

внеся в нее изменения, о которых сейчас Вам сообщу. Было это 25 ноября, т. е. более чем полтора месяца тому назад; к рукописи было приложено письмо, требовавшее ответа, но его я и до сих пор не получил и так-таки ничего не знаю [17]. Изменения, которые я счел необходимыми, относятся больше к композиции драмы, чем к ее содержанию. Вот они. Я соединил действия первое и второе в одно, сперва сократив каждое из них. Получилось одно действие в 706 стихов, причем ничего существенного я не опустил. Эта первая операция соответствует мнению Дависона, которому не нравилось, что *дума* отделена от сцены, когда Иоанн вновь принимает венец. Второе действие открывается вновь написанной сценой между Захарьиным и Годуновым, в течение которой Иоанн, запершись у себя с английским послом, домогается руки Марии Гастингс. У Годунова еще нет никаких задних мыслей, и власти он хочет только для блага государства. Он возмущен, что его государь затеял развод. Появляется Иоанн с вестями о бедствиях, которые польское войско терпит под Псковом, и о прибытии польского посла. Иоанн, не сомневаясь, что его боятся, велит Захарьину объявить народу, что король просит у него мира. Годунов, оставшись с Иоанном наедине, пытается отговорить его от развода и на коленях умоляет об этом. Иоанн гонит его, как и следовало ожидать, и Годунов решает никогда больше не быть откровенным и идти к своей цели окольными путями. Монолог:

Вот он,
Тот путь прямой, которым мне Захарьин
Идти велит! На первом он шагу
Мне властию царевой, как стеной,
Пересечен! Легко тебе, Никита
Романович, идти прямым путем!
Перед собой ты не поставил цели!
Спокойно ты и с грустью только смотришь
На этот мир. Как солнце в зимний день,
Земле сияя, но не грея землю,
Идешь ты чист к закату своему!
Моя ж душа борьбы и дела просит:
Я не могу мириться так легко,
Я не могу царево самовластье,
Раздор бояр, насилье, казни видеть —
И в доблести моей, как в светлой ризе,
Утешен быть, что сам я чист и бел!

На этом кончится первая часть второго действия. Вторая часть начинается заговором Нагих и кончается сценой между Годуновым и другом Битяговским.

Третье действие. Царица и мамка. Царица и Захарьин. Иоанн объявляет царице о разводе. Прием Гарабурды. Я целиком опустил сцену между Годуновым и царицей. Она мне мешала.

Четвертое действие. В прежнем виде.

Пятое действие. С самого же начала вставляется новая сцена между Годуновым и его женой. Упразднена сцена между Годуновым и мамкой. Мне это нужно для моей новой драмы. Остальное в прежнем виде, за исключением легких изменений, вызванных сокращениями и вставками. Существенное же изменение: Иоанн — лицо слишком значительное, чтобы после смерти его сразу же убрали. Его кладут на парадную постель, и Захарьин произносит короткий монолог, которым подчеркивается создавшееся положение. Действие до самого конца происходит в присутствии мертвого Иоанна, что дает повод к двум-трем реминисценциям. Покойник лежит под парчовым покровом, что позволит заменить Дависона или любого другого каким-нибудь скромным Dienstmann [18]. Эта обрядность, это парадное ложе среди сокровищ и полное крушение самодержавной власти, призрак которой еще присутствует здесь,— все это весьма эффектно. Могу сказать, как сказал Глюк Марии-Антуанетте по поводу «Ифигении»: «Сударыня, это великолепно!» [19]. А теперь скажите-ка, что поделывает перевод «Иоанна»? Состоялось ли чтение в Веймаре? Что оно дало и т. д.? Забыл Вам сказать, что я упразднил звонок, как деталь археологически неточную, и заменил его возгласом: *«Люди! Люди!»* Это не хуже, а может быть, лучше. Но для немцев, если пьесу все же будут играть, звонок meinethalber [20] может оставаться. Мне бы только хотелось, чтобы оригинал был наконец напечатан и я мог Вам его послать.

В «Царе Федоре» будет действовать прелестнейшая женщина, боярыня Василиса Волохова, новая мамка, подысканная Годуновым для Дмитрия. Я возлагаю на нее большие надежды. Основа драмы, принимая во внимание характер Федора (который, как и подобает, играет главную роль), вполне gemütlich [21], а на этой осно-

ве — вот сколько мертвецов: Дмитрий убит, Битяговский в клочья разорван толпой, Иван Петрович и двое его братьев задушены, несколько дворян и трое купцов — сторонники Шуйских — казнены. Это даже слишком, и большая часть этих господ, даже, кажется, все, погибнут за сценой. Liebe wird auch nicht fehlen und wird ganz historisch sich in die Geschichte einflechten, denn so etwas ist wirklich während derselben passiert, und gehört wesentlich zur Auflösung des Ganzen [22].

Обращали ли Вы внимание, как лихо Шиллер обращается с размером? Откуда это у него? Да хранит Вас господь. Обе Софии, большая и маленькая (не такая уж, впрочем, и маленькая) [23], передают Вам самые лучшие пожелания. Большая всю эту зиму болела и сейчас еще больна. По счастью, у нас очень славный врач. Еще раз да хранит Вас господь. Geben Sie mir einen Ruck! [24]

Весь Ваш

Ал. Толстой.

[1] и получить от Вас толчок. Творческие силы есть, и они — не в праздности, но Вы должны вдохновить меня на работу и ввести в рамки, ибо масштаб меня чуть не подавляет *(нем.)*.

[2] Таких слов в письмах Шиллера к Гёте нет, но он неоднократно высказывал подобную мысль: «Чем больше я уточняю свои идеи относительно формы драмы, тем необъятнее представляется мне масса материала, которою надо овладеть... Многое решительно отказывается уместиться в тесных границах трагедии... Трудно справиться с богатым и неподатливым материалом» (Шиллер и Гёте. Переписка, т. 1, М.-Л., 1937, стр. 209, 216, 349).

[3] по своему усмотрению *(нем.)*.

[4] который невольно играет решающую роль *(нем.)*.

[5] См. примеч. 10 к № 19.

[6] Замысел Толстого впоследствии изменился: Дмитрий Самозванец в третьей трагедии, «Царь Борис», ни разу не появляется на сцене. Всю же трилогию и в 1874 г., в письме к А. Губернатису, поэт называет «Борис Годунов».

[7] Ср. письмо № 22 и примеч. 5 к нему.

[8] огромные размеры, масштаб *(нем.)*.

[9] не могут претендовать на то, чтобы стоять на собственных ногах *(нем.)*.

[10] предпосылок *(нем.)*.

[11] если она составляет часть большого целого, все же сама и в себе самой должна составлять целое, быть понятной сама по себе и самодовлеющей *(нем.)*.

[12] многообещающий юноша, берущийся за то, чего устрашился его папаша *(нем.)*. Это намерение Толстого не было реализовано: ни самого Михаила Битяговского, дьяка, управлявшего двором

вдовы Ивана Грозного Марии Нагой (ему приписывалась организация убийства царевича Дмитрия), ни его сына Даниила, который, по летописным данным, принимал непосредственное участие в убийстве, в окончательном тексте «Царя Федора Иоанновича» вообще нет. Эти планы относятся к тому времени работы Толстого над трагедией, когда угличские сцены (в том числе убийство Дмитрия) занимали в ней значительно больше места, чем в окончательном тексте: со сцены в Угличе она начиналась. См. также т. 3, стр. 546.

[13] По существовавшим тогда цензурным правилам, появление на сцене лиц духовного звания было запрещено.

[14] тоска по родине; здесь: тоска *(нем.)*.

[15] Глюмер К. (1825—1906)—немецкая писательница, переводчица. Баудиссин В.-Г.-Ф.-К. (1789—1878) — немецкий писатель и переводчик. Вольфсон В. (1820—1865) — немецкий драматург и журналист, переводчик русских писателей на немецкий язык, редактор журнала «Russische Revue» («Русское обозрение»). В 1863 г. в «Russische Revue» появились два акта «Смерти Иоанна Грозного» в переводе К. К. Павловой.

[16] Наиболее ранний из известных нам переводов «Князя Серебряного» на французский язык относится к 1879 г.

[17] Катков после длительного молчания вернул рукопись трагедии, так как ему показался чрезмерно высоким назначенный Толстым гонорар.

[18] служителем *(нем.)*. Дависон Б. (1818—1872) — польский драматический артист; много лет играл в Германии. Толстой имеет в виду постановку трагедии в Веймаре, осуществившуюся лишь в 1868 г. Грозного играл О. Лефельд.

[19] Глюк К.-В. (1714—1787)—немецкий композитор. Был тесно связан с парижской оперной сценой, в частности в Париже были поставлены его оперы «Ифигения в Авлиде» и «Ифигения в Тавриде». Мария-Антуанетта (1755—1793) — французская королева, жена Людовика XVI.

[20] так и быть *(нем.)*.

[21] уютна, душевна *(нем.)*.

[22] В любви тоже не будет недостатка, и она вполне исторически будет вплетаться в сюжет, ибо нечто такое действительно случилось тогда и играет существенную роль для развязки всей пьесы *(нем.)*.

[23] Софья Андреевна и ее племянница, Софья Петровна, впоследствии Хитрово.

[24] Дайте мне толчок! *(нем.)*

29. Б. М. МАРКЕВИЧУ

(Перевод с французского)

Первая половина 1866 г., Рим.

...очень оригинально и очень интересно. Трон повернут к стене в знак того, что владелец больше не может на

него сесть, но что он сохраняется для папы [1]. На улицах почти каждый день убивают, и я, когда выхожу ночью, кладу в карман револьвер — право, которое всем иностранцам предоставляется через посредство их посольств. Все это вкупе с прекрасной погодой и плеском фонтанов составляет прелестное сочетание. Да хранит Вас господь, дорогой мой Маркевич, жена шлет Вам и Вашей жене самые добрые пожелания. Крепко поцелуйте крестника и не забывайте нас. Софи Бахметева и мисс Фрезер [2] шлют Вам всяческие приветы. Пишите непременно, мне это очень важно, и не ленитесь кончать Ваш роман [3]. Все, кому Вы его читали, горько упрекают Вас за лень, и первый — я. Надеюсь, увидимся летом. Кстати — почему Вы прошлой осенью не приехали пожить в Пустыньке, как намеревались? Распоряжения на этот счет были отданы.

Сердечно Ваш

А. Т.

Уже запечатав это письмо, вернее — заклеив конверт, я вдруг вспомнил, что ничего не рассказал Вам о Листе. Он по-прежнему чрезвычайно мил с нами. Вчера он у нас обедал с княгиней Шаховской, дочерью урожденной Четвертинской (Вы, кажется, видали ее в Дрездене), и после кофе, даже не дожидаясь наших просьб, сел за рояль и играл так, что совсем унес нас из мира обыденной жизни и перенес в иной мир, который мы уже и не могли покинуть весь вечер. Тут уже не приходится говорить о приемах мастерства — даже те, к которым он прибегает, не замечаются или не ощущаются как таковые. Нет больше ни рояля, ни даже звуков, и мы воспринимаем их не слухом, а по-иному. Мне кажется, что никогда, даже и во время величайших своих триумфов, он не был ни так велик, ни так прост в своем величии. И потом...

[1] Сохранился только отрывок письма, и потому трудно установить — о чем именно идет речь.

[2] Фрезер А.— гувернантка племянников и племянниц Софьи Андреевны.

[3] Вероятно, роман «Типы прошлого», напечатанный в 1867 г.

30. С. А. ТОЛСТОЙ

27 августа (8 сентября) 1866 г., Карлсбад.

Я читал критику на «Смерть Ивана Грозного». Ее написал Анненков [1]. Он боится и похвалить и осудить, и все оговаривается, и ничего не говорит. Он не знает и азбуки эстетики и никогда, как видно, ничего об эстетике не читал. Дает он мне такие правила, которые я знаю лучше его, и укоряет в том, против чего я ропщу с тех пор, как себя помню. Например, он говорит, что у меня прежде всего родилась идея *поучения* и что к ней я приспособил идею драмы, которая пришла уже после. Очень нападает на убиение Годуновым Иоанна, говоря, что оно не историческое, как будто я этого не знаю; наконец, что в архитектуру трагедии я внес иностранные понятия, но что это мне во многих местах удалось. Что это за чепуха? Потом есть в критике целые полустраницы совершенной бессмыслицы, которую понять невозможно. Разбирает он меня вместе с Чаевым (которого я не знаю и который, может быть, отличный писатель) [2] и говорит, что мы оба достойны стать на ряду с Островским и Меем и что у меня есть несомнительный талант. Мне гораздо приятнее разборы «Современника» [3], чем такие похвалы. Там, по крайней мере, просто ругаются, и тотчас видишь, с кем имеешь дело. Потом Анненков приводит *курсивом* такие слова, которых у меня вовсе нет, и говорит, что Иоанн дожидается бояр *с венцом на голове*. Это, говорят, самая лучшая критика. Каковы же должны быть другие? Одно у него очень верно и очень хорошо сказано. Он говорит, что все лежат во прахе перед моим Иоанном, а Иоанн все думает: «Они нехорошо лежат; они недостаточно откровенно лежат; они по-бунтовщичьи лежат». Я наклепал на Анненкова; я сейчас опять взглянул в книгу: он говорит, что Иоанн дожидается бояр с венцом *наготове*, а не *на голове*.

. . . .

Анненков говорит, что у меня стих в народных сценах бледный и слабый. Видно, что у него брат был обер-полицеймейстером [4], и критика его написана чухонским языком; на каждом шагу ошибки против синтаксиса и грамматики, и котурн он называет *котурною*, и что дра-

ма возникла из поучительных целей. И говорит, что я пишу, как французский драматический писатель. И что мне нужно одолеть собственную свою фантазию, сделаться ее господином и удвоить ее силу и действие, подчинив строгому воспитанию мысли, опирающейся на законы творчества и на историю, поясненную народными бытовыми началами. Вот как!.. Вальтер Скотт!.. Он говорит, что «Иоанн» у меня совершенно *односторонний* и растет только в одну сторону. В какую же ему сторону еще расти? Ужасно они глупы, эти критики, которым самим надо бы сильно учиться прежде, чем начать учить других, а особенно целую публику.

Да еще Анненков говорит, что схимник есть у меня *лукавое подставное лицо*, которое *западные европейские* драмы употребляют, чтобы пристыжать нелюбимые ими эпохи, т. е. что он является, чтобы выказать упадок Иоанна. Вишь, какое открытие! Какой он догадливый! Так прямо и догадался и нисколько не *ошибся*. И вообще, говорит, приемы моей постройки драмы суть приемы *европейские*.

[1] Анненков П. В. (1813—1887)—критик и историк литературы, биограф Пушкина и редактор первого научного издания его сочинений. Речь идет об его статье «Новейшая историческая сцена» («Вестник Европы», 1866, т. 1, март).

[2] Чаев Н. А. (1824—1914) — автор исторических пьес и романист.

[3] «Современная русская драма (по поводу трагедии гр. Толстого „Смерть Иоанна Грозного")».— «Современник», 1866, № 2.

[4] Анненков И. В. (1814—1887) — генерал-адъютант, военный историк, в 1862—1866 гг. петербургский обер-полицмейстер.

31. Б. М. МАРКЕВИЧУ

25 ноября 1866 г., Пустынька.

Мой милый Маркевич!

Раз Вы были так добры, что согласились руководить артистом, который будет играть в моей трагедии роль Бориса Годунова [1], условимся насчет того, как следует понимать эту роль. Сего ради оставим прежде всего язык

Альфреда де Мюссе и перейдем на варварское наречие Пушкина [2].

Годунов должен во всей своей личности проявлять обаятельную силу. Она дается ему сознанием своего превосходства, *верою в самого себя*, умением безошибочно оценивать других и полным самообладанием. Привлекательная его наружность много помогает ему подчинять себе людей. Взгляд его бархатный и ласкающий; голос благозвучный и ровный; если можно так выразиться, *минорный;* приемы и походка сдержанны и умеренны, безо всякой принужденности; в нем нет ничего заискивающего, ничего иезуитского, rien de cafard [3]. Когда он в Думе унижается перед другими боярами, это унижение должно быть передано так натурально, что зритель, не посвященный в историю, должен быть им обманут и подумать: «Какой же это скромный молодой человек! Ему бы надо помочь, он может быть очень полезен!»

И этот скромный человек мало-помалу растет и принимает колоссальные размеры. В проекте постановки трагедии на сцену я изложил, как он, оставаясь постоянно самим собою, принимает бесчисленные оттенки, сообразно тому, с кем имеет дело. Я очень прошу Вас обратить внимание на мою характеристику Годунова в этом проекте; там сказано главное; здесь я могу только пояснить, что́ уже я сказал там. Камень преткновения для актера состоит в том, что он легко может быть увлечен или сделать из Годунова Тартюфа, или играть совершенно бесцветно. Ни то, ни другое никуда не годится; оттого-то роль Годунова так и трудна, не в пример труднее Иоанновой. Смотря по тому, как будут играть ее, она может выйти первою ролью или упасть ниже всякой посредственности. Последнее может случиться и со всякою другою ролью, но возможность первого принадлежит только Годунову. Если он будет сыгран хорошо, он может не только поспорить с ролью Иоанна, но и затмить ее. Человек, который борется *с Иоанном*, уже самым своим положением завоевывает внимание публики. От артиста зависит правдоподобностью игры оправдать возбужденное ожидание. Для этого он должен проникнуться убеждением, что его задача: всех обмануть, *всех обворожить* и всех себе подчинить, начиная с публики. Если же он

будет тартюфничать, он в состоянии обмануть разве какого-нибудь одного дурака, а уж, во всяком случае, не Иоанна. Сам мольеровский Тартюф надувает только одного Оргона (кажется, так?), все же прочие видят его насквозь. Играющий Годунова должен действительно *хотеть* обмануть и Иоанна, и Захарьина, и Шуйского, и самую публику. Но это только одна сторона его. В нем должен быть виден *государственный человек* и та доля любви к добру, которая совместна с его честолюбием. Я принужден опять отослать играющего к моей брошюре, где эта сторона Годунова разобрана подробно. Чтобы собрать в немногие слова все требования к Годунову, скажем, что в нем должны быть видны:

1-е. Вера в самого себя.

2-е. Степенное и скромное благородство приемов и голоса.

3-е. Бархатный, но проницательный взгляд.

4-е. Отсутствие всякого *видимого* притворства.

Если артист сумеет присвоить себе эту наружную сторону игры, внутренняя или психическая сторона дастся ему гораздо легче. Когда он сам себя вообразит, каким я его описываю, все интонации скажутся ему сами собою, и он сам почувствует, если сфальшивит.

Вообще же, мой дорогой Маркевич, я наметил только вехи, и Ваш собственный драматический талант подскажет Вам все детали этого обучения — труд, который Вы так любезно взяли на себя.

Мне известно, что Вы присутствовали при чтении Васильевым роли Ивана. Не знаю, остались ли Вы им довольны, но мне хотелось бы, чтобы Ваше суждение о нем, если оно неблагоприятное, не было бы окончательным, так как то, что Вы слышали, это же только первый опыт, первый бросок, лишь нащупывание, поиски направления, предполагающие более зрелую разработку. Знаю также, что Феофил Толстой пытался настроить Вас против Васильева. Скажу Вам только одно: когда Самойлов решительно отказался от роли Ивана, Васильев взял ее с непременным условием, что я не отниму ее у него, если Самойлов изменит свое решение. *Я, таким образом, уже не имею права отнять ее у него.* Это и решает вопрос и делает бесполезным всякий спор

с Толстым по этому поводу. А теперь — да хранит Вас господь, увижу Вас на этой неделе.

Весь Ваш
Ал. Толстой

[1] К этому времени роль Годунова перешла к артисту Александринского театра А. А. Нильскому (1841—1899).
[2] Первый и последние два абзаца написаны по-французски.
[3] ничего лицемерного *(франц.)*.

32. В. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

27 или 28 декабря 1866 г.

...Он читал мне четыре акта в присутствии Рафаила[1] и читал *очень хорошо*, за исключением неправильного произношения некоторых слов, например, *пред*ставился вместо *пре*ставился. Сельвестр вместо С*и*львестр, Мстеславский вместо Мст*и*славский, «с гла́з на глаз» вместо «глаз на́ глаз» и некоторые другие. Потом необходимо заучить роль гораздо тверже, чтобы говорить *слово в слово;* а то от перестановки слов, от неверности ударений совершенно разрушается стих и дерет ухо. Я предвидел такую непривычку наших артистов к стиху и намеренно указал на нее в конце моей брошюры;[2] но пока серьезно заботится об этом только Нильский. Я, впрочем, еще могу помириться с этим при полноте других, существенных достоинств, которые и были в первом чтении Васильева: повторяю, он прочел мне с Рафаилом *очень хорошо.* Ускорение темпа придало много жизни роли Иоанна, и вообще игра Васильева, сравнительно со впечатлением моим от репетиции, казалась мне как небо от земли. Одно бы я заметил относительно игры: что следовало бы *испугаться*, когда он слышит, что скребут в подполье, а то выходит точно *рассуждение*, «лучше после окончит синодик»,— испуг приходит слишком поздно. Нервности, больше вообще нервности или впечатлительности, восприимчивости, раздражительности — да и *царственности* больше, гораздо больше! Кабы Васильев ни за что не умедлял темпа, а если может, то даже пусть

бы еще ускорил, исключая в рассказах, в иронии и в распределении сокровищ. Тут только может быть кстати медленный темп. После обеда Васильев повторил чтение в присутствии большого числа лиц, и вышло опять прежнее. Главный порок — монотонность и *запевание* кверху. Особенно неудачна сцена со схимником...[3]

[1] Рафаил — Р. А. Писарев (1850—1906), родственник приятеля Толстого А. П. Бобринского.

[2] «Проект постановки на сцену трагедии „Смерть Иоанна Грозного"» (см. т. 3, стр. 492).

[3] Этот отрывок из письма Толстого приведен В. М. Жемчужниковым в письме к артисту Александринского театра П. В. Васильеву (1832—1879) от 28 декабря 1866 г. Жемчужников сообщил Васильеву, что просил Толстого откровенно поделиться своими впечатлениями от его чтения.

33. А. А. НИЛЬСКОМУ

24 или 31 января 1867 г.

Любезный Александр Александрович!

...Я совершенно забыл сказать Вам при последнем свиданье, что Вы два раза, т. е. на двух представлениях, проговорились в роли Годунова. Когда он говорит к народу из окна, Вы оба раза сказали:

Великий царь и князь всея Руси

вместо:

Великий князь и царь всея Руси.

Последнее есть официальный титул наших царей, от которого нельзя отступать. Это, конечно, безделица, но мне хотелось бы, чтобы Вы были во всем безгрешны.

Воронов[1] обещал мне проделать для Вас боковую дверь, в последней сцене, из которой Вам будет возможно выйти с ответом Иоанну так, чтобы Ваше появление было тотчас замечено публикой. Это даст Вам возможность продлить эту важную сцену, единственную в трагедии, которую следует *длить*. Пусть публика видит, что Вы пришли недаром, пусть она ожидает от Вас чего-

нибудь необыкновенного, рокового, пусть Иоанн, увидя Вас, испугается Вашего медления, пусть и самим Вам будет несколько жутко играть ва-банк с таким господином, как Иоанн. Если публика увидит, как Вы входите, как вы готовитесь, как Вы медлите, это даст Вам повод к такой мимике, что Вы заставите замереть сердце публики; а причиной тому будет боковая дверь, тогда как теперь вовсе не видать, как Вы входите.

До свидания, любезный Александр Александрович, но на этот раз еще не в театре, я сегодня быть не могу.

Искренно Ваш

Ал. Толстой.

[1] Воронов Е. И. (ум. в 1868 г.) — артист и режиссер Александринского театра.

34. Ф. М. ТОЛСТОМУ

7 февраля 1867 г.[1].

...Самойлов был прекрасен своею наружностью; Самойлов в некоторых местах произвел потрясающий эффект — совершенная правда! Да разве Самойлов может быть другим? Разве он стоит на обыкновенном уровне? Разве от него не требуется более, чем от других? Я могу хлопать другому актеру, чтоб его ободрить, когда он какое-нибудь место сыграет верно; но Самойлов *должен* играть верно с начала до конца; это ему не может быть вменено в заслугу, как никому не приходило в голову вменять в заслугу Паганини [2], что он не фальшивил. Что для другого актера есть крайняя высота, то для Самойлова есть не иное что, как точка отправления.

Природа и господь бог наделили его такими силами, что ему стоит захотеть — и *он заставит публику и бледнеть и дрожать*. Но для этого он должен отнестись с крайним уважением к собственному своему дарованию; он должен извлечь из себя все, что в нем есть. Так ли он поступил вчера? Нет! Он положительно не знал своей роли. Самойлов — звезда первой величины, упу-

скает случай играть на нервах своих слушателей, как Лист на клавишах фортепьяно, потому что в ту минуту, когда ему надо выражать страсть, гнев, страх, угрызение совести, отчаянье — он ищет слов.

Господи помилуй! Да это все равно, что если б я пошел на медведя и в ту минуту, когда бы он поднялся передо мною на дыбы — стал бы заряжать ружье.

Твердое знание роли есть первое, необходимое условие для сценического художника. Роль есть тело, в котором живет его душа, которым она должна двигать так же мгновенно, как мы двигаем руками и ногами.

Актер, не знающий своей роли, есть человек, разбитый параличом, который хочет поднять руку и не может...

[1] Письмо написано на следующий день после первого представления «Смерти Иоанна Грозного» с В. В. Самойловым (1812—1887) в роли Грозного. «Желая исправить невыгодное впечатление, произведенное на автора первым представлением,— указал в своей статье Ф. М. Толстой,—мы написали ему письмо, в котором подробно изложили все оттенки, приданные г. Самойловым роли Грозного. В ответ граф Толстой сообщил нам письменно свои замечания, с дозволением придать им надлежащую гласность, если мы признаем это полезным» («Голос», 1867, № 76).

[2] Паганини Н. (1782—1830) — итальянский скрипач-виртуоз и композитор.

35. К. САЙН-ВИТГЕНШТЕЙН

(Перевод с французского)

20 февраля 1867 г., Пустынька.

Милейшая княгиня, Вы имеете право обвинять меня в неблагодарности, так как я до сих пор еще не отдал Вам отчета о приеме моей трагедии, несмотря на столь благосклонный интерес к ней с Вашей стороны. Признаюсь, по видимости всё против меня, но есть смягчающие обстоятельства. Я самому себе не отдавал отчета во впечатлении на публику от моей пьесы, так как с самого начала она была жертвой разных закулисных тщеславий, вследствие чего главная роль выпала на долю второстепенного таланта, по крайней мере, в этом амплуа [1]. Публика, газеты и сами актеры раздели-

лись на два лагеря, и последовала жестокая война. Много кричали, что г-н Васильев, который играл Иоанна, добровольно отказался от своей роли в пользу г-на Самойлова, который был встречен криками восторга и осыпан дождем цветов и лавровых венков при своем появлении [2]. С 12-го (24-го) января пьеса дается два раза в неделю, и зала всегда переполнена. Неслыханная до сих пор вещь — дирекция открыла подписку, и записываются за 10 и 15 дней, чтобы получить ложу; несколько человек приехали из Москвы и не могли достать билеты. Не обвиняйте меня в лицемерии, но я в большой мере приписываю этот успех точности и красоте декораций и костюмов; мне в этом отношении очень посчастливилось: во-первых, было отпущено 31 000 р. на постановку трагедии; затем князь Гагарин, вице-президент Академии художеств, сделал рисунки главных декораций [3], академик Шварц — костюмов, и г-н Серов написал музыку для танца скоморохов. К тому же г-н Костомаров, профессор истории, и другие лица, которые специально занимались археологией, принимали участие в усовершенствовании постановки пьесы и отнеслись к этому с таким рвением, что я был тронут, тем более что никогда не обратился бы к ним из скромности. Что касается г-на Серова, то я даже его еще не знал, когда он написал свою музыку, полную красок и оригинальности. Я его попрошу дать мне копию, которую я пошлю нашему милому г-ну Листу. Серов намеревается написать музыку и к другим актам [4]. Что касается меня, то я видел пьесу всего три раза,— два раза с Васильевым и один раз с Самойловым. Я даже не достал бы билета последний раз, если бы министр двора не дал мне свое кресло. Самойлов великолепен внешностью и манерами, но он не знал своей роли, когда я его видел,— и это испортило некоторые места. Самый большой успех всегда — смелость: сцена посла, народная сцена (к великому ужасу полицеймейстера) и сцена исповеди царя с коленопреклонением. Мои защитники против полицеймейстера и той части публики, которая приверженнее к монархии, чем сам король, это государь и государыня. Два раза они приезжали смотреть пьесу и два раза мне аплодировали и призывали в свою ложу. Один француз, который перевел пьесу, приходил мне ее читать вчера [5]

и говорил, что узнал из немецкой газеты, что ее давали в Веймаре; это мне кажется мало правдоподобным, так как мы получили недавно письмо из Веймара от баронессы Мейендорф, в котором она нам пишет, что великий герцог *намеревается* поставить эту трагедию [6]. Я буду счастлив, если ее там поставят, но мне досадно, что я не послал г-же Павловой рисунки костюмов [7]. Теперь довольно об «Иоанне», милая княгиня; я должен Вам сказать несколько слов о его сыне [8]. Я написал несколько новых сцен, делаю и переделываю прежние,— все, чтобы приблизиться к моему первоначальному плану, от которого, я чувствую, как всегда отдаляюсь, благодаря большому числу мотивов в этой драме. Я стараюсь ее упростить, и это не так легко, как кажется; я не боюсь, чтобы мне недостало красок, но линия приносит мне много хлопот. Вы, может быть, помните, что если я себе представляю Иоанна как гору, которая подавляет страну, то сын его Федор представляется мне как какой-то овраг, в который все проваливается [9]. Вот тема; теперь дело в том, чтоб сделать ее понятной. Деятельное и страдательное начала — в их крайних пределах. Кстати, я забыл Вам сказать, что в сцене Бориса с его женой он ее целует, по Вашему отличному совету. Этот поцелуй дается два раза в неделю госпоже Струйской господином Нильским, который отлично это исполняет и Вам бесконечно благодарен. Я ошибся: он целует не г-жу Струйскую, а г-жу Жулеву; что касается г-жи Струйской, она играет царицу, и ее муж ее не целует.

Мы получили письмо от Бобринского [10], со вложением маленького письма от Вас к графине С., в котором, я полагаю, Вы говорите обо мне с Вашею обычною добротой. Моя жена все больна; она Вам напишет длинное письмо, покамест же она просит прощения за свое долгое молчание. Я думаю, что она может жить только в Риме, но, к несчастью, un nume, un fato, di noi pui forte [11], противится этому. All'idea di quel metallo, mi manca la voce, mi sento morir [12]. «Vieni a Roma, o cara, vieni!» [13] — говорю я ей, а она мне отвечает: «Il cor mi si divide» [14]. Тогда мы повторяем вместе: «Cari luoghi, io vi ravviso» [15]. Милая княгиня, в настоящее время я издаю все мои стихотворения, и как только они появятся в печати, я буду искать случая Вам их переслать; я говорю — слу-

чая, потому что Вы знаете, как плохо работает наша почта. Я также намереваюсь Вам поднести новое издание «Иоанна», с проектом постановки [16]. Скажите, пожалуйста, нашему милому и доброму Листу, с какой дружбой, с каким глубоким уважением мы думаем о нем. Скажите ему, что я его целую от всего сердца и что я его часто вижу во сне.

Прощайте и *до свидания*, милая княгиня, да хранит Вас бог; сохраните добрую память о сердечно преданном Вам

Алексее Толстом.

[1] Речь идет о П. В. Васильеве.

[2] В первый раз В. В. Самойлов исполнял роль Грозного 6 февраля 1867 г. в бенефис артистки Е. В. Владимировой, игравшей вместо Е. П. Струйской роль царицы. Как только Самойлов появился на сцене, его приветствовали бурными аплодисментами. Однако игра Самойлова тоже не оправдала надежд даже самых ревностных его поклонников. Об отношении к ней Толстого см. письмо № 34.

[3] Степень участия в постановке Г. Г. Гагарина не вполне ясна. См. А. К. Толстой. Собр. соч., т. 4, М., 1964, стр. 205, 207.

[4] А. Н. Серов предполагал написать музыку к антрактам, но это намерение не было осуществлено.

[5] О ком именно идет речь — неизвестно. Первый перевод «Смерти Иоанна Грозного» на французский язык (С. Курьера, П. Демени и Г. Изамбо) был напечатан в Париже в 1879 г.

[6] Баронесса Мейендорф — жена русского поверенного в делах в Саксен-Веймар-Эйзенахском герцогстве Ф. К. Мейендорфа. Трагедия была впервые поставлена в Веймаре 18 (30) января 1868 г.

[7] Рисунки костюмов были вскоре посланы К. Павловой.

[8] То есть о трагедии «Царь Федор Иоаннович».

[9] См. монолог Бориса Годунова в пятом действии «Царя Федора Иоанновича» («Великая гора был царь Иван...»).

[10] Речь идет о Л. А. Бобринском, постоянно жившем в Риме.

[11] некое божество, некий рок, более сильный, чем мы *(итал.)*— слова из арии Нормы в одноименной опере В. Беллини.

[12] При мысли об этом металле (т. е. о золоте) я немею, я чувствую, что умираю *(итал)* —неточная цитата из либретто оперы Д. Россини «Севильский цирюльник».

[13] «Приезжай в Рим, о любимая, приезжай!» *(итал.)*—неточная цитата из либретто оперы В. Беллини «Норма».

[14] «Сердце разрывается» *(итал)*. Источник цитаты не установлен.

[15] «Дорогие края, я узнаю вас» *(итал.)*. Источник цитаты не установлен.

[16] То есть отдельное издание «Смерти Иоанна Грозного» и «Проект постановки на сцену трагедии „Смерть Иоанна Грозного"», вышедшие в ноябре 1866 г.

36. С. А. ТОЛСТОЙ

Начало сентября н. ст. 1867 г., Карлсбад.

Перед кем же мне хвастаться, как не перед тобой. Мне кажется, что я у тебя в сердце как дома, несмотря ни на что.

Я уже перевел 16 строф из «Коринфской невесты», и мне кажется, что между ними есть некоторые отличные.

Насколько русский язык красивее немецкого! Гораздо музыкальнее вышло по-русски: «und es kommt so grauenhaft schön heran» [1], и, по-моему, некоторые строфы вышли лучше по-русски, чем по-немецки.

Я стараюсь, насколько возможно, быть верным оригиналу, но только там, *где верность* или точность *не вредит художественному впечатлению*, и, ни минуты не колеблясь, я отдаляюсь от подстрочности, если это может дать на русском языке другое впечатление, чем по-немецки.

Я думаю, что не следует переводить *слова*, и даже иногда *смысл*, а главное, надо передавать *впечатление*.

Необходимо, чтобы читатель перевода переносился бы *в ту же сферу*, в которой находится читатель оригинала, и чтобы перевод действовал на *те же нервы*.

И этого, кажется, мне удалось достичь.

Что ужасно трудно — это маленькие, короткие два стиха перед концом каждой строфы.

Наши слова все гораздо длиннее, чем немецкие, и против воли приходится иногда отказаться от перевода маленьких подробностей: в «Коринфской невесте» довольно большое количество стихов, вставленных лишь как заклепки, и я эти стихи без церемонии отбрасываю, и русская строфа выигрывает и становится лучше немецкой.

Я начинаю думать, что я лучше перевожу, чем m-me Павлова с немецкого на русский. С русского на немецкий я уверен, что она лучше переводит. «Бог и баядера» гораздо легче, так как там нет этих коротеньких стихов, и вышло по-русски очень гармонично и, мне кажется, переносит вполне читателя в желаемую сферу, тожественную с оригиналом.

...Несколько дней тому назад Крюднер баденский велел меня спросить, хочу ли я иметь фотографию гос-

пода бога? Я ему велел отвечать: конечно, я ее желаю, но только если она сделана с натуры, так как я не доверяю портретам. А вот вчера я от него получаю письмо и три фотографии, огромные и ужасные, снятые — с его рисунков... и представляющие бог знает что такое...

[1] Такого стиха в «Коринфской невесте» Гёте нет.

37. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

7 января 1868 г., Петербург.

Посылаю Вам мою былину, многоуважаемый Михаил Матвеевич. Я решился оставить припев, как он есть, т. е. «Ой ладо, ой ладушки-ладо!» Кроме того, что *Лель* или *Дид* выходят тяжеловесны и перетягивают весь балласт на конец строфы, я нахожу, что они слишком этнографичны и археологичны для такого стихотворения, где нет никакого притязания на эти качества, а скорей напротив. Где говорится и о *кнуте*, и о *батогах*, и о *татарах* и где вообще весь язык великорусский, нет беды, что и припев будет великорусский, а не южнорусский. Дактиль: *ладушки* очень хорош потому, что придает легкость припеву и отымает у него мифологический характер, оставляя один характер удали и веселости. Во всей этой пьесе сквозит современность, а потому я позволяю себе не быть строгим историком или археологом. До сих пор все были довольны ее направлением; ожидаю с нетерпением московской и нигилистической брани [1].

Если бы Вы, любезный Михаил Матвеевич, пожаловали к нам обедать в понедельник с Костомаровым [2], я, надеюсь, успел бы перед отъездом еще раз пожать Вашу руку.

Весь Ваш

Ал. Толстой

[1] Речь идет о стих. «Змей Тугарин», впервые напечатанном в «Вестнике Европы» (1868, № 2) под заглавием «Былина». Отзывов о нем в журналах и газетах не было.

[2] Костомаров Н. И. (1817—1885) — русский и украинский историк, этнограф, беллетрист, один из ближайших сотрудников «Вестника Европы».

38. Ф. ЛИСТУ

(Перевод с французского)

2 февраля 1868 г., Веймар.

Дорогой господин Лист!

Испытываю сейчас внутреннюю потребность написать Вам, чтобы сказать, что мне принесла счастье царящая в Веймаре духовная атмосфера, которая исходит от Вас. В течение недели, что я нахожусь здесь, я много думал о Вас, думал с чувством дружбы и благодарности (поверьте, что это не пустая фраза), и если я прежде всего Вам обязан принятием на веймарскую сцену моей трагедии «Смерть Иоанна», то мне также приятно думать, что той магнетической силе, которой Вы подкрепили Вашу рекомендацию, я обязан действительно неожиданным успехом этой пьесы при первом ее представлении. Состоялось оно в этот четверг, 30 января. Театр был переполнен, любопытных было больше, чем мест, и после окончания первого акта аплодисменты уже не прекращались. Меня несколько раз вызывали и оказали мне прием, который не могу назвать иначе, как триумфом. Правда, что и артисты, вдохновляемые как собственным добрым желанием, так и горячим интересом великого герцога, неимоверно потрудились на репетициях. Иоанна сыграл Лефельд, Годунова — Л'Аме. Лефельд был великолепен. Л'Аме превосходен, остальные почти все хороши. Маленькую роль царицы дивно исполнила мадемуазель Шарль в исторически достоверном костюме, сделанном по рисунку нашего академика Шварца. Словом, все замечательно удалось, и директор театра г-н фон Лон, а также все артисты в один голос говорят, что редкая пьеса встречала подобный прием. Näheres werden Sie wahrscheinlich durch Ihren weimarischen Correspondenten erfahren [1]. В день своего приезда я имел удовольствие встретить Ременьи [2] и не без грусти подумал о том, как славно жилось в Риме. Моя переводчица г-жа Павлова выпускает в свет двенадцать моих стихотворений, переведенных ею на немецкий [3], и я поручаю Бобринскому доставить Вам экземпляр. Послезавтра я уезжаю к жене в Петербург. Не

прошу Вас писать нам, Вы и так слишком заняты, но думайте иногда о нас, любящих Вас сильнее, чем это можно выразить словами.

Да хранит Вас господь, дорогой господин Лист, от всей души обнимаю Вас. Напомните обо мне княгине Витгенштейн.

Всецело Ваш

Алексей Толстой.

Простите, что письмо не франкирую; это — для большей надежности.

[1] Более обстоятельные сведения Вы получите, вероятно, от Вашего веймарского корреспондента *(нем.)*. Сам Толстой подробно описал эту постановку в статье «„Смерть Иоанна Грозного" на веймарской сцене» («Современная летопись», 1868, № 5, стр. 5).

[2] Ременьи Э. (1828—1898) — венгерский скрипач-виртуоз.

[3] «Zwölf Gedichte», 1868.

39. П. В. АННЕНКОВУ

2 марта 1868 г., Петербург.

Искренно, сердечно, душевно благодарю Вас, дражайший Павел Васильевич, за высказанное Вами мнение и за участие к «Федору Иоанновичу» — но что ж делать! я не убежден, теории наши совершенно расходятся. По всем моим драматическим понятиям, по моему *credo* [1] в искусстве, катастрофы действующих лиц должны быть в последней сцене *связаны в один сноп*, а не размещены по разным сценам. Не разделяю также взгляда Вашего на неуместность площади как арены для высказыванья психического перелома в Федоре. Мне хотелось бы состязаться с Вами письменно или печатно об искусстве вообще и о драме в особенности, разумеется, *не о моей* [2]. Если Вас не пугает риск захватить кончик 4-го акта, я очень был бы Вам благодарен, если бы Вы пожаловали к нам в понедельник для 5-го акта, который Вы желали прослушать еще раз. Он, вероятно, начнется около 11 часов. Но само собою разумеется, что мы, и я и жена, очень, очень рады видеть Вас и прежде [3].

Еще раз спасибо Вам, не считайте меня упрямым человеком, я только убежденный, иначе убежденный, чем Вы.

Надеюсь, до свидания в понедельник!

Весь Ваш

Ал. Толстой.

[1] убеждения *(лат.);* в буквальном переводе — верую.

[2] По-видимому, Анненков (см. о нем примеч. 1 к № 30) высказал свои замечания после чтения трагедии у В. П. Боткина 1 марта 1868 г. Эти замечания вошли впоследствии в его статью о «Царе Федоре Иоанновиче» — «Последнее слово русской исторической драмы» («Русский вестник», 1868, № 7), вызвавшую резкую критику Толстого.

[3] Это чтение состоялось 4 марта 1868 г. По-видимому, Анненков на нем не присутствовал. 1 апреля 1868 г. Толстой читал трагедию у Анненкова.

40. К. К. ПАВЛОВОЙ

(Перевод с немецкого)

28 мая (9 июня) 1868 г., Карлсбад.

Хочу воспользоваться случаем, чтобы побеседовать с Вами и поделиться некоторыми сомнениями эстетического порядка, в частности — в самом ли деле доказано и решено, что герой трагедии непременно должен стремиться к категорически определенной цели и желать чего-то определенного, а достижение или утрата этого должны составлять в пьесе катастрофу? По-моему, такое определение немножко узко и не подходит к иным трагедиям, которые всеми признаются шедеврами. Я, например, спросил бы Вас: к чему стремится Макбет? а если бы Вы мне ответили: к короне,— я бы на это возразил Вам: этой цели он достигает уже в начале, и с достижением ее трагедия была бы закончена и возмездие должно было бы совершиться раньше. Значит, предмет драмы составляет не *стремление* Макбета к цели, а скорее все то, что наступает *после* ее достижения. Еще более разительным примером мне кажется король Лир. К чему он стремится? Да ни к чему! Ведь нельзя же

было бы на это ответить bona fide[1] утверждением, что он стремится быть почитаемым или отомстить тем, кто его не чтит. Все это имеющиеся в трагедии *мотивы*, но не самый *предмет* трагедии. К чему, далее, стремится Отелло? Жениться? Но женится он уже в самом начале произведения. Отомстить жене? Эта мысль возникает у него лишь в конце, и ни то, ни другое не составляет предмета драмы. Так не правильнее ли было бы сказать: предметом трагедии *должно быть значительное событие, в ходе которого развиваются и проявляются интересные характеры*. Эта формула одинаково хорошо подошла бы к «Гамлету», «Кориолану», «Юлию Цезарю» и «Ромео», как и к «Макбету», «Лиру» и «Отелло», между тем как в противном случае последние три произведения вовсе и не были бы трагедиями.

Если бы все сказанное вызвало у Вас предположение, не защищаю ли я самого себя в «Иване» и «Федоре», то это было бы совершенно верно. Я именно считаю, что при каждом значительном событии должны проявляться человеческие желания или стремления, но что они не должны неизбежно сосредоточиваться в главном герое, как показывают вышеприведенные примеры.

Преданный Вам и — честь имею доложить — продолжающий трудиться над «Царем Борисом» житель курорта

Ал. Толстой.

[1] с чистой совестью *(лат.)*.

41. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

28 октября 1868 г., Красный Рог.

Любезный и многоуважаемый Михаил Матвеевич, из письма Вашего от 18 октября я с прискорбием вижу, что был причиной некоторых недоумений. Ваши два предшествующие письма я получил и отвечал Вам, благодаря Вас искренно за все Ваши советы и предложения, *которые принял все*. В одном виноват. Если я напи-

сал о 3000 экземплярах вместо 1200, то это, должно быть, был с моей стороны lapsus calami [1], и я хотел говорить о «Серебряном», ибо очень помню, что мы с Вами решили напечатать 1200 и 50 веленевых. Еще раз, и много раз, спасибо! Я все сделаю так, как Вы советуете, а Вы давайте Ваши инструкции Соловьевичу [2].

Царь Борис не только посещает меня, но сидит со мной неотлучно и благосклонно повертывается на все стороны, чтобы я мог разглядеть его. Увидев его так близко, я его, признаюсь, полюбил. Вступление уже окончено и, *говорят*, вышло очень хорошо. По крайней мере, закваска есть, так называемое уксусное гнездо, а с этого фундамента я уже обозреваю всю трагедию и очень ею занят. Надеюсь, она не будет хуже двух предшествовавших, а меня привлекает более. Если удастся, то выйдет полная и органическая трилогия.

Гончаров писал ко мне, но я не мог еще ему отвечать; хотел сегодня, но разболелась голова. Буду писать с следующей почтой. Он рассказывает мне о визите Ростислава с Фуксом и об объяснениях первого, как он, в качестве члена, подал два голоса к запрещению «Федора», а в качестве литератора — один голос к позволению. Действительно страшная Zersplitterung seines Wesens [3]. Это как-то напоминает пресущественную троицу, но ведь и та действует заодно сама с собой. Или не вмещает ли он в себе три души, две цензурные и одну литературную? [4] Как бы то ни было, я рад, что Вы почли мой проект достойным явиться в «Вестнике» [5], и надеюсь, что он несколько устранит мнение о *вреде* трагедии.

Позвольте Вас обнять и крепко пожать Вашу руку.

Искренно Ваш

Ал. Толстой.

Жена очень Вам кланяется и ждет с нетерпением продолжения Ауэрбаха [6]. До сих пор ведь и в октябрьской книге были одни сплетни.

[1] описка *(лат.)*.

[2] Соловьевич И. К. — управляющий делами Толстого. Речь идет о новом издании «Князя Серебряного», которое появилось весною 1869 г. и было осуществлено с помощью Стасюлевича.

[3] Буквально: расщепление (здесь — раздвоение) его личности *(нем.)*.

[4] Историю запрещения постановки «Царя Федора Иоанновича» см. в т. 3, стр. 547—548. О роли Ростислава, т. е. Ф. М. Толстого, см. стихотворные послания к нему в т. 1, стр. 394—395 (примеч. на стр. 647).

[5] «Проект постановки на сцену трагедии „Царь Федор Иоаннович"» был напечатан в № 12 «Вестника Европы» за 1868 г.

[6] Ауэрбах Б. (1812—1882) — немецкий писатель. Толстой познакомился с ним в Берлине в конце 1862 или в январе 1863 г. Роман Ауэрбаха «Дача на Рейне» печатался в «Вестнике Европы» с № 9 за 1868 г. и в течение всего 1869 г.

42. К. К. ПАВЛОВОЙ

(Перевод с немецкого и французского)

18 ноября 1868 г., Красный Рог.

Ну что же, моя глубокоуважаемая, дорогая госпожа Павлова, как обстоят дела с нашей работой? [1] Что до меня, то я благополучно довел до конца первое действие «Царя Бориса», и супруга моя говорит, *что это лучшее из всего написанного мной*. Звучание, во всяком случае, высокое — словно орган или колокольный звон. И именно этим торжественным аккордом, самым торжественным, какой я мог найти, я начинаю драму, вопреки всем правилам Фрейтага, которого, впрочем, ставлю очень высоко и его теорию ценю сейчас больше, чем прежде [2]. Невзирая на это, я полностью отбрасываю ее, *ибо чувствую, что должно быть так*. Что касается эффекта, то создать кульминацию теперь уже невозможно. Ни одному поэту в мире это бы не удалось. Но будет другая кульминация — нравственная. Герой, поднявший Россию на такую высоту (я и сам не знал, какая это была высота, пока не занялся исследованиями, необходимыми для моей драмы), простит себе свое преступление — и тут-то дьявол явится за ним. Вот Вы увидите, получится великолепно [3]. Пока что могу Вам сказать, что я плакал ревмя, когда писал экспозицию. Я три раза читал ее моей жене, и все три раза ее охватывало то же волнение.

Получили ли Вы наконец то, что Вам полагалось из Веймара? Я еще раз писал на этот счет Мейендорфу [4].

Будьте не столь лаконичны, как я, и напишите мне о себе более подробно, чем я пишу о нас. Жена моя Вас обнимает, да хранит Вас господь, по гроб жизни Ваш

Ал. Толстой.

Вложите Ваше письмо в прилагаемый конверт и соблаговолите списать себе адрес.

[1] То есть с переводом «Царя Федора Иоанновича» на немецкий язык. В ответном письме Павлова сообщила Толстому, что второй и третий акты еще не переведены.

[2] Фрейтаг Г. (1816—1895)—немецкий романист и драматург. Речь идет об его книге «Die Technik des Dramas», Leipzig, 1863.

[3] До этих слов письмо написано по-немецки, дальше — по-французски.

[4] По-видимому, имеется в виду гонорар за постановку «Смерти Иоанна Грозного» в переводе Павловой. О Мейендорфе см. примеч. 6 к № 35.

43. Б. М. МАРКЕВИЧУ

(Перевод с французского)

13 декабря 1868 г., Красный Рог.

C'est donc vous, monsieur Veillot
(Honni soit qui mal y pense),
Qui remettez en maillot
Du pays l'intelligence?

C'est donc vous, l'austère chef
De l'index et de la poste,
Que monsieur de Timacheff
Pour notre bien nous aposte?

Vous qui fouillez les boyaux
De notre correspondance,
Laissez moi, monsieur Veillot,
Vous tirer ma révérence! [1]

Мой милейший Маркевич, я с особенным удовольствием получил Ваше письмо от 1 декабря, отправленное

из Петербурга 4-го того же месяца. Прохожу мимо Ваших излияний насчет мировых судей и прочих свинств и перехожу к литературе, представляющей собой Ding an und für sich[2], меж тем как все остальное — лишь Erscheinung und Gehirnphenomen[3]. Вы говорите, что Теофилус — эхо салонных консерваторов[4]. Я, как Вы знаете, старый служака — ведь я служил в стрелках императорской фамилии, и я же старый морской волк — я ведь был членом яхт-клуба. Так вот я со всей грубой правдивостью, свойственной и тому и другому, скажу Вам, что Ваши салонные консерваторы — г....... консерваторы. Вам известно, что я ненавижу все красное, но черт меня побери,— тысяча дьяволов и три тысячи проклятий! — если в какой-нибудь из моих трагедий я собирался что бы то ни было доказывать. В произведении литературы я презираю всякую тенденцию, презираю ее как пустую гильзу, тысяча чертей! как раззяву у подножья фок-мачты, три тысячи проклятий! Я это говорил и повторял, возглашал и провозглашал! Не моя вина, если из того, что я писал ради любви к искусству, явствует, что деспотизм никуда не годится. Тем хуже для деспотизма! Это всегда будет явствовать из всякого художественного творения, даже из симфонии Бетховена. Я терпеть не могу деспотизм, так же как терпеть не могу......[5], Сен-Жюста[6], Робеспьера и ......[7]. Я этого не скрываю, я это проповедую вслух, да, господин Вельо, я это проповедую, не прогневайтесь, господин Тимашев, я готов кричать об этом с крыш, но я — слишком художник, чтобы начинять этим художественное творение, и я — слишком монархист, да, господин Милютин[8], я — слишком монархист, чтобы нападать на монархию. Скажу даже: я слишком художник, чтобы нападать на монархию. Но что общего у монархии с личностями, носящими корону? Шекспир разве был республиканцем, если и создал «Макбета» и «Ричарда III»? Шекспир при Елизавете вывел на сцену ее отца Генриха VIII, и Англия не рухнула. Надо быть очень глупым, господин Тимашев, чтобы захотеть приписать императору Александру II дела и повадки Ивана IV и Федора I. И, даже допуская возможность такого отождествления, надо быть очень глупым, чтобы в «Федоре» усмотреть памфлет против монархии. Если бы это было так, я первый приветствовал бы его запре-

щение. Но если один монарх — дурен, а другой — слаб, разве из этого следует, что монархи не нужны? Если бы было так, из «Ревизора» следовало бы, что не нужны городничие, из «Горя от ума» — что не нужны чиновники, из «Тартюфа» — что не нужны священники, из «Севильского цирюльника» — что не нужны опекуны, а из «Отелло» — что не нужен брак.

Нынче Вы первый раз пишете мне о Щербине [9], но пишете так коротко, что мне этого мало. Напишите побольше. Жена моя и мисс Фрезер [10], которая собирается выходить замуж, шлют Вам тысячу добрых пожеланий. Да хранит Вас господь.

Душевно Ваш

Ал. Толстой.

A l'instar des fabliaux,
Je finis comm' je commence,
Serviteur, monsieur Veillot,
Saluez bien son exellence! [11]

[1] Итак, это вы, господин Велио (позор тому, кто дурно об этом подумает), опять спеленали мысль всей страны? Итак, это вас, суровый командир списков запрещенных книг и почты, подослал нам на благо господин Тимашев? Вы, роющийся в наших письмах, позвольте мне, господин Велио, распрощаться с вами.— Велио И. О. (1830—1899) — директор почтового департамента министерства внутренних дел. Тимашев А. Е. (1818—1893) — министр внутренних дел.

[2] вещь в себе и для себя *(нем).*

[3] нечто кажущееся и мозговой феномен *(нем.).*

[4] Теофилус — Ф. М. Толстой. Речь идет о его роли в запрещении постановки «Царя Федора Иоанновича» (см. т. 1, стр. 647).

[5] В письме вырезана одна фамилия.

[6] Сен-Жюст Л.-А. (1767—1794) — выдающийся деятель французской революции XVIII в., якобинец, сторонник и друг М. Робеспьера.

[7] Здесь также вырезана одна фамилия; возможно: Черкасский.

[8] Милютин Н. А. (1818—1872) — в 1863—1866 гг. статс-секретарь по делам Царства Польского.

[9] Речь идет о поэте Н. Ф. Щербине (1821—1869), вскоре умершем.

[10] Фрезер — см. примеч. 2 к письму № 29.

[11] Наподобие фаблио, я кончаю, как начал; слуга покорный, господин Велио, кланяйтесь его превосходительству *(франц.).*

44. Б. М. МАРКЕВИЧУ

(Перевод с французского)

16 декабря 1868 г, Орел.

Melpomène avec Clio,
Par vos soins logées en cage,
M'ont chargé, monsieur Veillot,
De vous mander leurs hommages! [1]

Думаю, мой дорогой Маркевич, Вы не меньше моего будете удивлены, что я здесь. А дело в том, что вчера я приехал проводить Гагарина [2] и послезавтра уезжаю в Красный Рог. Я тут очутился сразу на балу, который дворянство давало в честь выбранного им Шереметева. На этом балу я видел некую г-жу Апушкину, на редкость миловидную, черт возьми! на редкость миловидную. Так как она племянница Обухова, можете ему про это сказать, если он не знает. На том же балу меня познакомили с директором здешнего театра, вернувшимся из Петербурга, куда он ездил просить о каких-то льготах для своей труппы. Ему, между прочим, сказали в Комитете *по делам печати*, что «Смерть Иоанна» всюду в провинции запрещена безусловно и бесповоротно. Но «Василиса Мелентьева» и «Опричник» [3] позволены при условии, что губернатор утвердит их к представлению. Лонгинов [4] в большом замешательстве от циркуляра, которым ему вменяется в обязанность следить за всеми пьесами, не разрешенными для провинции, ибо ему невозможно это знать. Пьесы разделены на несколько категорий: одни разрешены только в столицах, другие в провинции, третьи — в столицах и в провинции, четвертые — в провинции с утверждения губернатора. Это весьма напоминает формы *парадную*, *праздничную*, *полную праздничную*, *полную парадную*, *походную праздничную* и *парадную походную*. Несколько наших лучших генералов сошло с ума от такой путаницы, несколько впало в детство — все застегиваясь да расстегиваясь, двое застрелилось. Сильно опасаюсь, как бы не случилось то же с губернаторами, как бы они не замычали и не встали на четвереньки.

Дорогой Маркевич, давайте представим Тимашеву [5] проект разделения нашего репертуара на пьесы, которые можно будет играть в городах губернских, но не уездных, пьесы, которые будут играться только в заштатных городах, потом такие, которые можно будет давать в губерниях хлебородных и черноземных, и еще такие, которые будут даваться только в местностях песчаных, как Смоленск. Каменный уголь тоже должен быть принят в расчет. Что же касается мест, где Новосильцев добывает нефть [6], то — поелику он единственен в своем роде,— я предлагаю, чтобы там давали ежедневно одну-единственную пьесу и чтобы написал ее господин Вельо.

Весь Ваш

Ал. Толстой.

[1] Мельпомена и Клио, вашими стараниями посаженные в клетку, поручили мне, господин Велио, засвидетельствовать вам свое почтение *(франц.)*. О Велио см. примеч. 1 к № 43.

[2] А. Г. Гагарина, гостившего в Красном Роге.

[3] «Василиса Мелентьева» — пьеса А. Н. Островского и С. А. Гедеонова, «Опричник» — пьеса И. И. Лажечникова, тоже из эпохи царствования Ивана Грозного.

[4] М. Н. Лонгинов был в это время орловским губернатором.

[5] Тимашев — см. примеч. 1 к № 43.

[6] Новосильцев А. Н.— уланский полковник, в середине 60-х годов предпринявший добычу нефти на Кубани.

45. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

13 января 1869 г., Красный Рог.

Сердечно уважаемый Михаил Матвеевич, что за чудо! Мы получили январский № «Вестника Европы» на 11-й, а не на 17-й день. Должно быть, помогла газетная экспедиция, хотя, чтобы доехать от Петербурга до Красного Рога, очень достаточно 36 часов. Сперва, разумеется, мы бросились на «Обрыв», и я с очень большим удовольствием прочел уже прежде известные мне главы о Беловодовой, о бабушке и пр. Потом принялись мы за Ауэрбаха [1]. Ну, дражайший Михаил Матвеевич, не знаю,

что Вам и сказать. Если Ауэрбах смеется над публикой, то это в его воле, но зачем же Тургенев над ней смеялся в своем предисловии? [2] Errare humanum est; [3] Вы могли ошибиться, приобрев роман, которого сами еще не читали; но, пожалуйста, очень прошу Вас об этом, потому, что мне интересно и *полезно* знать мнение такого человека, как Вы,— сериозно ли Вы считаете этот роман хорошим? Если Вы мне скажете *да*, это перевернет все мои понятия, и я стану сильно сомневаться в своем понимании искусства. Неужели весь этот *горький миндаль*, эти колебания насчет обрития или необрития бороды, *чтоб следовать за богомольцами*, эта безустальная и бесполезная болтовня о том о сем, эти удивления друг другу, эта беготня без цели — неужели это искусство? неужели это нравоописательный роман? Я не воздержался и написал Ауэрбаху в учтивых выражениях несколько грубостей, не знаю, как он их примет [4]. Но вы, Михаил Матвеевич, скажите мне Ваше личное, честное мнение об этом романе, и если Вы его одобрите, я призадумаюсь. А теперь, вызывая Вас на откровенность, я хочу быть вполне откровенным с Вами. Ваш журнал, при появлении своем, отличался *сериозностью*, какою-то величавою строгостью и благородным приличием, составляющими контраст с большинством других журналов. Но с некоторых пор в нем стали появляться статьи вовсе не сериозного содержания, такие, которые я менее удивился бы встретить в фельетонах «Голоса» и «С.-Петербургских ведомостей», чем в «Вестнике Европы». Так, например, в январской книжке статья, подписанная «— о —», лишена всякого достоинства и как будто ошибкой попала в «Вестник Европы». Длинное, скучное и вовсе не остроумное глумление над О. Миллером нисколько не убеждает читателя в его виновности против г-на Стасова, которого статья («Происхождение русских былин»), между нами буди сказано, действительно очень слаба. Миллер атаковал его вовсе не с той стороны, с которой следовало, и я удивился, что не нашлось никого, чтобы вывести на чистую воду ложную ученость Стасова. Но здесь речь не о том, кто из них прав или виноват, а о тоне г-на — о —. Пожалуйста, Михаил Матвеевич, не приписывайте слов моих ничему другому, кроме участия к Вашему журналу. Тон г-на — о — журнала Вашего не достоин.

Главная ошибка во всех наших полемиках — это смешиванье личности авторов с их произведениями. Можно быть гораздо неумолимее г-на — о — к произведениям г-на Миллера — и вместе с тем несравненно достойнее. Уничтожайте и дробите в прах, если можете, *мнения* авторов, но да будет личность их неприкосновенна[5]. Вы сами, в разборе прений Самарина с Бокком, показали пример, как надобно писать критики. Хотя и там я не сочувствую обращению к Самарину во втором лице. Но критика Ваша достойна и беспристрастна[6]. Зачем же Вы допускаете сотрудников Ваших к приемам «Искры»?[7] Ваша сила в *сериозности* Вашего журнала. Не позволяйте же ее нарушать. Простите мне эту откровенность, но *нечто* говорит мне, что с Вами можно быть откровенным. А если Вы на меня рассердитесь, то скажите это мне, и я попрошу у Вас извинения.

У меня есть к Вам поручение. Не нужно ли Вам перевода чего-нибудь сериозного (а пожалуй, и нет) с французского, немецкого, италианского, английского или польского языка? Разумеется, за плату, и что Вы даете за хорошие переводы? Если Вы в таковом нуждаетесь, то благоволите мне написать и назвать сочинение. Жена поручила мне передать Вам ее поклон и поздравление с Новым годом. От души желаю Вам всего самого лучшего, крепко жму Вашу руку и остаюсь сердечно преданный Вам

Ал. Толстой.

[1] Роман «Дача на Рейне».

[2] Переводу «Дачи на Рейне» было предпослано в «Вестнике Европы» (1868, № 9) хвалебное предисловие Тургенева. Толстой не раз язвительно отзывался о нем. Однако, по существу, оно Тургеневу не принадлежит. Связанный обещанием, данным Ауэрбаху и Стасюлевичу, Тургенев просил написать предисловие своего приятеля, немецкого художника и литератора Л. Пича, а сам лишь перевел и проредактировал написанное им.

[3] Человеку свойственно ошибаться (*лат.*).

[4] За два месяца до этого, 10 ноября 1868 г., Толстой писал Ауэрбаху: «Тургенев в своем предисловии говорит, что это лучшее из всего написанного Вами. Может быть, я буду того же мнения, когда прочитаю все до конца... Сейчас я вижу только массу людей, которые приходят, говорят разные вещи и опять уходят, и не знаешь, почему они приходили и почему ушли. Особенно один доктор медицины, который приходит только для того, чтобы сразу же удрать».

[5] «—о—» — псевдоним либерального публициста, сотрудника «Вестника Европы» Л. А. Полонского (1833—1913). Речь идет об его статье «Наблюдения и заметки. Хроника общественной жизни», в которой он откликнулся на полемику, возникшую в связи с работой В. В. Стасова «Происхождение русских былин» («Вестник Европы», 1868, №№ 1—4, 6, 7). Статья О. Ф. Миллера, на которую нападал Полонский,— «В. В. Стасову на его статью „Блистательный триумвират"» («Голос», 1868, № 333). Миллер О. Ф. (1833—1889) — историк литературы, фольклорист и критик; профессор Петербургского университета; по своим политическим взглядам был близок к славянофильству.

[6] Имеется в виду рецензия на вып. 1 сочинения славянофила Ю. Ф. Самарина (1819—1876) «Окраины России» («Вестник Европы», 1868, № 12, стр. 933).

[7] «Искра» — сатирический журнал революционно-демократического направления, выходивший под редакцией поэта В. С. Курочкина.

46. Б. М. МАРКЕВИЧУ

(Перевод с французского)

7 февраля 1869 г., Красный Рог.

Мой юный друг, я не ответил на два последние Ваши письма [1], потому что 1) я был погружен во второе действие «Бориса», 2) потому что, занимаясь норманским периодом нашей истории, я наткнулся на факт вполне известный, но весьма мало использованный, а именно — замужество дочерей Ярослава, и это побудило меня написать балладу, которую и прилагаю [2]. Сделайте мне удовольствие и передайте ее Александрине Толстой в наказание за «Русскую историю», которую она передала Вам [3]. У Ярослава было три дочери — Елизавета, Анна и Анастасия. Анна вышла замуж за Генриха I, короля Франции, который, чтобы посватать ее, послал в Киев епископа Шалонского Роже в сопровождении 12 монахов и 60 рыцарей. Третья дочь, Анастасия, стала женой короля Венгрии Андрея. К первой же, Елизавете, посватался Гаральд Норвежский, тот самый, что воевал против Гаральда Английского и был убит за три дня до битвы при Гастингсе, стоившей жизни его победителю. Звали его Гаральд Гардрад, и так как он тогда находился еще в ничтожестве, то и получил отказ. Сраженный и подав-

ленный своей неудачей, он отправился пиратствовать в Сицилию, в Африку и на Босфор, откуда вернулся в Киев с несметными богатствами и стал зятем Ярослава. Вот сюжет баллады. Дело происходит в 1045 году, за 21 год до битвы при Гастингсе. Эгерия [4] одобрила балладу, напишите — одобряете ли и Вы?

Что касается Ваших двух писем, то я мог бы стереть Вас в порошок, но это было бы несколько старомодно, и я говорю Вам только, что Вы грешите против первой заповеди — отнюдь не потому, что поклоняетесь Каткову [5], это дело вкуса, да я и сам нахожу, что он человек достойный, хоть и всегда заблуждающийся, но желающий добра. Против первой заповеди Вы грешите иным образом: чтобы сокрушить меня, Вы сооружаете некий кумир Ваала, которому я никогда не поклонялся, и что есть мочи колотите по нему. Это Kunstgriff [6], которым вообще пользуются наши критики, но Вас он недостоин. Я, например, находил кое-где *цитаты, взятые в кавычки* и якобы извлеченные из текста, написанного мною, по которому якобы-критик и дубасил из всех сил; и в самом деле он имел бы на то полное основание, если бы текст был написан мной. Но все его красноречие рушилось, как только вы сравнивали цитату с <текстом> [7]. А Вы делаете то же самое. Вы мне приписываете мысли и слова, не являющиеся моими. Если ты не хочешь истребить и уничтожить, как альбигойцев, немцев и поляков, из этого еще не следует, что ты сам хотел бы стать немцем или поляком [8]. А если Европа дает погибать кандиотам, Европа изменяет своей роли и действует на татарский лад [9]. Я от нее отрекаюсь и призываю к негодованию всех тех, кто мыслит по-европейски. Все, что Вы говорите на этот счет,— вода на мою мельницу. Да! Когда увидите <...> [10], передайте ей тысячу добрых пожеланий от моей жены, а меня повергните к ее ногам. Вы говорите, что она телка,— ах, если бы мне быть быком! Но тсс! Не будем предаваться той откровенности, из-за которой я не мог показать жене некоторых из Ваших писем. Последнее же письмо Ваше, право прекрасно написанное, так что у Вас не должно было быть повода для недовольства им, не заключало в себе никаких призывов к богу Лампсака [11], и я смог показать его Эгерии. Стиль его и манера вызвали ее восторг. Мы вместе про-

читали «Разговор на Невском проспекте». Написан он хорошо, как все, что Вы пишете, но мы в один голос не одобряем прозрачных личных намеков, как анекдот о г-не Печенегове, где Вы затронули не только частную жизнь человека, но косвенно и его жену. Это нехорошо, все знают, кто такой Печенегов, и не надо заходить так далеко [12]. Ваш роман [13] я еще не получил и, может быть, не получу никогда. Бесстыдство нашей почты переходит пределы возможного, и я вскоре пришлю Вам по этому поводу статью и попрошу Вас поместить ее в газете, которую Вы выберете сами,— то, как почта относится к публике, право же, возмутительно, это превосходит всякое воображение и переполняет чашу терпения. Милый друг Маркевич, не приедете ли Вы летом посмотреть на великолепные леса Красного Рога? Уверяю Вас, что они напоминают Шервудский лес, где происходит действие в «Айвенго» [14]. Летом приедет Софи Хитрово, и Вы сможете поухаживать за ней. Привезите к нам Щербину, которого мы сердечно любим. Провести с нами масленицу приедет Фет — он дал мне обещание и устное и письменное. Ехать сюда — не на край света, это плевое дело. Тенденций я не придерживаюсь, это Вам известно, но бывают тенденции невольные, и я собираюсь написать несколько баллад из нашего европейского периода, так туда сердце и тянет. Я буду писать их в промежутках между действиями «Царя Бориса», и одну из них я уже начал. Ненависть моя к *московскому периоду* — некая идиосинкразия, и мне вовсе не требуется принимать какую-то позу, чтобы говорить о нем то, что я говорю. Это не какая-нибудь тенденция, это — я сам. И откуда это взяли, что мы антиподы Европы? Над нами пробежало облако, облако монгольское, но было это всего лишь облако, и пусть черт его умчит как можно скорее. Я посвятил этому несколько слов в моем «Проекте постановки» «Федора» — обнаружили ли Вы там какое-нибудь *самомнение*? Мне кажется, я больше *русский*, чем всевозможные Аксаковы и Гильфердинги [15], когда прихожу к выводу, что русские — *европейцы*, а не монголы. Г-н Дмуханский, или Дмухановский, или как бы там его ни звали — просто плут, когда стремится доказать, что мы туранцы — на том основании, что у нас нет на груди волос [16]. Все его

аргументы свидетельствуют только об одном, что грудь у него волосатая, чем он, видимо, и гордится. Тем для него лучше, но у Наполеона, который не был туранцем, грудь была голая, также и у Вас. У Бобринского, которого Вы считаете татарином, грудь в волосах. А как у <...>[17] Но тсс! Сохраним молчание и не будем впадать в нескромность. Сейчас, когда я Вам пишу, 4 часа утра, и я слышу лай собак, который для моего охотничьего слуха означает, что вокруг деревни ходят волки. Три дня тому назад в 7 верстах отсюда волки напали на одну женщину, которую спасли подоспевшие крестьяне. А другую женщину около Трубчевска волки *съели вместе с ее ребенком.* Я ездил на охоту с поросенком, чтобы приманить волков, но мне они выказали пренебрежение.

Уже скоро три недели, как снега у нас нет, я гулял по террасе неодетый и с непокрытой головой, на дворе 3° тепла. Голод кругом всеобщий, во многих деревнях с голода умирают. Мы устраиваем лотерею в пользу бывших крепостных Николеньки Жемчужникова. Смотреть на то, что творится,— ужасно. И все-таки они предпочитают умирать от голода, чем работать. Делайте из этого какой угодно вывод, но *здесь,* по крайней мере, эмансипация отбросила их далеко назад. Значит ли это, что я враг эмансипации? Боже меня сохрани! Но мне кажется, что для каждой местности существуют свои особые законы и что нельзя ставить на одну доску все местности. Свобода стала *здесь* не благом, а злом для крестьян. За 150 верст отсюда, в Погорельцах, другом нашем имении, она явилась, напротив, благодеянием, и пьянство *прекратилось совершенно* — так что евреи уезжают оттуда, считая, что невыгодно оставаться в таком месте, где не пьют [18]. Я очень был горд, узнав, что и у Вас есть отец Гавриил, который поступает точно так же, как и наш отец Гавриил. Это нас сближает. Но скажите мне без всяких шуток, а вполне серьезно, существует ли такса на *требы* (крестины, похороны, венчания и т. д.), которую священник не мог бы нарушить? Наш отец Гавриил берет с крестьян 25 рублей за венчание, а крестьяне накануне голодной смерти. Вы-то стоите у первоисточника, раз Вы служите под знаменами Дмитрия Толстого [19]. Если такая такса существует, пришлите ее мне, и отец Гавриил у меня попляшет.

Я прошу Вас совершенно серьезно. Это же позор, что единственный носитель просвещения, священник, вызывает в деревнях ужас, что он тиран, и крестьяне не любят его, а боятся.

Когда будете читать балладу Александрине Толстой, сделайте это, пожалуйста, с блеском, как Вы это умеете, но не пропустите пятую строфу, которую я пропустил при переписке и приписал потом на полях. С «Борисом», как мне кажется, дело наконец пошло на лад, *громада двинулась и рассекает волны* [20], но вернуться к нему я не смогу, пока не кончу вторую норманно-русскую балладу [21], которая у меня в работе и по колориту противоположна первой, т. е. чрезвычайно мрачна.

Кстати: я не казался себе преступником, когда писал историю России до Тимашева, но если Борис Перовский [22], и Вы, и Александрина думаете, что к ней нужен громоотвод в виде чтения, предназначенного для августейшего слуха, то я ничего не имею против, делайте, как найдете нужным. Это — мера предосторожности, подобная прививке оспы. От оспы черной да сохранит Вас господь, говорят — это весьма неприятно.

Весь Ваш
Ал. Толстой.

[1] Одно из этих писем сохранилось; см. «Письма Б. М. Маркевича...», СПб., 1888, стр. 137—138.

[2] «Песня о Гаральде и Ярославне».

[3] «Историю государства Российского от Гостомысла до Тимашева». Александрина Толстая — А. А. Толстая (1817—1904), фрейлина.

[4] Эгерия *(рим. миф.)* — нимфа, жена легендарного римского царя Нумы Помпилия. В переносном смысле — советница, руководительница. Толстой нередко называл Эгерией свою жену, Софью Андреевну.

[5] Катков М. Н. (1818—1887) — публицист, редактор-издатель журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости», до 60-х годов умеренный либерал, затем апологет самодержавия.

[6] прием *(нем.)*.

[7] Слово вырезано. Восстанавливается предположительно по смыслу.

[8] Речь идет о коренных расхождениях Толстого с шовинистическими взглядами Маркевича, всецело поддерживавшего национальную политику самодержавия.

[9] В 1868 г., в связи с восстанием на острове Крит (Кандия),

население которого стремилось присоединиться к Греции, Турция предъявила Греции ультиматум, требуя прекращения помощи восставшим и угрожая войной. Была созвана конференция европейских держав в Париже. На нее была приглашена Турция, но не был допущен представитель Греции. Требования Турции были признаны справедливыми, Греции пришлось уступить, и критское восстание было таким образом задушено.

[10] Имя вырезано.

[11] Город в Малой Азии; был известен в древние времена культом Приапа (*греч. миф.)* — бога сладострастия и чувственных наслаждений.

[12] Толстой имеет в виду фельетон Маркевича «Современные прогулки по Невскому проспекту» (опубликован в «Современной летописи», 1869, № 4, под псевдонимом: М. Коренников). В этом фельетоне Маркевич под именем Печенегова вывел А. А. Половцева, в то время обер-прокурора 1-го департамента Сената, и рассказал всю его скандальную биографию с рядом интимных подробностей (например, о женитьбе по расчету на приемной дочери банкира Штиглица).

[13] По-видимому, «Типы прошлого» (1867).

[14] Роман В. Скотта.

[15] То есть славянофилы. Гильфердинг А. Ф. (1831—1872) — славяновед и собиратель русских былин.

[16] Речь идет о польском реакционном историке и публицисте Ф. Духинском (1816—1893), утверждавшем, что русские не являются славянами и принадлежат к «туранскому племени».

[17] Здесь густо зачеркнуто несколько строк.

[18] Среди владельцев кабаков и трактиров было немало евреев.

[19] То есть в министерстве народного просвещения. Д. А. Толстой (1823—1889) был назначен министром в 1866 г. после покушения Каракозова; с 1867 г. Маркевич был чиновником особых поручений при министре.

[20] Строка из стих. Пушкина «Осень».

[21] «Три побоища».

[22] Перовский — см. примеч. 8 к № 24.

47. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

18 апреля 1869 г., Красный Рог.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич, я последнее время писал столько писем и в Россию и за границу, что сбился с толку и, к стыду моему, совершенно забыл, благодарил ли я Вас за «Серебряного» или еще нет? Если нет, то примите мое сердечное благодарение. Издание прекрасное и дешевое, и, сколько я успел заметить при

перелистыванье, опечаток мало. Со следующей почтой пошлю Вам мою третью балладу: «Песня о походе Владимира на Корсунь». Если она не годится, отошлите ее, без церемонии, Соловьевичу [1]. Если же пригодна, то примите за обыкновенную цену, но денег не платите, а зачтите их в уплату моего долга за «Серебряного». Этим все-таки ускорится погашение. От Гончарова я получил очень милое письмо, но отвечал грубостями за то, что он предполагает против себя какой-то заговор в публике, систематически учрежденное над ним шпионство и таинственное мщение неизвестных, но очень влиятельных лиц [2].

Бедный Щербина! Как ему не хотелось умирать и как он, вероятно, грустно умер, без любящих его лиц и, может быть, без хорошего ухода! Зачем он не послушался нас и не приехал к нам. Он бы умер спокойнее. Читали мы с большим любопытством статью Тургенева о Белинском, единственном, кажется, критике, бывшем в России. С нетерпением ожидаем окончания «Обрыва» и «Воспоминаний» Тургенева [3].

Жена жмет Вашу руку, я такожде, дай бог Вам всего хорошего!

Весь Ваш
Ал. Толстой.

[1] Соловьевич И. К. — см. примеч. 2 к № 41.

[2] Гончаров отличался болезненной подозрительностью. Он был убежден, что против него «действует точно в заговоре какое-то общество» во главе с Тургеневым, который систематически присваивал его замыслы. Все это в концентрированном виде отразилось в написанной в середине 70-х годов «Необыкновенной истории» Гончарова, которая является историей его отношений с Тургеневым (опубликована в «Сборнике Российской публичной библиотеки», т. 2, Пг., 1924). Много места в «Необыкновенной истории» уделено как раз 1868 и 1869 гг., когда готовился к печати и печатался в «Вестнике Европы» «Обрыв». Стасюлевича Гончаров также стал подозревать в неблаговидных поступках, в том, что у него имеется «секретное соглашение» с Тургеневым, и начал «удаляться» от него.

[3] «Воспоминания о Белинском» Тургенева появились в № 4 «Вестника Европы» за 1869 г. Вместе с другими его мемуарными очерками вошли в цикл «Литературных и житейских воспоминаний», опубликованных в «Сочинениях», т. 1, 1869.

48. К. САЙН-ВИТГЕНШТЕЙН

(Перевод с французского)

9 мая 1869 г., Красный Рог.

Милая, дражайшая княгиня, Вы имеете полное право считать меня невежей или хуже этого,— неблагодарным: я теперь лишь отвечаю на Ваше доброе декабрьское письмо [1],— а в сущности, я только славянин. Вы составляете исключение в этом племени, но Вы его понимаете, так же как и все остальное. Я не извиняюсь, мне было бы это невозможно, я констатирую факт: я — славянин, и вот как я оказался им по отношению к Вам: Ваше письмо дошло до меня в ту минуту, когда я садился в карету с женой, чтобы ехать в Одессу. Хорошо, сказал я себе, из Одессы напишу княгине! Когда я приехал туда на короткое время, тысяча дел захватили меня, и я сказал себе: напишу вернувшись. Между тем наше пребывание в Одессе затянулось [2], а по приезде сюда тысячи других дел стали меня дергать во все стороны, так что вот я и оказался почти что грубым по отношению к той, к которой я чувствую столько же благодарности, сколько уважения и преклонения. Это не фразы, милая княгиня, я перед Вами очень искренно преклоняюсь за многое, а в эту минуту, главное, за чрезвычайную тонкость и чрезвычайную проницательность Вашего ума, такого философского, такого христианского и такого глубоко эстетического...

...Как Вы сумели—Вы, которой приходится так редко читать по-русски, слышать русскую речь,— понять столь хорошо, столь тонко и в таких подробностях весь замысел моей трагедии... Принимая в соображение все, что Вы, по Вашей доброте, может быть, прибавили к моим качествам, я все-таки нахожу *большую* награду для автора, когда его так понимают и догадываются обо всем, что он хотел сказать, обо всем до малейших оттенков! Язык этой драмы — архаический, Вы не могли понять всех выражений; есть и русские, которые их не поймут. Какое у Вас должно быть чутье, каким артистическим чувством Вы должны обладать, чтобы так уметь прочесть между строк самые сокровенные складки моей

души? Вы, княгиня, самый большой критик нашего времени; не оттого, что Вы меня одобряете (далеко от меня это фатовство), но оттого, что Ваш анализ не уступает Вашему синтезу; и Вы, как сибилла, которая едва увидит человека. уже может ему рассказать его прошедшее и может повергнуть его в изумление — тем светом, которым она озарит все его существо.

Как я счастлив, что Вы придаете *архитектуре* драмы такую же цену, как и я! Да, княгиня, я преклоняюсь перед колоритом. я его ищу, я его уважаю, но колорит *без линии* не может быть допущен: *линия* — главное дело во всех искусствах.

Sonst ist das Ganze wie ein ausgegossenes Eimer Wasser [3]. Вот отчего я всегда готов уничтожить сцены, даже когда они удачны, если они мешают общей архитектуре.

Как бы ни был увлекателен эпизод, каким бы удачным он ни казался, я его вычеркиваю без всякого милосердия, если нахожу, что он бесполезен. Если у меня есть достоинство, то это то, что я могу уничтожить целые действия, очень одобренные при чтении,— уничтожить их, несмотря на мнения друзей, если в душе и по совести я чувствую, что они расстраивают то единство, к которому я стремился. И как я счастлив, что Вы выражаете ту же веру! В драматическом искусстве, более чем во всяком другом, главная цель, к которой надо стремиться,— не говорить ничего лишнего, но и не пропускать ничего необходимого. Я не знаю, в какой мере я достиг этого, но знаю, что я ничего не жалел для этой цели, и если в каждой из моих трагедий от 2500 до 3000 стихов, то, конечно, я уничтожил вдвое больше в каждой из них.

Мне кажется, милая княгиня, что главная заслуга художника, в каком бы то ни было искусстве, состоит не в том, чтобы создавать, а в том, чтобы зачеркивать. Когда человек не лишен хоть какого-нибудь таланта,— невозможно, чтобы, много работая, он не сделал хоть что-нибудь хорошее.

И вот тут-то нужно уметь понимать, что́ сделал хорошего, и быть неумолимым для остального, вычеркивать, и все вычеркивать, до тех пор, пока не сделаешь

что-нибудь ebenbürtig [4] тому, что по душе и совести считаешь хорошим.

Только этим способом можно дойти до создания чего-нибудь цельного,— не совершенного, может быть, но соответствующего тем силам, которыми обладаешь. Мне кажется, что вообще причина упадка нашей современной литературы,— я говорю о литературе всех стран,— это слишком большая снисходительность, которую питают к самим себе.

Благодарю вас, милая княгиня, что вы признали во мне отсутствие этой снисходительности!

Fiat justitia, pereat mundus! [5] — вот мой девиз в мире искусства.

При всем том «Федор» не появится на сцене.

Министр внутренних дел нашел его *опасным* [6].

Вы скажете, что это чересчур боязливо. Я с Вами согласен; но что бы ни было, я продолжаю писать моего «Царя Бориса», как будто он должен быть на сцене! Я написал пока только два акта, но моя жена их одобряет, и я желал бы быть уверен и в Вашем одобрении.

Кроме этого, я написал еще четыре большие баллады из норманско-русской эпохи [7] и перевел две баллады Гёте: «Коринфская невеста» и «Бог и баядера». Первую некоторые из наших поэтов начинали переводить, но никто не окончил [8]. Говорят, что мой перевод удачен. Потом я еще написал несколько маленьких стихотворений. К несчастию, я славянин и пишу, как пьяницы пьют *з а п о е м*,— может быть, Вы знаете, что это значит. Я хочу сказать, я пишу, только когда придет охота, но уже тогда вкладываю всю свою душу. Так как Вы очень добры ко мне и так артистичны, может быть, я найду в себе силу, чтобы побороть лень и переписать мои баллады, чтобы послать их Вам. Я не боюсь, что Вы их не поймете,— *Вы, которая все понимаете*. То, что *архаично* в выражениях, Вы поймете благодаря огромной силе Вашей *интуиции*, потому что я не устану Вам повторять, милая княгиня, насколько я поражен Вашею способностью понимать. Все журналы напали на меня с ожесточением за «Царя Федора» [9]. Они уверяют, что такое слабое существо, как он, годится только для водевиля, и т. д. ...Но я вполне награжден *Вашим* суждением.

...Благодарю Вас также за Ваше милое объяснение нашего *неприезда* в Рим [10]. К несчастию, я должен отвергнуть это объяснение. Я останусь в России не для того, чтобы поближе видеть Россию. Страшно сказать, но не только *любишь* больше свою страну издали, но и *видишь ее* лучше, и лучше *понимаешь.*

Вспомните, что наш величайший гений, Гоголь, тот, который с полною справедливостью может называться *всемирным гением,* написал свои «Мертвые души» именно в Риме.

Рим никому не чужд, всякий находит в нем свою родину, с какого бы края света он ни приехал... Вам, которая все понимает, я могу сказать, что я не беру здесь Рим в смысле религиозном, но в смысле универсальном, что́, может быть, то же самое, но понято иначе, чем понимает его католический догматизм. Рим — *роковое* место; я бы желал умереть в Риме, не переставая при этом считать себя русским; в сущности, я не знаю, осудите ли Вы меня за это чувство: я не принадлежу ни к какой стране и вместе с тем принадлежу всем странам зараз. Моя плоть — русская, славянская, но душа моя — только человеческая.

Кто-то сказал, что любовь к родине есть «благородная болезнь», и я очень склоняюсь в пользу этого мнения. Можно сказать про Рим, что он — синтез всех стран, так как всякий считает себя в нем дома. И вовсе не оттого, что мы хотим *остаться у себя,* мы не едем в Рим, но просто потому, что финансовый кризис подействовал на все русские состояния, а главным образом, он чувствуется в Малороссии. Но if something will turn up, как говорит один из героев Диккенса [11],— конечно, мы приедем в Рим, как *к себе домой,* предполагая, что Вы и наш милый аббат Лист будете там, так же как и наш добрый Грегоровиус [12], который, мне кажется, Вас избегает, потому что не понимает Вас.

Вы видели г-жу Арнеман [13]. Это одна из женщин, которых я уважаю больше всего на свете. Поскольку она была у Вас — у Вас, римско-католички, она — протестантка в полном смысле слова, это доказывает, что вы обе прежде всего христианки, и ее чувство уважения к Вам, о котором она мне часто говорила, делает честь вам обеим и радует мое сердце.

Какая прекрасная женщина, какая христианка г-жа Арнеман! Она, и ее покойный муж, и ее покойный сын перенесли много притеснений в Тироле, которые Вы, *как христианка*, не можете одобрить.

Хотите, я вам исповедуюсь? Я очень желаю, чтобы папа не перестал быть господином Рима, потому что я не могу себе представить Рим без папы. Я питаю к Пию IX чувство искреннего уважения, как к человеку твердо убежденному, но я думаю, что не бывает твердого убеждения без некоторой доли *Einseitigkeit*[14]. Я не хочу, чтобы Рим сделался столицей Италии: Рим должен быть столицей мира, так или иначе. Я не хочу, чтобы Вы думали, что я римско-католик,— совсем нет, так же как я не греко-католик, то есть не византиец. Но я не хочу, чтобы король Виктор-Эммануил сделал из Рима фальшивый Париж, с бульварами, с тротуарами из асфальта, и чтобы он разрушал стены Рима, как он позволил это сделать во Флоренции.

Моя жена очень благодарит Вас за Вашу милую память. Она еще более принадлежит к славянам, чем я. Несколько раз она бралась за перо, чтобы Вам писать, и роняла его... Ее племянница, г-жа Хитрово, очень тронута Вашей любезностью и поручила мне благодарить Вас за Ваши милые поздравления. Она в настоящее время у нас, и ее муж, находящийся в Петербурге, не замедлит присоединиться к ней.

Наш край — не Рим, но очень красив.

Вообразите себе леса, перерезанные полями на бесконечном пространстве. Мы целыми днями можем ездить верхом, не выезжая из лесов. И весь этот край переполнен соловьями, кукушками и маленькими лягушками, которые поют почти что как птицы. У нас еще нет разбойников, но заведутся. Хотя они, вероятно, ограничатся тем, что будут нас грабить, но не увозить в горы, так как гор у нас нет. Это менее живописно — но более безопасно. Я Вам признаюсь, что я никогда не имел ничего против нападения разбойников, но что меня пугает, так это перспектива отрезанных ушей и носа. Оно антиэстетично, и вот отчего я не хотел бы, чтобы на нас нападали разбойники в окрестностях Рима.

Милая княгиня, я замечаю, что я очень болтлив!

Это тоже признак славянства. Оно входит в систему пьяниц, которые пьют одну воду в течение целых месяцев, чтобы потом сразу предаться алкоголю... Я поддался национальной слабости, разговаривая с Вами. Простите меня. Я сказал — и утверждаю, что Вы христианка прежде всего. Поэтому докажите Ваше милосердие к тем, которые виноваты перед Вами. Напишите мне...

Да сохранит Вас господь, милая княгиня! Целую Ваши руки и остаюсь Вашим преданным слугою, не на словах, а в глубине души.

Скажите нашему милому, нашему многолюбимому аббату Листу, что мы продолжаем его любить, как мы всегда его любили...

Алексей Толстой.

[1] Это письмо опубликовано — «Вестник Европы», 1906, № 1, стр. 162—166.

[2] Толстой провел в Одессе конец февраля и первую половину марта 1869 г.

[3] Иначе целое будет подобно ведру, из которого вылита вода *(нем.)*.

[4] соответствующее *(нем.)*.

[5] Да здравствует правосудие, хотя бы погиб мир! *(лат.)*

[6] См. т. 3, стр. 548.

[7] «Змей Тугарин», «Песня о Гаральде и Ярославне», «Три побоища» и «Песня о походе Владимира на Корсунь».

[8] Известен, например, перевод первой половины баллады, сделанный в 1838 г. К. С. Аксаковым.

[9] Имеются в виду отзывы В. П. Буренина («С.-Петербургские ведомости», 1868, № 133), А. С. Суворина («Русский инвалид», 1868, № 127) и др.

[10] Выражая желание поскорее увидеть Толстого в Риме, Сайн-Витгенштейн заметила: «Но, дорогой граф, я никогда не любила моих друзей только для себя... Я должна сознаться... что Вы не можете здесь работать, что Вы даже не можете здесь найти ту атмосферу родины, которая необходима для Вашего отдохновения».

[11] «что-нибудь подвернется!» *(англ.)*. Речь идет о герое «Жизни Дэвида Копперфильда» Микобере, который неоднократно произносил различные варианты этой фразы, выражающей его надежду на лучшее будущее.

[12] Грегоровиус Ф. (1821—1891) — немецкий историк.

[13] Арнеман М. (ум. в 1896 г.) — участница немецких благотворительных обществ.

[14] односторонности *(нем.)*.

49. А. А. ФЕТУ

12 мая 1869 г., Красный Рог.

Ждем Вас к 8 июня, милый и добрый Афанасий Афанасиевич, ждем Вас unguibus et rostro![1] Unguibus, чтобы Вас обнять — rostro, чтобы расцеловать! Говорю, по крайней мере, за себя. Когда Вы приедете, erit bibendum et pede libero pulsanda tellus![2] Я останусь не только до 8-го июня, но до половины или конца июля. Выводки у нас будут не только тетеревиные, но и *глухариные*. Глухарей нынешний год было много. А потом, если Вам не претит, я буду Вам читать сколько написалось «Царя Бориса» и три новые баллады. У Вас также, вероятно, есть кое-что, а мне не нужно Вам говорить, что мы все Ваши самые искренние почитатели. Не думаю, чтобы во всей России нашелся кто-либо, кто бы ценил Вас, как я и жена. Мы намедни считали, кто из современных иностранных и русских писателей останется и кто забудется. Первых оказалось немного, но когда было произнесено Ваше имя, мы в один голос закричали: «Останется! Останется *навсегда!*» И Вы как будто сами себе не знаете цену! Жена кланяется Вам и жмет Вашу руку. Смотрите же, не забудьте:

Fortem ac tenacem propositi virum,
Si fractus illabetur orbis,
Inpavidum ferient ruinae[3].

Не переставайте быть tenax propositi!
Брянск, Выгонские дворы. Красный Рог.

Душевно Ваш
Ал. Толстой.

[1] когтями и клювом *(лат.)*.

[2] нужно будет выпить и попирать землю нетвердой ногой! *(лат.)* — не вполне точная цитата из оды Горация (37-я ода 2-й книги).

[3] Сильный и упорно стремящийся к поставленной цели муж, если рухнет на него весь мир, он останется бесстрашным под поразившими его обломками *(лат.)* — не совсем точная цитата из оды Горация (3-я ода 3-й книги).

50. С. А. ТОЛСТОЙ

14 (26) сентября 1869 г., Берлин.

...Я только что вернулся из «Тангейзера»[1]. Я не могу тебе сказать, какое глубокое впечатление он на меня производит.

Я приехал до увертюры и уехал после последней ноты, не пропустив ни одной, и не почувствовал ни одной минуты усталости.

Я не знаю, известно ли имя *Ниман*, но я его считаю великим певцом и великим драматическим актером,— именно *великим.*

Какая великолепная опера, и как мелодична от начала до конца, и какой драматизм!

Как великолепен последний акт — глубоко потрясающий!

Декорации совсем верны. Так как я только что вернулся из Вартбурга, то и могу судить[2]. Этот Ниман меня совсем очаровал и произвел на меня глубокое впечатление.

Вообрази себе великолепного тенора, чрезвычайно умного и страстного. Когда он говорит о своем проклятии, в последнем акте, мороз по коже проходит, и он так хорошо умирает, без всякой аффектации. Он вызвал во мне слезы, когда он хватает посох папы, который ему приносят зазеленевшим. Возможно ли, что он неизвестен?[3]

И возможно ли, что Вагнер — каналья?

Если Вагнер приобрел репутацию за то, что не признает мелодии, то, конечно, не через «Тангейзера».

Хорошо ли ты помнишь увертюру? Можно ли сказать, что в ней недостает мелодии? Она начинается великолепным хоралом. Змеи, которые выползают из корзины, точно угри, совсем мне не *мешали*, напротив. Не знаю, верно ли я заметил, но мне кажется, что в других операх, где происходит борьба зла и добра («Фрейшютц», «Роберт» и даже «Дон Жуан»)[4], эти обе силы являются поочередно, тогда как в «Тангейзере» они появляются одновременно, составляя одно целое, пополняя друг друга.

[1] Опера Р. Вагнера.

[2] В горном замке Вартбурге (над городом Эйзенахом) и возле него происходит действие оперы Вагнера.

[3] Ниман А. (1831—1917) — немецкий певец, с особым успехом выступавший в операх Вагнера.
[4] Оперы К.-М. Вебера, Д. Мейербера и В.-А. Моцарта.

51. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

7 октября 1869 г., Красный Рог.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич, несколько дней тому я вернулся из Германии. В Карлсбаде был я позже, чем ожидал, и не отвечал доселе на Ваше письмо потому, что не знал наверно, куда Вам писать. Теперь знаю, что Вы в Петербурге, и потому пишу. Могу Вам сообщить приятное для меня обстоятельство: «Царя Бориса» я почти кончил. Остается написать только три сцены. Сказать Вам, что оно нехорошо, было бы притворством. Оно положительно *хорошо*. Боюсь одного: цельность, которую я сохранил в этой трагедии более, чем в двух предшествующих, может придать многочисленным эпизодам значение одних *реплик* царю Борису, чтобы доставить ему случай выказать себя со всех сторон. Но это последнее условие исполнено.

Уж я сеяла, сеяла лен,
На все боки поворачивала!

Борис виден со всех сторон, является живым человеком. Тут ему и смерть приключилась, как говорится в сказках. Могу еще сказать, положа руку нá сердце, что я свято следовал правилу, запрещающему в драме выводить людей, говорящих о погоде и об осетрине, как у Островского, безо всякой необходимости для движения драмы. У меня нет ни одного слова бесполезного. Хорошо или дурно, все прёт в один конец, in unum contendit. Нет искусственной завязки и нет сложного механисма, как в «Федоре». Механисм, может быть, слишком беден, но цветов и красок более, чем в первых трагедиях. Если взять эту драму как последнюю из трилогии, то выйдет бессознательное применение древнего архитектурного правила для трехэтажных зданий: внизу дорический орден, потом ионический, а наконец, коринфский. Движения и драматических положений очень много. Антицен-

сурного не предвижу; впрочем, кто их знает! Надеюсь кончить трагедию скоро, но не дам ее Вам прежде, чем совесть моя успокоится. Надо будет ей немного полежать, а потом она будет пропущена через самое строгое сито, дабы не попалась в нее мякина, которая, несмотря на все старания, попадается в муке.

После Карлсбада я был в Веймаре и на Вартбурге, где происходило чтение «Федора» в великолепном переводе г-жи Павловой. Эффект превзошел мои надежды. «Федор» будет дан на веймарском театре и, кажется, на некоторых других. «Смерть Иоанна» будет дана в Вене, на Burgtheater. Об этом мне уже писали оттуда [1]. В Дрездене г-жа Павлова читала мне свои записки, начинающиеся с 12 года. Это чрезвычайно интересно, и она разрешила весьма трудную задачу: попасть в тон. Она решительно в него попала. О себе почти ничего, но общество является ярко и рельефно, в объективной правде. Это не похоже на «Войну и мир», но освещает тот же предмет с новой стороны [2]. Через несколько дней еду в Ливадию на две недели. Прошу Вас написать мне несколько слов *Черниговской губернии в Почеп*. Я найду их по возвращении. «Песнь о походе Владимира» нашел я здесь и хотя не успел прислать Вам мои поправки, но беда не велика, их было бы немного.

Искренно Ваш

Ал. Толстой.

Жена дружески Вам кланяется.

[1] Все эти постановки осуществлены не были.

[2] «Граф А. К. Толстой,— писала К. Павлова М. М. Стасюлевичу еще в июне 1868 г.,— уведомляя Вас о литературном труде, которым я занята теперь, ошибся, полагая его оконченным; я только недавно начала его и желала знать, не захотите ли Вы печатать в Вашем журнале отрывками то, что уже написано? Это, впрочем, будут не воспоминания из 40-х и 50-х годов только, но воспоминания всей моей жизни, начиная с детства. Об этой работе мы много толковали с графом... и он вполне одобрил все, что я ему сказала о том, как я намерена писать эти мемуары, упоминая о себе только как об очевидце происшествий» («М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. 2, СПб., 1912, стр. 455). Воспоминания Павловой о детстве (начиная с 1812 г.) напечатаны в «Русском архиве», 1875, № 10.

52. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

30 ноября 1869 г., Красный Рог.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич, отправка «Царя Бориса» замедлилась тремя днями, а именно: он отправляется *сегодня*, оттого, что после переписания его начисто я нашел необходимым многое переправить. Вы найдете довольно помарок, но переправки написаны четко, так что нет, кажется, возможности ошибиться, разбирая их. Не удивляйтесь, что датского принца, жениха Ксении, я назвал Христианом, а не Иоанном, как называет его Карамзин и наша летопись. Барон Унгерн-Штернберг, строитель Балтинской железной дороги, узнав, что я собираю сведенья об этом принце, прислал мне целый свод выписок из датских хроник. Там он везде называется Христианом, и, вероятно, имя *Иоанна* назначалось ему по принятии православия, которого он принять не успел. В некоторых из этих выписок он называется незаконнорожденным. Это пришлось мне на́ руку, чтобы мотивировать его отравление, а имя *Христиан* я предпочел *Иоанну*, чтобы не повторять в трилогии имени Грозного. Предположение, что он умер от яда, находится и в наших летописях, но отравление приписывается Борису, что не сообразно с истиной. Я бросил подозрение на жену Бориса, дочь Скуратова, и это послужило мне для ее характеристики сообразно с показаниями голландца Масса [1]. Погодин прислал мне свою *драматическую повесть о царе Борисе*, где он выставляется невинным в смерти Дмитрия [2]. Это мне не годилось; он *должен* быть виновным; но я, согласно Погодину и Костомарову, выставил Лжедмитрия иным лицом, чем Григорий Отрепьев, и потому вывел последнего, в разбойничьей сцене, как самого пустого человека, вместе с Мисаилом Повадиным. Введение разбойника *Митьки* состоялось согласно с советом Шиллера, вложенным в уста маркиза Позы: «Er soll für die Träume seiner Jugend Achtung tragen!» [3] Одним словом, я отнесся к моей трагедии не легкомысленно, и если ошибся, то это не было: faute de conviction [4]. Сознаюсь, что идея трилогии родилась во мне только во время создания «Федора Иоанновича», а что до того я не любил Бориса.

Max Müller[5] говорит, что слово, раз произнесенное, влияет на нас как посторонняя сила, и это я испытал на характере Бориса. Я увидел его *объективно* и должен был подчиниться ему, каким я сам вообразил его сначала. So mußte er folgerecht werden[6].

Искренно Ваш

Ал. Толстой.

[1] См. т. 3, стр. 553.

[2] «История в лицах о царе Борисе Феодоровиче Годунове», М., 1868. Погодин М. П. (1800—1875) — реакционный историк и публицист; академик.

[3] «Пусть с уважением относится к мечтаниям своей юности!» *(нем.)* — слова из «Дон Карлоса» Ф. Шиллера. Митька является также героем романа Толстого «Князь Серебряный».

[4] ошибкой по убеждению *(франц.)*.

[5] Мюллер Ф.-М. (1823—1900) — английский филолог.

[6] Он (т. е. образ Бориса) должен был быть последовательным, единым *(нем.)*.

53. Б. М. МАРКЕВИЧУ

(Перевод с французского)

2 января 1870 г., Красный Рог.

Nein, nein, mein lieber von[1] Маркевич, я не презираю славян, я, к несчастью, не имею на то права, но считаю, что им подобало бы побольше смирения, только не того смирения, примеры которого мы явили в преизбытке и которое состоит в том, чтобы сложить все десять пальцев на животе и вздыхать, возводя глаза к небу: «Божья воля! Поделом нам, г.....ам, за грехи наши! Несть батогов аще не от бога!» и т. д., а иного смирения, полезного, которое заключается в признании своего несовершенства, дабы покончить с ним. Это— противоположность тому самоуспокоению, которое говорит: «Я горжусь простором русской земли и широтою русской натуры, которая не может и не хочет ничем стесняться! Всякое ограниченье противно русской природе (ограниченье противно!), нам не нужно ни заборов, ни

классов! Гуляй душа! Раззудись плечо! Не хочешь ли этого?» От славянства Хомякова [2] меня мутит, когда он ставит нас выше Запада по причине нашего православия. Сейчас я ищу — и не могу найти — сюжет для драмы в дотатарском периоде нашей истории. Соблазняло меня падение Новгорода (не подумайте, что я отношу его ко времени до татар; это лишь saltus mentis) [3], но после некоторого изучения я нашел, что *тогдашние* новгородцы были заправские свиньи и не заслуживали ничего другого, как угодить в пасть Москвы, совершенно так же, как Рим угодил в пасть Цезаря. *Андрей Боголюбский* (еще saltus mentis) убит был пьяницами и трусами, а мне нужно что-то другое. Хотел я воспользоваться и каким-нибудь преданием, соблазнял меня *Садко*, но это сюжет для балета, а не для драмы. Три мои предыдущие драмы открывали для меня путь к *Дмитрию Самозванцу*, но им уж слишком много занимались, он мне кажется чем-то вроде Ма́рия [4], усевшегося на часах. Знаете ли, кстати, почему он так сидел — т. е. не на часах, а на развалинах Карфагена? И что интересного в этом способе сидеть? Жестко, должно быть, сиделось — вот и все. Обнимаю Вас и остаюсь

Ал. Толстой

[1] Нет, нет, мой милый фон (*нем.*).
[2] Хомяков — см. примеч. 1 к № 13.
[3] скачок мысли (*лат.*).
[4] Марий Г. (156—86 до н. э.) — римский полководец и политический деятель.

54. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

7 января 1870 г., Красный Рог.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич,

Получил я Ваше письмо (по штемпелю от 30 декабря) и спешу Вас искренно благодарить за откровенные замечания насчет первых двух актов «Бориса». Жаль мне, что Вы не говорите, в чем именно состоят замечания Ваши,

Костомарова и Анненкова [1]? Я готов исправить все частные мои погрешности и ошибки, но боюсь, что замечания касаются целой постройки и целого содержания — тогда я не предвижу возможности их переделать. Die Sache ist ein für alle Mal *absolviert* [2]. Если не ошибаюсь, то замечания Костомарова должны относиться к историческим и обрядным неверностям. Их много, но они допущены сознательно, как-то: явление в один день всех послов, которые, по истории, являлись в разные времена; вложение в уста Миранды поручения, данного другому нунцию, в царстованье Федора; говорение всех послов по-русски; присутствие турецкого посла, которого вовсе не было в царствованье Бориса, но о котором говорят иностранные писатели, прибавляя, что Борис дал ему для султана свиную шкуру, наполненную дермом; название жениха Ксении не Иоанном, как называют его наши летописи, но Христианом, согласно иностранным источникам; [3] название Гендрихсона Эриком, а не Карлом, как он в самом деле назывался (эту последнюю вольность я позволил себе для избежания сопоставления его имени с именем правителя Швеции); свобода, данная Борисом Ксении видеться с женихом, противная обычаю, но выставленная у меня как *секретное* дозволение, согласное с характером Бориса; опала Романовых, отнесенная ко времени появления самозванца, но бывшая на деле ранее, и т. д. Если моя догадка верна и если *в этом* Костомаров меня упрекает, то я скажу, что все эти отступления от истории сделаны мною вследствие убеждения, что никакая историческая драма без них *невозможна* и что они составляют неотъемлемое право и даже *обязанность* драматурга, иначе он писал бы не драму, но историю в диалогах. Я часто спорил об этом с Костомаровым, но, кажется, это дело решенное Лессингом и Гёте, последним ganz ausdrücklich [4] в его разговоре с Эккерманом [5]. Что касается до Анненкова, то, при всем моем к нему уважении, я совершенно расхожусь с ним в его взгляде на драму вообще и, признаться, не могу уяснить себе его теории [6]. Откровенно сказать Вам, я из вас трех считаю Вас одних компетентным судьею в эстетическом произведении. Тем более мне хотелось бы знать, в чем именно заключаются Ваши замечания? Если в частностях, быть может, я их улажу; если

относительно содержания, то я скрепя сердце отвечу: «Non possumus!» [7]. При этом позвольте мне, безо всякой задней мысли, сделать Вам предложение. Бра́ни на меня, разумеется, будет много, а из-за меня и на Вас. Я ни за что не хотел бы быть причиной малейшего вреда для Вашего журнала. Прошу Вас сказать мне совершенно откровенно: не потому ли Вы приняли моего «Царя Бориса», что его еще не читали? И не оттого ли продолжаете хотеть его приобрести, что Вы мне так написали до его прочтения? Если оно так, то я не только не обижусь, но почту знаком уважения и доверия от Вас, если Вы почтете наши условия *comme non avenus* [8]. Если же оно не так, то я рад буду оставить его у Вас. Одним словом, ради бога, не стесняйтесь со мной из деликатности, да и не почтите меня обидчивым человеком. Я очень строг к другим и почитаю совершенно справедливым, чтобы были строги и ко мне. Из письма Вашего я заключаю, implicite [9], что Вы отложили печатанье, итак вопросительный знак моего первого к Вам письма о «Борисе» остается во всей своей силе. Прошу Вас написать мне несколько строк в Москву, где я пробуду несколько времени. Прилагаю пакет с адресом. Не могу сказать наверно, когда именно приеду в Петербург. Крепко жму Вашу руку и остаюсь искренно Ваш

Ал. Толстой.

[1] О Костомарове см. примеч. 2 к № 37; об Анненкове — примеч. 1 к № 30.

[2] Дело уже раз и навсегда закончено *(нем.)*.

[3] См. письмо № 52.

[4] совершенно ясно, окончательно *(нем.)*.

[5] Имеются в виду «Гамбургская драматургия» Г.-Э. Лессинга (статьи 19, 23, 24, 33 и др.) и «Разговоры с Гёте в последние годы его жизни» И.-П. Эккермана (записи от 31 января и 23 июля 1827 г.).

[6] См. также письма №№ 30 и 39.

[7] Не можем! *(лат.)*—слова апостолов Петра и Иоанна (Новый завет, деяния апостолов, гл. 4, ст. 20), употреблявшиеся затем для выражения категорического отказа.

[8] недействительными *(франц.)*.

[9] косвенным образом *(лат.)*.

55. К. К. ПАВЛОВОЙ

(Перевод с французского)

5 июля 1870 г., Красный Рог.

Ждите, что я скоро постучусь или позвоню у Вашей двери и скажу: «Guten Morgen, Malchen! Ich komme auch mit leeren Händen nicht» [1], но хватит о пустяках. Вы должны дать мне обещанный сюжет для драмы, но только, пожалуйста, не надо Кримхильды [2]. Ich lechze nach einem rein menschlichen, nicht historischen und nicht übermenschlichen Drama [3]. К тому же с тех пор, как я закончил трилогию, из-под меня словно выдернули стул, и у меня такое чувство, что я сижу на полу. Баллады — не что иное, как Fußschemel [4], благодаря которым я лишь чуть-чуть поднимаюсь над землей. Все же я угощу Вас балладой, взятой из области еще не тронутой, девственной — если можно так выразиться [5]. Если предварительно почитать, из этой области можно было бы черпать с успехом, но, как я Вам сказал, это меня не удовлетворяет, мне нужно что-нибудь большое, и я обращаюсь к Вам: дайте мне сюжет человеческий, но не этнографический, чтобы дело происходило черт его знает где и черт его знает когда. «Борис» испытал судьбу Елены [6], его осыпали ругательствами и похвалами, первые преобладали количеством, вторые — значением [7]. Да хранит Вас господь, жена моя и мадемуазель Лантинг [8] желают Вам всего, всего лучшего. Знаю, что императрица послала Вам подарок, но не знаю, какой именно. Как только буду подле Вас, буду писать Вам каждый день.

Всецело Ваш

Ал. Толстой.

Кстати, я уже во второй раз чуть было не умер.

[1] Доброе утро, Мальхен! Я-то пришел не с пустыми руками *(нем.)*.

[2] Героиня немецкого эпоса XII — XIII вв. «Песнь о Нибелунгах».

[3] Я жажду чисто человеческой, не исторической и не сверхчеловеческой драмы *(нем.)*.

[4] скамеечки для ног *(нем.)*.

[5] Речь идет о балладе «Гакон Слепой».
[6] Имеется в виду героиня греческих мифов о Троянской войне и поэмы Гомера «Илиада».
[7] К тому времени были опубликованы критические отзывы в газетах «Современные известия» (1870, № 64), «С.-Петербургские ведомости» (1870, № 71), «Голос» (1870, № 79); всюду давалась отрицательная оценка трагедии Толстого.
[8] См. примеч. 10 к № 19.

56. С. А. ТОЛСТОЙ

10 (22) июля 1870 г., Дрезден.

Вот я здесь опять, и мне тяжело на сердце, когда вижу опять эти улицы, эту гостиницу и эту комнату без тебя. Я только что приехал в $3^1/_4$ часа утра и не могу лечь, не сказав тебе то, что говорю тебе уже 20 лет,— что я не могу жить без тебя, что ты мое единственное сокровище на земле, и я плачу над этим письмом, как плакал 20 лет тому назад. Кровь застывает в сердце при одной мысли, что я могу тебя потерять,— и я себе говорю: как ужасно глупо расставаться! Думая о тебе, я в твоем образе не вижу ни одной тени, *ни одной*, всё — лишь свет и счастие...

Я ей [1] сказал, что я ищу сюжета для драмы и что у меня была мысль — представить человека, который из-за какой-нибудь причины берет на себя кажущуюся подлость [2].

Она схватилась за эту мысль, яко ястреб, и вертела ею во все стороны, но мы не нашли ничего подходящего...

[1] К. К. Павловой.
[2] Здесь впервые сформулирована тема драмы «Посадник». О ней же речь идет в письмах №№ 57, 58.

57. С. А. ТОЛСТОЙ

Июль 1870 г., Дрезден.

...Дрезден хороший город, но, конечно, я не хочу, чтобы мы прожили в нем зиму. Лица самые антиэстетиче-

ские, какие только можно себе вообразить, голоса отвратительные и воздух дурной — мы поедем в Италию или в Англию, а если это не устроится, мы проведем зиму в Петербурге, в хорошей простой квартире. Я жажду Бетховена, но на этот раз его нигде не играют, и даже нет оперы.

Вчера я был на Террасе [1] с надеждой услышать хорошую музыку, но играли лишь вальсы и глупости — Дрезден выродился!..

Я приобрел провизию здоровья на целый год, найдя сюжет для *драмы — человеческой*. Человек, чтобы спасти город, берет на себя кажущуюся подлость. Но нужно вдвинуть это в рамку, и Новгород — была бы самая лучшая.

Ты должна мне собрать все, что было написано о Новгороде, обычаях той эпохи, и вообще все, что известно о *вече* и об отношениях его с князем...

[1] Известная Брюлевская терраса, на бывшей крепостной стене, над Эльбой — место прогулок в Дрездене.

58. С. А. ТОЛСТОЙ

Между 13 (25) и 18 (30) августа 1870 г., Карлсбад.

...Я перелистываю переводы моих двух трагедий по-польски [1] и нахожу, что почти везде — les pointes sont emoussées [2] и характеристика действующих лиц стерта; несмотря на это, я читаю громко несколько сцен, с большим эффектом, и когда приеду к тебе, я тебе прочту *с большим шиком* сцену *Гарабурды*... Ты увидишь, какие я сделал успехи в польском языке. И как хорошо звучит. При этом случае я узнал, что по-польски старик называется staruszek, а следовательно, во множественном числе: staruszki. Не правда ли, хорошо?

Я ничего не могу тебе сообщить из моей новой драмы, и главное — ни одного стиха, так как я написал первую сцену вступления *прозой* наскоро и карандашом — и необходимо переработать. Я сделал это лишь, чтобы войти в охоту и набросить краски, что́ мне вполне удалось.

Так как канва драмы написана акт за актом, и, вероятно, я в этом не много изменю, мне будет легче работать, чем в других драмах.

В «Федоре» я написал много сцен, прежде чем закрепил канву,— только чтобы установить характер Федора; мне кажется, я столько же зачеркнул, сколько оставил; я тоже изменил и переменил канву во время писания — история меня смущала,— а тут нет истории, и все будет вымышлено, так что гораздо больше цельности, и канву легче было писать.

Я тоже не могу тебе сказать никаких имен, так как у меня еще нет имен; не имея новгородских в моем распоряжении, я взял временные. Если хочешь мне сделать услугу, то пришли мне, что нашла, в Дрезден, Hôtel d'Europe...

Бог с тобой — с тобой и со всеми вами...

Ты — мое условие и жизни, и спокойствия, и счастия!..

[1] Переводы «Смерти Иоанна Грозного» и «Царя Федора Иоанновича» на польский язык, сделанные П. Мошинским, вышли в Кракове в 1870 г.

[2] острые места сглажены *(франц.)*.

59. С. А. ТОЛСТОЙ

5 (17) сентября 1870 г., Дрезден.

...Видел я сейчас «Ифигению» Гёте [1] и все тебе расскажу по правде. Когда поднялся занавес, я был предубежден в пользу пьесы раскрашенным алтарем, который стоял в лесу посреди сцены. Алтарь археологический греческий и раскрашен хорошо. Правда, что это происходит в Крыму, но Ифигения могла дать рисунок. А нехорошо то, что возле алтаря стоят ворота Друза, и хотят, чтоб я поверил, что это — скифский храм Дианы. Я не поверил. Из ворот Друза вышла Ифигения, безукоризненной красоты и с самыми похвальными намерениями относительно костюма: белая *шерстяная* туника, без тальи, и белая шерстяная хламида, но складки очень неудачные, выка-

зывающие одно намерение. Это была m-lle Ziegler из Мюнхена; она стала говорить приятным mezzo soprano, что ей очень скучно в Крыму, и говорила это так долго и убедительно, что мне самому стало невыразимо скучно. Потом пришел царский адъютант, в хорошем шлеме и в дрянной медвежьей шубе, и объявил, что царь велел ей сказать, что хочет на ней жениться. Она отвечала: «Ни за что!» Тогда пришел Вингер в кольчуге Вильгельма Завоевателя и в тигровой шкуре, которую завязал у себя на брюхе, а сзади набил ее сеном: это не помогло, и Ифигения стала ему говорить, что по многим причинам за него не выйдет, между прочим потому, что происходит от Тантала. Вингер заметил, что это не причина. Тогда она стала ему рассказывать все гадости, которые делали Танталиды, так что Вингер, привыкший резать людей, приезжающих в Крым, пришел в ужас. Во втором акте прибежали на сцену, поддерживая друг друга, один commis-voyageur и один парикмахер, оба украшенные по рукам длинными часовыми цепочками, которые не мешали им сильно размахивать руками. Парикмахер был мой приятель Dettmer; он таращил глаза и все горбился, чтобы выразить угрызения совести за то, что он убил свою мать. Но commis-voyageur, сильно нарумяненный и с кривым ртом, уверял его, что это — ничего. Потом парикмахер куда-то ушел, и Ифигения сняла цепочку с рук commis-voyageur'а и говорила с ним про Троянскую войну. Я уже слыхал прежде об этой войне, и потому мне нисколько не было интересно. Я думал, что и вся драма так пойдет, но решился высидеть до конца. К моему удивлению, вдруг в третьем акте стало интересно и хорошо, даже очень хорошо, а именно, когда Ифигения узнает Ореста, а Орест рассказывает рассказ Пилада о Клитемнестре и называет себя. Ифигения была очень хороша, и Dettmer не совсем дурен. Четвертый акт и пятый, где оба пленные, назначенные к закланию, бегают свободно по Крыму и даже затевают пакость против Тоаса, были опять скучны до конца, который — хорош.

M-lle Ziegler очень красива и приятна, и *почти* хорошая актриса, но драма, ей-ей, очень скучна, хотя задумана умно и художественно. Все это не мотивировано, и из Тоаса не сделано ничего, тогда как по самой мысли

Гёте можно было много из него сделать. Скучно, но хорошо, и Ифигения хороша.

...А вчера я был в гипсовой галерее, и как стал перед Геркулесовым торсом, так слезы и выступили из глаз, и я должен был часто сморкаться...

[1] «Ифигению в Тавриде». Упомянутые ниже Циглер К. (1844—1909), Вингер Э. (1812—1886), Деттмер Ф. (1835—1880) — немецкие драматические артисты.

60. Б. М. МАРКЕВИЧУ

(Перевод с французского)

8 (20) декабря 1871 г., Дрезден.

Sweet old Bob! [1] Я отправил Вам час тому назад некоторые свои излияния, но мне не хочется спать, не хочется писать письма о делах, не хочется переписывать для Каролины [2] перевод «Сватовства», как она того требует,— что же лучшего я могу делать, как не продолжать делиться с Вами, моим наперсником, всем тем, что мне приходит в голову? Это я делал в Красном Рогу в лучшие времена, когда при свете луны пела кукушка в моем родном краю, который, хоть я этого и не показываю, я люблю больше, чем заграницу, и когда дышалось мне легче, а главное, когда у Эгерии [3] не была сломана рука и она могла читать. Она все еще в Берлине, она каждый день пишет мне каракулями несколько слов, ей уже сняли гипс, электризуют руку и каждый день говорят: завтра! Так как ничего опасного нет и рука срослась правильно, то я не поеду за ней, она же мне велит ждать ее здесь, и я повинуюсь и жду, а тем временем лечусь у некоего доктора Бешоренер. Несколько дней мне было плохо — впору хоть стонать, но сейчас я себя чувствую почти хорошо, и на свое счастье я — в Германии, а не в Италии, где врачи — итальянцы и еще придерживаются системы доктора Санградо [4]. Итак, я приступил к излияниям. Речь пойдет об искусстве. Вы говорите, что рядом с хорошими стихами я допускаю плохие. Nego majorem et minorem [5]. Я допускаю иногда плохие *рифмы*, но не плохие стихи. Плохие рифмы я сознатель-

но допускаю в некоторых стихотворениях, где считаю себя вправе быть небрежным,— однако небрежным только в отношении рифмы. Я никогда не считаю себя вправе допустить плохой стих, и если я допускаю — mea culpa, mea maxima culpa [6], но где же это и когда, черт возьми? Что касается рифмы, я, знаете ли, прибегну к сравнению вместо рассуждения. Есть род живописи, где требуется безукоризненная правильность линии; таковы большие полотна, называемые историческими, умбрийской, флорентийской, даже и венецианской школы. Есть иная живопись, где самое главное — колорит, а до линии и дела почти нет. Таковы Рубенс, Рембрандт, Рейсдаль и другие фламандцы либо голландцы. И что же! — horribile dictu! [7] — картины их *проиграли* бы, если бы линия в них была безукоризненна. Так вот, если я *пишу* картину больших размеров и в серьезном роде, согласен с Вами, что должен быть строгим в отношении рифм; но если я пишу балладу или какую-нибудь другую вещь, где главное — впечатление от целого, т. е. колорит, я могу быть небрежным в рифмах, лишь бы я этим не злоупотреблял и не рифмовал бы *середа* с *саранча*. Злоупотребление дурно как в поэзии, так и в живописи. Рембрандт злоупотреблял часто, Рубенс — временами, Рейсдаль — никогда. Остановимся на Рейсдале и сравним его с его внучатным племянником Каламом [8]. Калам четок и правилен, рифма его всегда хороша; Рейсдаль часто небрежен (нарочно!) — и, ей-богу же, Рейсдаля я предпочитаю Каламу. Не хотел бы я расстаться с его неправильностями, как и с неправильностями Гоголя. Если Вас не устраивает пример с пейзажистами, возьмем Мурильо [9]. Линия у него весьма небрежная и всегда приносится в жертву колориту, а если бы она была у него четкая и правильная, он производил бы не тот эффект и не был бы Мурильо; его очарование *пострадало* бы и впечатление было бы *более холодным*. Хотите пример из области поэзии? Возьмите у Гёте сцену с Маргаритой перед статуей Мадонны:

Ach neige
Du Schmerzensreiche,[10]
и т. д.

Может ли быть что-нибудь более жалкое и убогое, чем рифмы в этой великолепной молитве? А она *единствен-*

ная по непосредственности, наивности и правдивости. Но попробуйте изменить фактуру, сделать ее более правильной, более изящной — и все пропадет. Думаете, Гёте не мог лучше написать стихи? Он не захотел, и тут-то проявилось его изумительное поэтическое чутье. Некоторые вещи должны быть чеканными, иные же имеют право или даже не должны быть чеканными, *иначе они покажутся холодными*. Языки немецкий и английский допускают неправильность как рифмы, так и стиха. Русский язык допускает неправильность только рифмы. Для него это в поэзии единственный случай щегольнуть небрежностью. Само собою разумеется, что я не касаюсь здесь поэзии чисто народной, былин и т. д. В них другие правила, другие вольности, sie stehen auf einem anderen Gebiet [11]. Итак: я считаю, что действую в согласии с духом русского языка, будучи беспощадно требовательным к стиху и позволяя себе *иногда* рифмовать кое-как. Тут вопрос чутья и такта. Уж не изменили ли они мне? Возможно, но я-то защищаю самый принцип. Если же перейти от вещей отвлеченных к конкретным, скажу Вам, что двумя неделями, проведенными в Дрездене, я воспользовался для того, чтобы отделать первое действие «Посадника», и не думаю, чтобы там был хоть один плохой стих, равно как в «Федоре» или «Борисе». А если Вам такие стихи известны, укажите мне на них, я с ними расправлюсь немедленно и беспощадно. Посадник — главная фигура, и, отделывая стих, я также отделывал и характер, который, как мне представляется, уже в самой экспозиции дан вполне определенным образом. Этого я и добивался — ведь экспозиция не должна оставлять сомнений насчет характеров. Она должна заключать в себе семена развития как будущих событий, так и каждого действующего лица, и читатель должен вполне отчетливо видеть, какого рода перед ним семена, чтобы в дальнейшем для него не было *неожиданностей*. Неожиданности — это для водевиля, а не для драмы, интерес которой никогда не должен основываться на любопытстве зрителя, потому что, если бы это было так, он ходил бы смотреть пьесу только один раз. Так как историческим у меня является только фон картины, то я располагал большей свободой движения, чем в трех предыдущих драмах, и могу создать нечто органически

цельное, где все части сцепляются более тесно. Если даст бог жизни, надеюсь в Венеции или в Пизе завершить свое начинание, коли время даст перевести дыхание и не помешает ветра завывание. <...>

Пишите по-прежнему в Дрезден, через г-на Каскель [12].

А. Т.

[1] Милый старый Боб! *(англ.)*.

[2] К. К. Павловой.

[3] Софьи Андреевны.

[4] Доктор Санградо — персонаж романа французского писателя А.-Р. Лесажа (1668—1747) «Похождения Жиль Бласа из Сантильяны». «Знай же, друг мой,— говорит он Жиль Бласу,— что достаточно пускать кровь и поить больных теплой водой: вот тебе и вся тайна, как излечивают от всевозможных болезней» (кн. 2, гл. 3).

[5] Буквально: отрицаю большее и меньшее *(лат.)*; здесь: отрицаю все.

[6] моя вина, моя великая вина *(лат.)*.

[7] страшно сказать *(лат.)*.

[8] Калам А. (1810—1864) — швейцарский живописец-пейзажист, гравер и рисовальщик-литограф.

[9] Мурильо Б.-Э. (1618—1682) — испанский живописец.

[10] Снизойди, многострадальная *(нем.)*.

[11] они относятся к другой области *(нем.)*.

[12] Каскель М.— банкир.

61. С. А. ТОЛСТОЙ

11 (23) декабря 1871 г., Дрезден.

...Я был у m-lle Glümer, которая дала мне свой немецкий перевод «Отцы и дети» [1].

Я не могу сказать тебе, с каким неожиданным удовольствием я это читаю.

Какие звери — те, которые обиделись на Базарова!

Они должны были бы поставить свечку Тургеневу за то, что он выставил их в таком прекрасном виде. Если бы я встретился с Базаровым, я уверен, что мы стали бы друзьями, несмотря на то, что мы продолжали бы спорить.

[1] Глюмер — см. примеч. 15 к № 28. Читал ли Толстой ее перевод в рукописи или он уже был напечатан — не установлено. Нам известно лишь его более позднее издание, вышедшее в Штутгарте в 1883 г.

62. Б. М. МАРКЕВИЧУ

(Перевод с французского)

13 (25) декабря 1871 г., Дрезден.

Пример плохих стихов и плохих рифм — но!

Чьей это ты кровью свой меч обагрил...

<См. т. 1, стр. 596>

Мой перевод не может быть хорош, потому что у меня нет древнеанглийского подлинника, и переводить пришлось с немецкого, что я сделал со всей точностью, но только известно ли Вам в какой бы то ни было литературе что-либо столь же драматическое в столь лаконичной форме? Прочитав, я был overwhelmed [1]. Если, читая это, Вы внесете сюда элемент драматизма и *сомнамбулизма*, готов ручаться, что не найдется такого человека, которого бы это не потрясло до глубины существа. Перечитывая, и я всякий раз бываю потрясен и могу поставить это рядом только со сценой безумия леди Макбет.

[1] ошеломлен (*англ.*).

63. Б. М. МАРКЕВИЧУ

(Перевод с французского)

31 декабря 1871 г. (12 января 1872 г.), Висбаден.

Любезный муж, я получил Ваше письмо по поводу английской баллады [1] и сразу вслед за тем статью «Русского мира» с лестным замечанием о двух моих стихотворениях [2]. Вы не можете поверить, как я доволен тем, что Вы оценили эту балладу. Я нашел здесь ее оригинал в собрании древних английских стихотворений [3]. Он написан на каком-то ломаном шотландском языке, почти непонятном, и начинается так:

Quhy dois zour brand sae drop wi' bluid,
Edward, Edward? —

что я истолковываю как:

Why does your sword so drop with blood.

В конце баллады — следующее примечание: «This curions song was transmitted to the editor by sir David Dalrymple, bart, late lord Hails»[4]. Не знаю, к какому столетию она относится, но, мне кажется, по времени она предшествует норманскому завоеванию, как мне представляется по ряду оснований, между прочим и потому, что речь в ней не о *замке*, а о башне и доме (zour towirs and zour ha', что, по-моему, означает: your tower and your hall). Немецкий перевод гласит: Halle und Turm, что я перевел как дом и башня. Перевод, которым я пользовался, принадлежит некоему Фонтане[5]. Есть и другой перевод — Шлегеля[6]. Я счастлив узнать, что другие ценят это стихотворение так же, как я. Как хороша и genuine[7] наивность этих замечаний, например, что кровь сокола не так красна, как та, которой покрыт меч Эдварда, или еще, что лошадь его была слишком стара, чтобы у нее могла быть такая темная кровь. И в ответ объяснение Эдварда, что лошадь была *красно-бурая*. Ну, может ли это, по-Вашему, быть созданием менестреля? Это — создание целого народа! В основе, очевидно, лежит исторический факт; он, должно быть, наделал шума в свое время; кто-нибудь, верно, рассказал о нем стихами, другие повторяли их, внося в них изменения, и песня сложилась *сама собой*, благодаря тому врожденному чувству, что лежит в основе всех произведений этого рода, характерные черты которых — сила, правдивость и простота. Нельзя ведь сесть за стол и написать такую вещь с заранее обдуманным намерением. Алексей Жемчужников остался к ней совершенно равнодушен и говорит, что ровно ничего в ней не находит, и это меня утешает: ведь в моих стихотворениях и драмах он также ровно ничего не находит, за исключением «Змея Тугарина». По поводу всего остального он говорит: «Соната, чего тебе от меня надо?»[8] Мне кажется, он хочет, чтобы *и в песнопенье всегда сквозило дело*[9]. Впрочем, он еще одобрил «Сватовство», одну из наименее удачных моих вещей. Но, например, о «Трех побоищах» — «Соната, чего тебе от меня надо?». Я рад, что г-н Чебышев[10], автор статей в «Голосе», ока-

зался честным малым, и от души готов просить у него прощения за то, что назвал его Жопкевичем[11]. Надеюсь, что он не войдет в число прочих газетчиков и что одна из 17 дверей Занзарры[12] отворится, дабы он мог возвратиться в Нирвану и составить часть блаженнейшего Брамы, только четверть которого подверглась воплощению и материализации, каковые воплощения и материализация и составляют вселенную, она же, как это каждому известно, есть зло, а не благо.

Консультация с Pagenstecher[13] дала малоутешительный результат. Он сказал, что мою жену надо совершенно ослепить, пустив ей в глаза некое снадобье. Эта слепота продлится от 2 до 6 недель, после чего можно будет попытаться подобрать ей очки, которые ей придется носить уже всю жизнь. Мы решили отложить до весны этот героический курс лечения и через 3 дня ехать в Италию. Быть может, хороший климат и спокойствие лучше помогут ей, чем это странное лечение. Да хранит Вас господь! Получили ли Вы 5 или 6 длинных писем из Дрездена? Мы три дня провели в Веймаре, где видели г-жу Мейендорф[14] и где великая княгиня пожелала видеть Эгерию[15] в дорожном платье—милость необыкновенная! Веймар очарователен. Приезжайте туда весной. Мы там, кажется, будем, равно как Лист, Вагнер и Рубинштейн.

А. Т.

[1] Речь идет об «Эдварде»

[2] Имеется в виду обзор В Г. Авсеенко «Очерки текущей литературы» («Русский мир», 1871, № 105) с похвальным отзывом о стих. Толстого «На тяге» и «То было раннею весной...».

[3] Речь идет об известных сборниках Т. Перси «Reliques of ancient english poetry», которые в 1866 г. были переизданы в Лейпциге

[4] Это любопытное стихотворение было передано издателю сэром Дэвидом Далримплом, баронетом, покойным лордом Гелс (*англ*).

[5] Фонтане Т (1819—1898) — немецкий писатель.

[6] Шлегель А-В. (1767—1845) — немецкий историк литературы, критик и переводчик, теоретик немецкого романтизма.

[7] неподдельна (*англ*).

[8] Слова французского писателя и ученого Б. Фонтенеля, выражавшие досаду и раздражение, которые вызывал у него этот музыкальный жанр; стали крылатым выражением для обозначения всего монотонного и утомительного.

[9] Выделенные курсивом слова — из стих. Толстого «Порой веселой мая...».

[10] Чебышев-Дмитрнев А. П. (1834—1877), профессор уголовного права Петербургского университета, журналист, автор литературных обозрений в газете «Голос».

[11] В письме к Маркевичу (декабрь 1871 г.).

[12] Занзарра, или саисарра,— распространенное в Индии религиозное учение о вечном существовании души, переходящей из одной земной формы в другую (переселение душ)

[13] Паженштехер Ф.-Г.-А. (1828—1879) — немецкий врач-окулист.

[14] См. примеч. 6 к № 35.

[15] Софью Андреевну.

64. К. САЙН-ВИТГЕНШТЕЙН

(Перевод с французского)

13 (25) марта 1872 г, Венеция

Милая, дорогая княгиня, как Вас благодарить за Ваш подарок, который дошел до меня через г-жу Мейендорф [1] и который я так мало заслужил моим долгим молчанием! Что же касается Вашего письма насчет «Бориса», я Вам отвечал длинным письмом, как только получил Ваше, и я в отчаянии (хотя не удивлен), что Вы его не получили.

Это случается слишком часто. Что меня особенно огорчает, это то, что Вы говорите: «Может быть, я недостаточно поняла?..» Если бы Вы получили мое письмо, Вы бы увидели, насколько я *был счастлив*, что Вы меня так хорошо поняли. Только Вы, как всегда, прежде всего заметили все, что есть хорошего в «Борисе», и немного закрыли глаза на его недостатки, из которых главнейший — *отсутствие единства*. Вы хорошо сказали, что эта драма — пьедестал, воздвигнутый мною для «Бориса», но Вы не захотели заметить, что подробности этого пьедестала затмевают статую и что от этого главное лицо, т. е. Борис, остается почти бездеятелен.

Его историческая бездеятельность не является извинением для поэта, и если есть смягчающие обстоятельства для него, это что его драма, в сущности, не есть драма, а только катастрофа трилогии, и имеет лишь это одно достоинство, если таковое у нее есть.

Я не хочу унижаться паче гордости, милая княгиня, и сознаю, что есть хорошие сцены в «Борисе» и что эти сцены могут произвести впечатление в театре; но они разрозненны и держатся между собой только тем, что все относятся некоторым образом к главному лицу. Г-жа Павлова отнеслась более строго к «Борису», чем Вы, и не хотела его переводить. Но зато я очень был удивлен и приятно поражен, получив здесь несколько отрывков перевода, принадлежащего князю Эмилю Витгенштейну, который уже дошел в своем переводе до 4-го акта. Его перевод, за исключением нескольких ошибок в специальных выражениях, и хорош и поэтичен.

...Я думаю, что до моего возвращения в Россию он его окончит и издаст [2], и тогда я Вам пошлю один или два экземпляра для Вас, и главное — для Листа, которого я не сумею достаточно благодарить за его память; эта память мне делает честь и всякий раз меня трогает с одинаковой силой, т. е. всякое дружеское заявление с его стороны мне так же дорого, как первое.

Вообще очень трудно исчерпать мою благодарность — и меня не надо судить по моим припадкам молчания.

Что я Вам скажу о моих занятиях? Я написал много маленьких стихотворений, баллад и других; несколько из них уже переведены по-немецки; но моя главная работа (Hauptwerk), которую я начал и которая прервана головными болями и отсутствием нравственного спокойствия, это — новгородская драма XIII столетия; она будет называться: «Посадник»... Одно действие окончено, другие же только набросаны, и я жду «счастливой минуты», чтобы засесть за работу.

Так как сюжет не исторический, а взят лишь из нравов того времени и того города, то у меня шире поле, и я мог сделать «ein regelrechtes Stück» с «Steigerung», «Höhenpunkt» [3] и т. п. ...Эта работа меня привлекает; лишь бы наступил благоприятный час, я надеюсь ее скоро докончить.

Но Вы напечатали сочинение о буддийской религии и о браминах, которыми Вы были заняты во время последнего нашего пребывания в Риме [4]. Надеюсь, что Вы меня удостоите прочесть его и что Вы мне его вышлете... Если Ваша доброта ко мне внушит Вам желание написать мне несколько слов, то благоволите адресовать их в

Милан — до востребования. Прежде чем закончить мое письмо, я Вам скажу, что я очень счастлив, и могу Вам сказать, что я *вагнеризируюсь* все более и более (конечно, музыкально) и что мой мозг, или мои уши, или мое сердце, отверзлись для многих красот, которые до сих пор не были мне доступны; так что теперь итальянская музыка мне кажется немного бесцветна, немного холодна; но зато я способен слушать «Лоэнгрина» или «Тангейзера» два раза сряду, в один присест, даже если бы было возможно, то после последнего удара смычка готов начать снова слушать оперу. Я исключаю «Ночную сцену» Лоэнгрина до фразы: «Es gibt ein Glück das ohne Reu'» [5], и т. д. ...

Эту сцену я еще не переварил. В Берлине моя жена познакомилась с г-жой Шлейниц [6]; они почувствовали себя очень близкими друг к другу — и одних и тех же верований.

Да хранит Вас бог, а Вы простите мне и мое молчание, и мою болтовню.

[1] Мейендорф — см. примеч. 6 к № 35.

[2] Перевод Э. Витгенштейна был закончен, но, по-видимому, издан не был. Осенью 1872 г. Витгенштейн переписывался с великим герцогом Саксен-Веймарским о постановке «Царя Бориса» в Веймарском театре, однако постановка не состоялась.

[3] произведение, написанное в соответствии с правилами, с нарастанием, кульминационным пунктом (*нем.*).

[4] «Boudhisme et christianisme» («Буддизм и христианство»), Rome, 1868.

[5] Существует счастье без раскаяния (*нем.*).

[6] Шлейниц М. (1842—1912) — жена прусского министра двора А. Шлейница.

65. С. А. ТОЛСТОЙ

2 (14) апреля 1872 г., Комо.

...Мой друг, вот те романтические воспоминания, о которых я тебе говорил, но я предупреждаю тебя, что надо «газировать» [1].

В 1840 году я был здесь в одно время с нашим государем, тогда великим князем [2]. Всякий день мы ходили в виллу Реймонди стрелять в цель и в голубей. Но так

как дочь кустодэ Пеппина была очень красива, я за ней ухаживал через окошко нижнего этажа, но мне хотелось поговорить с ней с глазу на глаз, и для этого я забыл свою пороховницу в одной из гостиной виллы, а потом я пришел в течение дня ее искать и попросил Пеппину мне помочь.

Пороховница находилась в комнате, в которой ставни были закрыты. Прежде чем уйти, я сделал Пеппине объяснение в любви — такое, что она не могла больше сомневаться в моих чувствах.

Остальное я забыл.

Вчера утром, когда я пошел в Комо, я остановился в вилле Реймонди. Перед дворцом, около большой дороги, на лужайке стоит большой ясень, который я узнал и под которым прежде всегда сидели аббаты...

Жуковский... (Я прерываю себя, чтобы сказать тебе, что подо мной в нижнем этаже поет женский голос, вероятно, у окошка, и поет без аккомпанемента, что-то полуитальянское, полушвейцарское или немецкое вроде Баха. Это голос меццо-сопрано, звучащий в ночном воздухе очень красивыми нотами, полной грудью. Это, должно быть, вновь приехавшая, так как сегодня утром квартира была пуста.)

Я продолжаю: Жуковский нарисовал ясень; но так как он не умел рисовать аббатов, он попросил меня нарисовать ему одного из них, что я и сделал.

Придя теперь под ясень, я увидал под ним аббата, как тогда; я позвонил у решетки, и молодая девушка пришла открыть мне, как в былые времена.

Она была похожа на Пеппину, но я хорошо знал, что это не была она, так как ей тогда было 16 лет, которых она теперь более иметь не может, по крайней мере, я так думаю.

Я попросил видеть сторожа, и старый человек пришел, но я знал, что это не был тот же самый, так как тому было тогда лет шестьдесят, и ему не могло быть их и теперь.

На мои вопросы новый сторож сообщил мне, что прежний умер, а также и жена его, но он ничего не мог мне сказать о Пеппине.

Он был тогда помощником сторожа, и у него глуповатый вид.

Я попросил его открыть мне, и я отыскал комнату и стул, на который я сел, как во время оно. Он спросил меня, не родственник ли я прежнему сторожу? Я отвечал: «Да, немного». Потом я посетил сад, и, к его удивлению, я ему указал место, где прежде было стрельбище, и затем различные перемены, которые произошли с 1840 года. Это мне напомнило удивление швейцара дома Шиллера в Веймаре, когда я вернулся в него после тридцатипятилетнего отсутствия и расспрашивал его о различных лицах 26-го года [3].

— Но вы у меня спрашиваете о лицах, которые давно умерли,— сказал он мне.— Кто же вы?

Тем не менее я не отчаиваюсь найти Пеппину.

Я поручу это моему другу, старому лодочнику Франжи, и если она не умерла, я пойду навестить ее. Дурак же Александр Дюма!

Я нашел здесь «Le chevalier de Maison rouge» и перечел его с большим удовольствием.

Дюма говорит, что палачу Сорон было пятьдесят лет, и он все-таки называет его стариком! Скотина!

Я играл в биллиард с m-r Коле и выиграл у него еще партию. Он очень скромен и деликатен. У него ревматизм, но он снял свое пальто и положил на него своего Фрикей. Он наступил ему на лапу, не очень сильно, но очень извинялся.

Так как мы говорили о здешних комнатах, он мне рассказал, между прочим, что какая-то маркиза из Милана заняла мою, а он — соседнюю.

На следующий день муж маркизы вежливо сказал ему, что жена его не спала всю ночь из-за табака, который курил m-r Коле.

Он ответил ему: «Si j'avais su ça j'aurais jeté ma pipe dans le lac» [4].

И с тех пор он более не курил. Это не по-геройски, но это прилично.

[1] То есть смягчать (от *франц.* *gazer*).

[2] Это было не в 1840, а осенью 1838 г.

[3] Первое заграничное путешествие Толстого с матерью и А. А. Перовским и посещение Веймара относится к 1827 г.

[4] Если бы я это знал, то бросил бы мою трубку в озеро (*франц.*).

66. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

3 (15) апреля 1872 г., Комо.

Спасибо тебе, друг Алексис, тебе и твоей жене, за то, что вы оба такие добрые. Моя жена пишет да вас похваливает, т. е. не сама, а посредством miss Fraser, [1] а впрочем, и сама нацарапала несколько строк, заключающих преимущественно признательность к вам обоим. Она говорит, что ей очень нравится: «В чем вся суть», по крайней мере я догадался из письма miss Fraser, что у твоего стихотворения такое заглавие, и она написала так — копирую с верностью фотографа:

Вччем Виезут.[2]

Жена говорит, что особенно хорош конец. Посылаю тебе переделанную балладу «Садко», которую прошу тебя прочесть моей жене, а впрочем, вообще кому хочешь, тут тайны нет, а есть только картинка, так сказать, несколько аккордов. Кажется, теперь лучше, потому что нет рассказа, а стало быть, нет бесполезного и опасного соревнования с былиной, которая будет всегда выше переделки. Это называется по-немецки: Ein Stimmungstück, или ein Situationsbild[3]. Я ее в Венеции было размазал, и жаль было выкинуть много строф с новгородским местным цветом, а я все-таки их выкинул. Мы с тобой одного ремесла, а потому можем признаться, что вообще *наши* (русские) произведения страдают многословием, например, исторические драмы Островского, где есть не только целые страницы, не только целые сцены, но и целые акты совершенно бесполезные. Я, слава богу, дошел до того, что в своих драмах вычеркиваю без пощады все, что нейдет прямо к делу, и готов вычеркнуть всю драму и начать сначала. Так я сделал с «Федор Иванычем». Так начал делать и ты, что я с удовольствием увидел из твоего письма. Писать могут и подмастерия, а вычеркивают только мастера. Если найдешь, что в балладе следует еще кое-что вычеркнуть, напиши мне, и я, вероятно, соглашусь. А я очень рад, что тебе понравилось «Сватовство», в котором я до того сомневался, что готов был его уничтожить и читал его жене в Красном Рогу с боязнию. Оно отлично переведено по-немец-

ки[4] и немцам нравится. Скажи мне что-нибудь о последней повести Тургенева[5], а особенно прочитай ее моей жене. Впрочем, что бы Тургенев ни написал, хотя бы: Гоп, гоп, гоп, или кукурику, она умилится. Скажи ей, что я начал читать «The heart of Midlothian»[6] и одолел уже первые два вступления, причем не могу удержаться, чтобы не сравнить В. Скотта с драхвою, которая должна непременно бежать полверсты прежде, чем начнет лететь. Впрочем, и это хорошо, а худо, когда человек продолжает бегать и совсем не летит, как тот столяр, которого вы накормили мухоморами. Здесь мухоморов нет, потому что нет мух, а природа никогда ничего не делает бесполезно. Но впрочем, если ей нужны были мухоморы, чтобы морить мух, для чего же она мух создала? Короче было их не создавать, и во всем так, так что в конце концов философы приходят к заключению, что не жить лучше, чем жить. Святые также этого мнения, и я готов согласиться с ними, но тогда куда же деть Венеру Милосскую? Решительно Венере лучше быть, чем не быть, я разумею Милосскую. Что касается до медицинской, я готов ее уступить Бессонову. А я не знаю, известно ли тебе, что я знал одного кобеля по имени: Венер?[7] Это было в 1842 году, шесть лет до изгнания Лудовика-Филиппа. Другой кобель назывался Пуркин, но это было давно, когда ты еще промышлял в Калуге[8], а Алексей Курбатов[9] рубил хвосты. Я видел ящерицу без хвоста. Нехорошо — quelque chose d'inachevé[10]. Ах ты этакий сякой комаринский мужик, прощай, до свидания!

[1] См. примеч. 2 к № 29.

[2] В чем вся суть? (Заграничная сцена из русской жизни) — «Отечественные записки», 1872, № 5.

[3] Произведение, передающее настроение, или картинка (*нем.*).

[4] К. Павловой.

[5] Речь идет о повести «Вешние воды», напечатанной в «Вестнике Европы», 1872, № 1.

[6] То есть роман В. Скотта «Эдинбургская темница, или Сердце Среднего Лотиана»

[7] Ср. комедию «Фантазия» (стр. 238 наст. тома).

[8] То есть в конце 50-х годов, когда А. М. Жемчужников жил в Калуге.

[9] Курбатов А. П. — двоюродный брат Толстого.

[10] что-то незаконченное, незавершенное (*франц.*).

67. А. А. ФЕТУ

12 октября 1873 г, Красный Рог.

Добрый, хороший, милый, любезный Афанасий Афанасиевич! Прежде всего позвольте мне Вас обнять и поблагодарить за добрую память и за стихотворение «Только встречу улыбку твою...». Вы знаете, как я и жена, мы высоко ценим Вас и как человека, и как поэта, и Вы можете себе вообразить, какое удовольствие доставили нам Ваши строки. А теперь я должен Вам сказать, отчего я до сих пор Вам не отвечал. С мая месяца у меня почти не перестает болеть голова, но последние два месяца, особенно конец сентября и начало октября, были для меня настоящею пыткой, так что ни на час, ни на четверть часа я не был свободен от самых яростных невральгических болей в голове. Я не только не мог списать для Вас «Попова» [1], но не мог написать ни одной строчки. Теперь, по крайней мере, я на несколько часов бываю свободен и пользуюсь именно таким промежутком, чтобы извиниться перед Вами. На днях жена и я, мы едем за границу на зиму, пока в Швейцарию, в Montreux, а там, может быть, и в Италию. Что Вы последнее время так мало пишете? Вам бы не следовало переставать; а так как Вы поэт лирический par excellence [2], то все, что Вас окружает, хотя бы и проза и свинство, может Вам служить отрицательным вызовом для поэзии. Неужели бестиальный взгляд на Вас русских фельетонов может у Вас отбить охоту? Да он-то и должен был Вас подзадорить! Обнимаю Вас сердечно, жена Вам дружески жмет руку, мы все Вас любим.

Ваш

Ал. Толстой.

Адрес мой: В Брянск, на станцию Красный Рог.

[1] «Сон Попова».
[2] по преимуществу *(франц.)*.

68. А. ГУБЕРНАТИСУ

(Перевод с французского)

20 февраля (4 марта) 1874 г., Ментона.

Любезнейший де Губернатис,

Постоянно страдая невралгией головы и удушьями, которые лишь изредка дают мне передышку, я до сих пор не имел возможности поблагодарить Вас за присылку Вашей драмы и за Ваше дружеское намерение говорить обо мне в публичной лекции [1]. Мы с женою вместе прочли «Romolo» и пришли в восторг от оригинальности, с которой Вы обработали этот сюжет, от добросовестной эрудиции, которую вы проявили в этом произведении, и от поэтической формы, в которую Вы его облекли. Добавлю от себя лично, что, не являясь вообще приверженцем символизма в поэзии, я делаю исключение для Вашего «Romolo», вследствие глубокой искренности высказанных Вами мыслей и оригинальности колорита, который Вам удалось им придать [2]. В письме к моей жене Вы просите у нее биографических подробностей, касающихся моей литературной деятельности. Она уже кое-что сообщила Вам, но и я сам, со своей стороны, постараюсь представить Вам возможно более полную исповедь, ибо это единственный способ, которым я могу показать, насколько я признателен Вам за Ваше внимание ко мне и как ценно для меня, чтобы обо мне знал такой человек, как Вы. Не будьте же в претензии, если это желание сделает меня многословным. Вы выберете подходящее для Вас из всего, что я Вам сообщу, и простите мне остальное ради моего величайшего к Вам доверия. Итак, я начинаю:

Я родился в С.-Петербурге в 1817 году, но уже шести недель от роду был увезен в Малороссию своей матерью и дядей с материнской стороны г-ном Алексеем Перовским, впоследствии попечителем Харьковского университета, известным в русской литературе под псевдонимом Антоний Погорельский. Он воспитал меня, первые годы мои прошли в его имении, поэтому я и считаю Малороссию своей настоящей родиной. Мое детство было

очень счастливо и оставило во мне одни только светлые воспоминания. Единственный сын, не имевший никаких товарищей для игр и наделенный весьма живым воображением, я очень рано привык к мечтательности, вскоре превратившейся в ярко выраженную склонность к поэзии. Много содействовала этому природа, среди которой я жил; воздух и вид наших больших лесов, страстно любимых мною, произвели на меня глубокое впечатление, наложившее отпечаток на мой характер и на всю мою жизнь и оставшееся во мне и поныне. Воспитание мое по-прежнему продолжалось дома. В возрасте 8 или 9 лет я отправился вместе со своими родными в Петербург, где был представлен цесаревичу, ныне императору всероссийскому, и допущен в круг детей, с которыми он проводил воскресные дни. С этого времени благосклонность его ко мне никогда не покидала меня. В следующем году мать и дядя взяли меня с собою в Германию. Во время нашего пребывания в Веймаре дядя повел меня к Гёте, к которому я инстинктивно был проникнут глубочайшим уважением, ибо слышал, как о нем говорили все окружающие. От этого посещения в памяти моей остались величественные черты лица Гёте и то, что я сидел у него на коленях. С тех пор и до семнадцатилетнего возраста, когда я выдержал выпускной экзамен в Московском университете [3], я беспрестанно путешествовал с родными как по России, так и за границей, но постоянно возвращался в имение, где протекли мои первые годы, и всегда испытывал особое волнение при виде этих мест. После смерти дяди, сделавшего меня своим наследником, я в 1836 году [4] был, по желанию матери, причислен к русской миссии при Германском сейме во Франкфурте-на-Майне; затем я поступил на службу во II Отделение собственной е. и. в. канцелярии, редактирующее законы. В 1855 году я пошел добровольцем в новообразованный стрелковый полк императорской фамилии, чтобы принять участие в Крымской кампании; но нашему полку не пришлось быть в деле, он дошел только до Одессы, где мы потеряли более тысячи человек от тифа, которым заболел и я. Во время коронации в Москве император Александр II изволил назначить меня флигель-адъютантом. Но так как я никогда не готовился быть военным и намеревался оста-

вить службу тотчас же после окончания войны, я вскоре представил мои сомнения на усмотрение е. в., и государь император, приняв мою отставку[5] с обычной для него благосклонностью, назначил меня егермейстером своего двора; это звание я сохраняю до настоящего времени. Вот летопись внешних событий моей жизни. Что же касается до жизни внутренней, то постараюсь поведать Вам о ней, как сумею.

С шестилетнего возраста я начал марать бумагу и писать стихи — настолько поразили мое воображение некоторые произведения наших лучших поэтов, найденные мною в каком-то толстом, плохо отпечатанном и плохо сброшюрованном сборнике в обложке грязновато-красного цвета. Внешний вид этой книги врезался мне в память, и мое сердце забилось бы сильнее, если бы я увидел ее вновь. Я таскал ее за собою повсюду, прятался в саду или в роще, лежа под деревьями и изучая ее часами. Вскоре я уже знал ее наизусть, я упивался музыкой разнообразных ритмов и старался усвоить их технику. Мои первые опыты были, без сомнения, нелепы, но в метрическом отношении они отличались безупречностью. Я продолжал упражняться в течение многих лет, совершенствуясь насколько мог, но печататься начал лишь в 1842 году[6], причем дебютировал не стихами, а несколькими рассказами в прозе. В 1855 году я напечатал впервые в разных журналах несколько лирических и эпических стихотворений[7], позднее же помещал свои стихи ежегодно в «Вестнике Европы» и в «Русском вестнике».

Так как Вы желали иметь характеристику моей духовной жизни, то скажу Вам, что, кроме поэзии, я всегда испытывал неодолимое влечение к искусству вообще, во всех его проявлениях. Та или иная картина или статуя, равно как и хорошая музыка, производили на меня такое сильное впечатление, что волосы мои буквально поднимались на голове. Тринадцати лет от роду[8] я совершил с родными первое путешествие в Италию. Невозможно было бы передать всю силу моих впечатлений и тот переворот, который произошел во мне, когда сокровища искусства открылись моей душе, предчувствовавшей их еще до того, как я их увидел воочию. Мы начали с Венеции, где дядя мой сделал значитель-

ные приобретения в старинном дворце Гримани. В их числе был приписываемый Микеланджело бюст молодого фавна, одна из великолепнейших вещей, какие я только знаю; в настоящее время он находится в С.-Петербурге и принадлежит графу Павлу Строгонову. Когда его перенесли в отель, где мы жили, я не отходил от него. Ночью я вставал посмотреть на него, и нелепейшие страхи терзали мое воображение. Я задавал себе вопрос, что я смогу сделать для спасения этого бюста, если в отеле вспыхнет пожар, и пробовал поднять его, чтобы убедиться, смогу ли унести его на руках. Из Венеции мы отправились в Милан, во Флоренцию, в Рим и в Неаполь, и в каждом из этих городов увеличивались во мне энтузиазм и любовь к искусству, так что по возвращении в Россию я впал в настоящую *тоску по родине* — по Италии, в какое-то отчаянье, отказываясь от пищи и рыдая по ночам, когда сны уносили меня в мой потерянный рай. К этой страсти к Италии вскоре присоединилась другая, составлявшая с нею странный контраст, на первый взгляд могущий показаться противоречием: это была страсть к охоте. С двадцатого года моей жизни она стала во мне так сильна и я предавался ей с таким жаром, что отдавал ей все время, которым мог располагать. В ту пору я состоял при дворе императора Николая [9] и вел весьма светскую жизнь, имевшую для меня известное обаяние; тем не менее я часто убегал от нее и целые недели проводил в лесу, часто с товарищем, но обычно один. Среди наших записных охотников я вскоре приобрел репутацию ловкого охотника на медведей и лосей и с головой погрузился в стихию, так же мало согласовавшуюся с моими артистическими наклонностями, как и с моим официальным положением; это увлечение не осталось без влияния на колорит моих стихотворений. Мне кажется, что ему я обязан тем, что почти все они написаны в мажорном тоне, тогда как мои соотечественники творили большею частью в минорном. В старости я намерен описать многие захватывающие эпизоды из этой жизни в лесу [10], которую я вел в лучшие свои годы и от которой теперешняя моя болезнь оторвала меня, быть может, навсегда. Теперь же могу только сказать, что любовь моя к нашей дикой природе

проявлялась в моих стихотворениях так же, по-видимому, часто, как и свойственное мне чувство пластической красоты.

Что касается нравственного направления моих произведений, то могу охарактеризовать его, с одной стороны, как отвращение к произволу, с другой — как ненависть к ложному либерализму, стремящемуся не возвысить то, что низко, но унизить высокое. Впрочем, я полагаю, что оба эти отвращения сводятся к одному: ненависти к деспотизму, в какой бы форме он ни проявлялся. Могу прибавить еще к этому ненависть к педантической пошлости наших так называемых прогрессистов с их проповедью утилитаризма в поэзии. Я один из двух или трех писателей, которые держат у нас знамя искусства для искусства, ибо убеждение мое состоит в том, что назначение поэта — не приносить людям какую-нибудь непосредственную выгоду или пользу, но возвышать их моральный уровень, внушая им любовь к прекрасному, которая сама найдет себе применение безо всякой пропаганды.

Эта точка зрения прямо противоречит доктрине, царящей в наших журналах, и потому, делая мне честь считать меня главным представителем враждебных им идей, они осыпают меня бранью с пылом, достойным лучшего применения. Наша печать почти целиком находится в руках теоретиков-социалистов, поэтому я являюсь мишенью для грубых нападок со стороны многочисленной клики, у которой свои лозунги и свой заранее составленный проскрипционный список. Читающая же публика, наоборот, высказывает мне несомненное расположение.

Моим первым крупным произведением был исторический роман, озаглавленный «Князь Серебряный». Он выдержал три издания, его очень любят в России, особенно представители низших классов. Имеются переводы его на французский, немецкий, английский, польский и итальянский языки. Последний, сделанный три года назад веронским профессором Патуцци в сотрудничестве с одним русским, г-ном Задлером [11], появился в миланской газете «La perseveranza». Он очень хорош и выполнен весьма добросовестно. Затем мною была написана трилогия «Борис Годунов» в трех самостоя-

тельных драмах, первая из которых, «Смерть Иоанна Грозного», часто шла на сцене в С.-Петербурге, а также в провинции, где она, впрочем, запрещена в настоящее время циркуляром министра внутренних дел. Шла она с большим успехом и в Веймаре в прекрасном немецком переводе г-жи Павловой. Существуют ее переводы на французский, английский и польский языки. Вторая часть трилогии, «Царь Федор» (переведенная на немецкий и на польский), была запрещена для постановки, как только появилась в печати. Это — самое лучшее из моих стихотворных и прозаических произведений, и в то же время оно вызвало больше всего нападок в печати. В связи с этим я должен упомянуть выпущенную мною брошюру, где даны указания к ее постановке и где, между прочим, опровергнуты доводы, на основании которых она была запрещена для сцены. Третья часть трилогии называется «Царь Борис»; на сцену она тоже не была принята [12].

Есть также собрание моих лирических и эпических стихотворений, к которым присоединена драматическая поэма «Дон Жуан», переведенная на немецкий язык г-жою Павловой Со времени издания этого сборника я написал много баллад и лирических стихотворений, рассеянных, главным образом, в «Вестнике Европы» и в «Русском вестнике»; из них я намерен в скором времени составить новый сборник. Лучшею из своих баллад считаю я ту, которая называется «Легенда»: она напечатана в «Вестнике Европы» за 1869 год [13]. Среди стихотворений, не вошедших в сборник, есть одно под заглавием «Поток-богатырь», в котором в сатирической форме изложены мои социально-политические взгляды. Оно имело огромный успех по всей России и навлекло на меня целую лавину оскорблений со стороны журналов. Три года назад оно было упомянуто в Вашей «Rivista Europea».

Резюмируя свое положение в нашей литературе, могу сказать не без удовольствия, что представляю собою пугало для наших демократов-социалистов и в то же время являюсь любимцем народа, покровителями которого они себя считают. Любопытен, кроме всего прочего, тот факт, что, в то время как журналы клеймят меня именем ретрограда, власти считают меня революционером.

Вот, любезнейший мой де Губернатис, моя история, как внешняя, так и внутренняя. Боюсь, что она показалась Вам чересчур длинной, но, во всяком случае, я избавил Вас от своих сердечных дел, которые, принимая во внимание, как напряженно переживаются мною и страдания и радости, сыграли немаловажную роль в моей жизни и не могли не отразиться в произведениях. Впрочем, думаю, что в этом я разделяю судьбу всех вообще поэтов. Итак, я заканчиваю свое бесконечное письмо, крепко пожимая Вам руку, с просьбой напомнить обо мне Вашей супруге и поцеловать от меня Корделию и нового спутника, которого Вы ей дали. Господь да хранит всех вас!

Всем сердцем Ваш

Алексей Толстой.

[1] Эта лекция была прочитана итальянским драматургом, историком литературы, языковедом и литературным критиком А. Губернатисом (1840—1913) во Флоренции 28 марта 1874 г. Напечатана в журнале «La Rivista Europea», 1874, vol. 2, fasc. 3, maggio; «Il conte Alessio Tolstoi».

[2] Стихотворная драма Губернатиса «Romolo» помещена в его журнале «La Rivista Europea», 1873, vol. 1, fasc. 1, dicembre.

[3] В декабре 1835 г. Это были экзамены «из предметов, составляющих курс наук словесного факультета для получения ученого аттестата на право чиновников первого разряда» («Русская старина», 1900, № 12, стр. 686).

[4] В начале 1837 г.

[5] В сентябре 1861 г.

[6] В мае 1841 г., когда вышел «Упырь».

[7] В 1854 г. в «Современнике», а первое стихотворение («Бор сосновый в стране одинокой стоит..») было напечатано еще в 1843 г.

[8] В 1831 г.

[9] Речь идет о придворном звании камер-юнкера, которое Толстой получил в 1843 г. С 1851 г. — церемониймейстер.

[10] См. примеч. 7 к № 72.

[11] Задлер Л. К. (1842—1885) — пианист.

[12] В отличие от «Царя Федора Иоанновича», «Царь Борис» был разрешен цензурой, но не был принят к постановке дирекцией императорских театров.

[13] Толстой имеет в виду «Былину» (первоначальное заглавие «Змея Тугарина»), напечатанную в «Вестнике Европы» в 1868 г.

69. К. САЙН-ВИТГЕНШТЕЙН

(Перевод с французского)

5 (17) февраля 1875 г., Флоренция.

Какая Вы добрая — и какой я отвратительный! Я никаких извинений не нахожу, чтобы объяснить свое молчание после получения Вашего прелестного письма, переданного мне Бутеневым [1] в Париже,— *никаких!* Итак, я не буду стараться извинять себя, и пусть эпитет, которым я себя обозвал с искренней убежденностью, будет мне наказанием. Я получил Ваше письмо в день моего отъезда, и до сих пор я ношу его при себе. Вы меня спрашиваете о моем здоровье. После того, что я Вас видел, на моем пути из Сорренто, два года тому назад, я не переставал до прошлой осени очень страдать от моих невралгий в голове и в спине. Я провел прошлую зиму в Ментоне, около Ниццы. Меня привез туда доктор, так как я был в деревне, в Малороссии, чуть живым, и, как я узнал впоследствии, была минута, когда я был приговорен безнадежно. Вследствие того мой дядя Перовский [2] и мой превосходный друг Алексей Бобринский приехали из Петербурга ко мне, думая присутствовать при моем последнем издыхании. Господь этого не захотел, и после мучительной зимы в Ментоне я поехал в Карлсбад и оттуда в Малороссию, где простой уездный врач, Ваш соотечественник, г. Корженевский, принес мне огромную пользу, давши мне литиум, металл новооткрытый, который как будто волшебною силою прекратил все мои страдания. В сентябре я поехал в Париж в намерении ждать там мою жену и с ней отправиться в Англию, чтобы провести зиму в Торки. Но д-р Боткин [3], сопровождающий императрицу, во время его проезда через Париж мне решительно это запретил и предписал мне Флоренцию. Но в течение этого времени невралгия вернулась еще сильнее и перешла в странную болезнь, названную «зона», которая состоит в том, что половина торса точно подвергнута была настоящему обжогу раскаленным железом или кипятком. Страдания невообразимые, постоянные, и продолжались более месяца, доводя меня иногда до крика.

...Видите, дорогая княгиня, как я позволяю себе про-

странно говорить Вам о самом себе. Это не в моих привычках, но я убежден, что Ваше сочувствие искренно, и я у Вас не прошу прощенья за все подробности.

Что касается моих литературных занятий, увы! — они не существовали за эти последние два года. Я едва мог написать письмо,— и то каких это усилий мне стоило! Но со мной случилась странная вещь, которую я хочу Вам рассказать: во время моей большой болезни в деревне, так как я не мог ни лечь, ни спать сидя, я как-то ночью принялся писать маленькое стихотворение, которое мне пришло в голову. Я уже написал почти страницу, когда вдруг мои мысли смутились, и я потерял сознание.

Пришедши в себя, я хотел прочесть то, что я написал; бумага лежала передо мной, карандаш тоже, ничего в обстановке, окружающей меня, не изменилось,— а вместе с тем я не узнал ни одного слова в моем стихотворении. Я начал искать, переворачивать все мои бумаги и не находил моего стихотворения. Пришлось признаться, что писал *бессознательно*, а вместе с тем мною овладела какая-то мучительная боль, которая состояла в том, что я непременно хотел вспомнить что-то, хотел удержать какую-то убегающую от меня мысль.

Это мучительное состояние становилось так сильно, что я пошел будить мою жену; она, с своей стороны, велела разбудить доктора, который велел мне сейчас же положить льду на голову и горчичники к ногам,— тогда равновесие установилось. Стихотворение, которое я написал совершенно *бессознательно* (nicht unverschämt, sondern unbereut) [4], недурно и напечатано в январской книжке этого года «Вестника Европы». Оно начинается следующими словами:

Прозрачных облаков спокойное движенье...

Во всяком случае, это — явление патологическое, довольно странное. Три раза в моей жизни я пережил это чувство — хотел уловить какое-то неуловимое воспоминание — но я не желал <бы> еще раз пройти через это, так как это чувство очень тяжелое и даже страшное. В том, что я написал, есть какого-то рода предчувствие — близкой смерти. Но, как видите, это не сбылось, что доказывает еще раз, что нельзя верить предчувстви-

ям. Я далеко от всяких мрачных мыслей, и мне хочется петь тра-ла-ла!..

Относительно же моей нравственной Stimmung [5], она совершенно такая же, как была у меня в 20 лет, и если только так продолжится, то я надеюсь эту зиму не быть литературным евнухом...

...Я очень счастлив, что могу Вам послать «Слепого» в переводе г-жи Павловой; я сперва было отослал его ей обратно — в припадке кокетства, так как я его не нашел довольно хорошим, т. е. довольно достойным ее. С моей стороны это было Hochmut [6], так как перевод недурен, и иные строфы, первые, переведены великолепно; но я так привык видеть одни шедевры из-под ее пера, что я к ней придрался... и просил более точного перевода, которого она не сделала, и теперь я буду у нее с повинной головой просить обратно перевод, как он есть, и Вам его доставлю, как только получу. Я не нахожу слов, чтобы благодарить Листа за его желание употребить свой гений для изложения песни моего сердца, и честь, которую он хочет мне сделать, наполняет меня гордостью и радостью; я тоже не могу выразить ему, насколько я тронут и благодарен за его дружбу. Я его часто вижу во сне, и чувство, которое я тогда испытываю,— чувство *безграничного* преклонения, которое меня возвышает в моих собственных глазах.

Скажите ему, что я его люблю — вот все, что я могу выразить словами. Вы меня спрашиваете, что делает новгородский мэр? Он на бумаге не подвинулся ни на шаг, из-за причин, о которых я Вам уже говорил, но он крепко сидит у меня в голове с изменениями, которыми я обязан Вашему поэтическому и артистическому чувству, т. е. я решительно заставлю его умереть в последней сцене [7]. Что касается *до любви к портрету*, это окончено и напечатано в одном из последних номеров «Вестника Европы», и оно имеет большой успех между литераторами — негазетчиками. Эти же последние, как всегда, забрызгали его пеной. Это своего рода знак уважения, который я принимаю с некоторой гордостью [8]. Не имев возможности самому писать, я воспользовался в Карлсбаде присутствием одной моей кузины, кн. Львовой, чтобы ей продиктовать мой последний сборник стихотворений. Я хотел его напечатать в Берлине, но, вер-

ный моему славянскому характеру, откладываю дело со дня на день, и рукопись находится еще при мне[9].

Может быть, это к лучшему, так как, если я буду продолжать в таком же смысле, я не просижу во Флоренции сложа руки. Моя бедная жена очень страдает глазами. Она прежде проводила дни и ночи за чтением и потому чувствует себя потерянной с тех пор, как не может читать даже полчаса сряду. Она Вам шлет свои дружеские приветы, самые горячие выражения дружбы и надеется Вас видеть весной, так как она намерена ехать в Рим, чтобы искать квартиру для будущей зимы. Если мы найдем квартиру, я буду очень счастлив и рассчитываю на Вас, что Вы меня наэлектризуете. Прощайте — до свидания, дорогая, добрая княгиня. Моя жена присоединяется ко мне, чтобы сказать Листу — все, что мы к нему чувствуем и что могло бы быть выражено музыкой, и то только музыкой, исходящей из него самого.

[1] Бутенев М. А.— секретарь русского посольства во Франции.

[2] Б. А. Перовский.

[3] Боткин С. П. (1832—1889) — врач-терапевт и ученый, профессор Медико-хирургической академии.

[4] не без стыда, но не раскаиваясь *(нем.)*.

[5] настроение *(нем.)*.

[6] высокомерие *(нем.)*.

[7] Речь идет о драме «Посадник».

[8] О поэме «Портрет», напечатанной в № 1 «Вестника Европы» за 1874 г. Отрицательные отзывы о ней появились в «С.-Петербургских ведомостях» (1874, № 12), «Сыне отечества» (1874, № 24) и «Голосе» (1874, № 10).

[9] История работы над подготовкой второго сборника стихотворений летом 1874 г. рассказана в воспоминаниях Е. А. Матвеевой (рожд. Львовой) («Исторический вестник», 1916, № 1). Работа, по ее словам, не была завершена.

70. Б. М. МАРКЕВИЧУ

(Перевод с французского)

15 (27) марта 1875 г., Флоренция.

Дорогой мой друг Маркевич, со всех сторон ко мне доходят слухи, самые противоречивые и отчасти самые нелепые, о Вашем разладе с министром просвещения и

о причинах, по которым Вы бросили службу [1]. Как это случилось, что Вы не подумали написать мне, зная, какое искреннее участие я принимаю в Вас, т. е. *мы* принимаем в Вас? Надо ли мне говорить, что ни я, ни моя жена ни минуты не сомневались в том, что мотивы, заставившие Вас покинуть министерство, могли служить только к Вашей чести, и это-то мы a priori [2] заявляли всем тем, кто рассказывал нам о ссоре, разразившейся между Вами и Толстым. Но что это за ссора, в конце концов? В чем она заключается? Я должен узнать это от Вас самого, чтобы знать правду и иметь возможность говорить ее всем, если потребуется. Не было ли тут клеветы? Если была, не сидите сложа руки, дорогой друг, а напечатайте опровержение при звуках труб, а если русские газеты окажутся настолько трусливыми, что не захотят опубликовать его, напечатайте его, черт возьми, за границей и не надевайте при этом белых перчаток! Но я разговариваю с Вами, как слепой рассуждает о картине. Напишите же мне немедленно [3], а пока что от души обнимаю Вас, а жена моя жмет Вам руки. Я чувствую себя относительно хорошо, т. е. лучше, чем в прошлом году, однако задыхаюсь часто, может быть, из-за того, что зима у нас стоит скверная. Я немного начал писать и сейчас перевожу с итальянского старинное стихотворение в *терцинах* [4]. Это довольно трудно, когда нет привычки, но я надеюсь довести это до конца, если не здесь, то, по крайней мере, летом в Красном Рогу. Кстати, мы надеемся на Ваше обещание приехать туда, Вам, впрочем, известно, что это хорошее и спокойное место, где славно пишется. Я еще не знаю, будем ли мы там уже в мае или же мне придется начинать с Карлсбада и ехать в Красный Рог после лечения, но я сообщу Вам об этом заблаговременно. Да хранит Вас господь, целую руки Вашей жене и обнимаю puer doctissimus sed turbulentissimus [5].

Сердечно Ваш

Алексей Толстой.

[1] Увольнение Маркевича из министерства народного просвещения и лишение придворного звания камергера были вызваны скандальными обстоятельствами и наделали в свое время много

шума. Способствуя, как член совета министерства и близкий к министру человек, переходу «С.-Петербургских ведомостей» от В. Ф. Корша к банковскому деятелю Ф. П. Баймакову, Маркевич получил за это крупную взятку.

[2] заранее, еще не зная (*лат.*).

[3] «Последняя история очень огорчила бедного А. К.,— свидетельствует М. М. Стасюлевич в своей брошюре «Черный передел реформ императора Александра II», изданной анонимно в Берлине в 1882 г.,— и вот Маркевич доставляет ему в свое оправдание копию с своего письма министру и вместе разъясняет причину своего краха. Понятно, что эту копию покойник с наслаждением читал каждому, желая тем хоть сколько-нибудь оправдать свою слабость к Маркевичу» (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, т. 3, СПб., 1912, стр. 768).

[4] Речь идет о поэме «Дракон», которую Толстой выдавал за перевод с итальянского.

[5] дитя ученейшее, но самое буйное (*лат.*).

71. К. САЙН-ВИТГЕНШТЕЙН

(Перевод с французского)

16 (28) мая 1875 г., Флоренция.

Милая, дражайшая княгиня! Третьего дня я решился разрезать гордиев узел и послать Вам рукопись карандашом — г-жи Павловой; [1] я должен был бы это сделать давно, но тут, как и в других случаях, я некстати заупрямился, т. е. я хотел сам переписать, но это оказалось мне не по силам. У меня бывало по нескольку невыносимых припадков удушья ежедневно, и я себе сказал, что это было бы слишком сильным наказанием и что Вы, пожалуй, увидите неохоту там, где было только желание доставить Вам что-нибудь разборчивое. Действительно, рукопись г-жи Павловой не может быть послана Листу в таком виде; надеюсь, что Вы найдете в Риме какого-нибудь хорошего немца, который возьмется сделать приличную копию. Что касается меня, то я такого не знаю во Флоренции; сам же я не был к тому годен и не хотел воспользоваться Вашей дружбой, чтобы обременить этим Гиллебрандта [2]. Итак, простите и поймите меня. Нужно было бы быть без сердца и без ума, чтоб не быть осчастливленным предложением Листа и не

схватиться за него обеими руками, а я имел вид, как будто меня должны просить, но Вы, с Вашим чутьем, Вы меня в этом не обвините. Я вполне понимаю, что другая баллада слишком разбита на кусочки и слишком саккадирована для музыки [3], и теперь я желаю только одного: это — чтобы переписчик хорошо прочел то, что написано карандашом г-жой Павловой, и переписал бы без слишком многих ошибок. Я хорошо помню, что при нашем последнем свидании Вы имели мысль назвать балладу «Sängers Segen» [4]. Откровенно говоря, я не хотел бы этого заглавия, потому что оно отняло бы у баллады ее самостоятельный характер и сделало бы из нее, в некотором роде, un pendant [5] или ответ на стихотворение Уланда: «Sängers Fluch» [6]. Мне кажется, что «Der Blinde» или «Der blinde Sänger» [7] подходит лучше и не содержит никакого полемического намерения. Милая княгиня, как я хотел бы подолгу с Вами беседовать, но я должен отложить это желание и мою потребность до другого раза, потому что мне тяжело писать. Чтоб набросать на бумаге эти немногие строки, я садился и вставал по многу раз...

Итак, мы уезжаем в воскресенье и едем, не торопясь, в Карлсбад, избегая путешествовать в жару, которая — мой враг.

Мы думаем провести будущую зиму — увы! — не в Риме, а в Париже, где я предприму курс лечения массажем и пассивной гимнастикой...

...Пишите мне, пожалуйста, в Карлсбад, и когда баллада будет переписана, верните мне оригинал. Да хранит Вас бог, милая княгиня.

Сердечно Ваш — *Алексей Толстой.*

[1] Рукопись перевода баллады «Слепой» на немецкий язык, сделанного К. Павловой.

[2] Гиллебрандт К. (1829—1884) — немецкий историк и публицист; в 70-е годы жил во Флоренции.

[3] Речь идет об «Алеше Поповиче» в переводе Павловой. Прочитав его, Сайн-Витгенштейн сообщила Толстому, что стихотворение не подходит для Листа «из-за быстрого изменения и разнообразия сюжета» («Вестник Европы», 1906, № 1, стр. 169—170). Отвечая на это письмо, она вновь подчеркнула, что «другая баллада» хороша, «нисколько не отрывиста в стихах», но не «подходит к характеру музыки Листа» (там же, стр. 173—174).

[4] «Благословение певца» (*нем.*).

[5] параллель *(франц.)*.

[6] «Проклятие певца» *(нем.)*. Уланд И.-Л. (1787—1862) — немецкий поэт.

[7] «Слепой», или «Слепой певец» *(нем.)*. Лист осуществил свое намерение и написал к «Слепому» музыку.

72. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

22 июня (4 июля) 1875 г., Карлсбад[1].

Стараюсь, любезный и многоуважаемый Михаил Матвеевич, хотя издали уподобиться Вам аккуратностью, которой Вы составляете пример, редкий во всех государствах, но в нашем неслыханный. Если бы живший на реке Ловати род Богумила, а на реке Назье род Борислава, а на реке Волхове род Гостомысла состояли из Стасюлевичей, то, конечно, не пришлось бы им звать варягов, а напротив, варяги позвали бы их к себе. Сейчас получил я Ваше письмо из Киссингена. Действительно, я забыл подписать «Дракона» и прошу Вас сделать это за меня; а если останется еще чернило на пере, то взять на себя труд изменить первый стих 30-й строфы следующим образом:

Лишь тут снял шлем с усталой головы я.

Шлем как-то проще, чем шелом. Что касается до последней строфы, от которой есть только первый стих, позвольте — faire un petit étalage d'érudition[2], которую я этой зимой приобрел от Michelangelo Gaetani, duca di Sermonata.[3] Терцинами писали в Италии и до Данта, но Данте первый стал заканчивать свои главы *четвертым* стихом, без которого или последняя строфа осталась бы без рифмы, или бы, по сложности и беспрерывности *терцинной цепи*, никогда нельзя было бы кончить, ибо одна строфа требует непременно другую. В изданиях Данта, которые мне случилось видеть, этот четвертый стих (единственный четвертый в конце каждой главы) стоит, как у меня; или же он слит с последней строфой, или поставлен после нее уступом, но без номерации.

Ставить точки я считаю неудобным, ибо это предполагало бы неоконченность стихотворения. Я думаю, лучше выпустить последнюю цифру и примкнуть стих

Обычные там ведшей разговоры —

к строфе 193-й, сделав небольшой уступ, или, говоря правильнее, немного отступя.

Ваше любезное предложение очистить наш счет прежде напечатания «Дракона» так редко в хрониках журналистики, что оно поразило Зегена, и он воскликнул: «Daß dich! So was täte ein deutscher Herausgeber nicht!» [4]. На что я ему отвечал: «Ein anderer russischer auch nicht!» [5]. К сожалению, у меня в настоящее время нет в Петербурге поверенного, и я принужден просить Вас поручить Вашей конторе выслать мне деньги за «Дракона» *в Брянск, для доставления на станцию Красный Рог.* Так я всегда получаю деньги и документы. О высылке же прошу контору уведомить меня простым письмом по тому же адресу. В Красном Рогу я буду через десять дней. Был бы и ранее, но мы с Тургеневым затеяли публичное чтение в пользу жителей Моршанска, что совершится в будущую субботу [6]. Мы, т. е. я с женой, предполагаем ехать в Париж в конце сентября, но я буду очень рад получить мой гонорар теперь же.

Быть может, в течение зимы я предложу Вам в «Вестник Европы» новую работу, а именно: «Охотничьи воспоминания» в прозе, которые я уже начал набрасывать. Туда войдет сверх настоящих охотничьих приключений, которыми я очень богат, множество анекдотов о живых и мертвых и вообще все, что взбредет в голову. Оно, если удастся, может выйти характерно и интересно [7].

Тома, содержащего Жуковского, я не получал и буду Вам очень благодарен, если Вы пришлете его в Красный Рог [8].

Крепко жму Вашу руку и остаюсь искренно Ваш

Ал. Толстой.

Тургенев выразил мне было желание, чтобы я сделал ему вспрыскивание, но потом на попятный двор. Надеюсь, что у него в непродолжительном времени заболит

известное место, воспетое в «Заповедных сказках», и что я буду иметь случай избавить его от страданий.

[1] У Толстого: «Karlsbad, Marienbadstrasse, Haus «Stadt Wien». 4 июля (22 июня). Священномученика Евсевия, мучениц Юлиании, Зины (Ап. Рим., V, 1—10; Ев. Мат., VI, 22—33). От Рождества Христова 1875. От сотворения мира 7383. От основания Русского государства 1013. От употребления морфины 1-й».

[2] выставить напоказ эрудицию *(франц.)*.

[3] Каетани (а не Гаетани) М. (1804—1882) — итальянский исследователь Данте.

[4] Черт побери! Ничего подобного не сделал бы немецкий издатель! *(нем.)*. Зеген И. (1822—1904) — медик, венский профессор; в летние месяцы практиковал как врач в Карлсбаде.

[5] Другой русский также не сделал бы! *(нем.)*.

[6] Имеется в виду вечер в пользу моршанских погорельцев.

[7] Черновые наброски «Охотничьих воспоминаний» хранились у Д. Н. Цертелева (см. Д. Языков. Граф А. К. Толстой.— «Московские ведомости», 1900, № 268). По свидетельству С. П. Хитрово (А. А. Кондратьев. Граф А. К. Толстой, СПб., 1912, стр. 83), они были утеряны. Однако в собр. Л. Б. Модзалевского (рукоп. отд. Института русской литературы) сохранились заметки, сделанные им после разговора с С. М. Лукьяновым, который читал ему в 1925 г. отрывок из воспоминаний С. П. Хитрово. Среди этих заметок есть указание, что С. П. Хитрово не хотела публиковать написанные Толстым части «Охотничьих воспоминаний». Текст их до нас не дошел.

[8] Речь идет о томе серии избранных произведений русских классиков «Русская библиотека», посвященном поэзии В. А. Жуковского.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

произведений А. К. Толстого, включенных в тома 1—4 Собрания сочинений

СОДЕРЖАНИЕ

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

А. К ТОЛСТОЙ.
Собрание сочинений
в четырех томах.
Том IV.

Оформление художника
Е. Казакова.

Технический редактор
А. Шагарина.

Сдано в набор 6/III 1969 г. Подписано к печати 5/VI 1969 г. Бумага типогр. № 1. Форм. бум. 84×108 1/32. Объем 22,26 усл печ. л 21,69 уч изд. л Тираж 645 000 экз. Изд. № 1031 Зак. № 1605

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, улица «Правды», 24.

Индекс 70688